

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АРХИТЕКТОР ПАМЯТИ

ОНА СТЁРЛА СЕБЕ ПАМЯТЬ САМА

Их память — Их выбор.
Ее память — их катастрофа.

СОВЕТТУРСЫН АСЕТ

РОМАН • КИБЕРПАНК • ТРИЛЛЕР

Асет Советтурсын

Архитектор Памяти

<https://litres.ru/73885714>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре миллиарда человек вшили в запястье порт «Мемо-Синтез». Они стёрли страхи, вину, боль — променяли свободу на тишину в голове.

На нижних ярусах мегаполиса Элара Вэнс собирает чужие сломанные жизни. Подпольный архитектор памяти, она не помнит своего прошлого.

Всё меняется, когда к ней спускается сам основатель «Мемо-Синтез». Глава криминального синдиката — единственный человек, которого корпорация боится, — просыпается другим. Расчёт и жестокость подменили эмпатией. Кто-то переписал ему разум. Найти автора — задание, от которого нельзя отказаться.

Исследуя чужой код, Элара делает открытие: архитектура взлома принадлежит ей самой. Три года назад она стёрла себе память. По её следу идут Интерпол, наёмники и собственный разум, в котором просыпается та, кого она закопала.

Освободить миллиарды одним ударом — или оставить им право решать, что делать со своей болью? Первый путь написала она прежняя. Второй ей ещё предстоит придумать.

Катастрофа, которую все ищут — это не событие. Это она.

Содержание

Глава 1: Ржавчина и Шоколад	4
Глава 2: Сделка с пустотой	16
Глава 3: Стеклянный собор	27
Глава 4: Шум	38
Глава 5: Подпись	45
Глава 6: Пакет	53
Глава 7: Адрес получателя	60
Глава 8: Протокол	67
Глава 9: Набережная	76
Глава 10: Выбор	83
Глава 11: Город	90
Глава 12: Когнитивное убийство	98
Глава 13. Ил	114
Глава 14. Тени	133
Глава 15. Подполье	153
Глава 16. Скан	175
Глава 17. Человек с двумя тысячами изменений	195
Глава 18. Второе лицо	208
Конец ознакомительного фрагмента.	221

Асет Советтурсын Архитектор Памяти

Глава 1: Ржавчина и Шоколад

Белковая лапша остыла пятнадцать минут назад. Бледные, склизкие полоски сои слиплись на дне пластиковой тарелки, но Элара продолжала методично накручивать их на вилку. Она жевала механически, не чувствуя вкуса — дешёвая соя давно впитала в себя запах озона и застарелой сырости.

В пластиковое ведро под трубой ритмично падали маслянистые капли.

Кап. Кап.

За решёткой на окне шёл дождь.

Напротив неё сидел Томас.

Он работал на утилизационной барже в восточном доке. От него всегда пахло стоячей водой и переработанным маслом. Но сегодня он пришёл в чистой, кем-то тщательно выглаженной рубашке. Ткань на локтях просвечивала, воротник был слегка истрёпан, но он застегнул его до самого кадыка. Его ногти были острижены — коротко, криво, почти под корень, словно он стриг их тупыми кусачками в тусклом свете своей лачуги.

Томас нервно теребил потрескавшийся край стола.

— Я принёс... вот, — он неловко засунул руку во внутренний карман куртки. Вытаскивая руку, зацепился за подкладку. На его лице мелькнул искренний испуг.

Наконец он вытащил небольшой прямоугольник в помятой серебристой фольге.

Плитка дешёвого соевого шоколада. Углы подтаяли от долгого ношения в кармане. Томас положил её на стол, аккуратно придвинув к тарелке с лапшой. Быстро отдёргнул руку и спрятал под стол.

— К чаю.

Элара молча посмотрела на шоколад. Потом перевела взгляд на Томаса. У него дрожали губы — едва заметно, мелкой физиологической дрожью человека, стоящего на краю.

— Томас.

— Да.

— Сколько вы копили?

Он моргнул.

— Три... три недели. Сверхурочные.

— Вы понимаете, что стандартный пакет не даст вам того, что вы хотите. Он даст вам тёплое ощущение. Размытое. Как разогретый суп из пакетика. Без лица, без запаха. Через час вы забудете.

Томас сжал кулаки под столом.

— Мне сказали, что вы можете... по-другому.

— Кто сказал?

— Мигель. С третьего причала.

Элара помолчала. Мигель. Она помнила — молодой парень, хотел забыть драку, в которой ему сломали челюсть. Чистая работа. Он не должен был болтать.

— Мигель преувеличивает.

— Он сказал, что после вашего сеанса две недели слышал голос матери. Настоящий. Не из динамика. Здесь, — Томас неловко ткнул пальцем в свой висок. — Внутри.

Элара медленно положила вилку.

— Вы понимаете, что это стоит дороже.

— У меня есть только это. — Он кивнул на мятые купюры, которые уже лежали у края стола, придавленные солонкой. — Я знаю, что мало.

— Этого мало вдвое.

Томас опустил глаза. Потом тихо спросил:

— А за шоколад?

Она секунду смотрела на него. На его криво подстриженные ногти. На рубашку, которую он гладил, вероятно, дном горячей кастрюли. На подтаявшую плитку дешёвого соевого шоколада, которую этот пятидесятилетний мужчина принёс ей как подарок.

— Ложитесь в ванну, Томас.

Её голос не дрогнул. Она двумя пальцами отодвинула тарелку с лапшой, освобождая рабочее пространство. К шоколаду не прикоснулась.

Нейро-ванна отозвалась низким гулом. Томас неуверен-

но поднялся, зацепив стул коленом. Грохот — он виновато сжался. Лёг в ванну, неловко поджимая длинные худые ноги в потёртых ботинках. Вытянул руки вдоль тела и замер.

Элара достала латексные перчатки, натянула. Подошла к изголовью. Начала закреплять диоды-датчики на его висках и затылке. Кожа под пальцами — холодная и липкая от пота. Как только металл первого диода коснулся виска, он зажмурился.

— Томас.

— Да.

— Не сжимайте челюсть. Будет больнее.

Она вернулась к столу. Выдвинула нижний ящик, ржавые полозья скрипнули. Извлекла шприц-тюбик с мутной сероватой жидкостью — «эфир». Самый дешёвый синтетик на чёрном рынке Оукхейвена.

Щелчок защитного колпачка. Полая игла. Отточенное годами движение — игла вошла в металлический порт, вживлённый в её левое запястье.

Порт был у каждого. Маленький металлический диск под кожей, размером с монету. Его вживляли в пять лет — бесплатно, по государственной программе. Официально — для медицинских нейро-сканирований, экстренной диагностики, обучающих программ. Через порт школьники загружали языки и формулы. Через порт врачи читали нервную систему пациента. Через порт корпорация «Мемо-Синтез» продавала миллионам людей фабричные воспоминания — стандарт-

ные пакеты счастья, покоя, уверенности. «Уют-3», «Рассвет над морем», «Первый поцелуй». Легально, массово, дёшево.

Никто не спрашивал, что ещё можно сделать через порт.

Элара знала. Порт — это дверь. Стандартный пакет — это открытка, просунутая под дверь. А то, что делала она — это когда кто-то входит внутрь, садится в твоём кресле и переставляет мебель. Для этого нужен эфир — химический мост между двумя сознаниями. Фабричный эфир был чистым, слабым, рассчитанным на поверхностный контакт. Тот, что лежал в ящике Элара, — грязный, дешёвый синтетик с чёрного рынка. Но он давал глубину.

Мозг не чувствует вторжения. У него нет болевых рецепторов для этого, как нет рецепторов для радиации. Хорошая работа неотличима от собственной памяти — как протез, сросшийся с костью. Плохая — вызывает иммунный ответ: тошноту, паранойю, кататонию. Дюпон был плохой работой. Элара старалась об этом не думать.

Био-контакт начинался всегда одинаково. Химический холод по венам. Тошнотворная спазма к горлу. Металлическая горечь на корне языка. Комната теряла цвет. Звуки глохли.

А потом приходила власть.

Элара закрыла глаза. Подвал исчез. Она оказалась внутри.

Разум Томаса был тесной, тёмной камеркой. Страх потерять работу. Страх перед болезнью. Между ними — вязкая, тяжёлая усталость.

Здесь было жалко.

Она могла бы сделать всё быстро. Сбросить стандартный пакет «Уют-3», выдернуть иглу, забрать деньги. Тридцать секунд.

Но её пальцы на сенсорной панели замерли. На одну долю секунды.

Она углубилась дальше, скользя между блоками его рутины. Искала центр.

Нашла. Маленький, пульсирующий тёмно-красным узел. Его тоска. Обрывки памяти о жене, Анне, лица которой он уже почти не помнил из-за дешёвых стираний. Стыд за то, что в пятьдесят лет он сидит в подвале, пытаясь купить эрзац её присутствия.

Элара подобралась к узлу. С холодной хирургической точностью обогнула пульсирующее ядро. Нащупала нервные окончания, питающие эту саднящую реальную боль потерь, и мягко перерезала их одно за другим. Боль Томаса никуда не исчезла, но она изолировала её, превратив из агонии в тупой фоновый шум.

На расчищенном фундаменте она начала лепить замену.

Не шаблон из базы данных. Она восстанавливала образ Анны почти с нуля, без её настоящего лица, но с тем же покоем. Простую. Уставшую. Тёплую. Сместила оттенок света в его памяти, сделав мягким, янтарным. Добавила запах — сухая бумага, типографская краска, яблочное мыло. Создала голос, но в последнюю секунду сделала его на полтона мягче,

добавив хрипотцу женщины, которая когда-то любила петь.

Женщина села на край кровати. Взяла грязные руки Томаса в свои — прохладные и чистые. Погладила его криво остриженные ногти. Сказала, что всё будет хорошо.

Обратная связь — Томас расслабился в ванне. Напряжение ушло из мышц. Пальцы разжались. Дыхание выровнялось.

Секунду она осознавала свою координату. Чужой разум в кулаке. Можно сделать что угодно.

Это длилось секунду.

Большого она себе не позволяла.

Она оборвала контакт. Выдернула иглу.

Реальность обрушилась. Звук воды. Запах химикатов. Тошнота подкатила к горлу.

В ванне зашуршал гель. Томас открыл глаза. Лежал неподвижно, глядя в потолок. По его впалым щекам текли слёзы.

Он ничего не сказал. Медленно поднялся. Не смотрел на неё. Достал из кармана влажные купюры, расправил на краю стола. Был осторожен, чтобы не задеть шоколадку.

Направился к выходу. Уже у двери остановился.

— Она пела? — тихо спросил он, не оборачиваясь.

— Что?

— Та женщина. Которую вы мне сделали... вместо Анны. Она... пела когда-нибудь?

Элара замерла.

— Не знаю, Томас. Я не знаю.

Он кивнул. Как будто именно этот ответ и ожидал. Прикрыл за собой дверь с тихим щелчком и исчез в дожде.

Элара осталась одна.

Кап. Кап.

Тошнота перешла в знакомую тяжёлую пульсацию. Мигрень вбивала горячие гвозди в основание затылка. Элара знала этот тип боли.

Она подошла к раковине. Повернула скрежещущий вентиль. Ледяная ржавая вода ударила в потемневший сток. Опустила руки в струю. Кожа покраснела. Холод заглушил боль.

Чтобы отвлечься, начала тихо напевать. Старая колыбельная, которую она помнила столько же, сколько саму себя. Эту песню ей пела мать. До Парижа.

Спи, мой мальчик, ночь темна...

В небе плавает луна.....

Она замерла. Вода продолжала утекать в слив.

Она не помнила третью строчку.

Ещё вчера помнила. Мелодия текла естественно до конца куплета. Сегодня — обрыв. Гладкая, стерильная пустота. Вырезанный фрагмент.

Элара выключила воду. Тишина. Сняла жёсткое полотенце. Каждый палец досуха вытерла.

Подошла к шкафчику. Таблетница. Крышка вторника откинута. Две белые капсулы анальгетика. Проглотила всухую.

Вернулась за стол. Взяла вилку. Подцепила склизкую лап-

шу. Начала жевать.

Её взгляд скользнул к двери. Магнитный замок вышел из строя месяц назад. С тех пор она подпирала дверь стальным ящиком. Сейчас щель была шире. Ящик отодвинут — аккуратно, без звука.

В дверном проёме стоял человек. Обычный. В сером плаще. Лицо в тени капюшона. Неподвижно. Не вторгался. Обозначал присутствие.

Позади него, со скрипом отмеряя каждую ступеньку, спускался другой человек. Тяжело опирался на чёрную трость с серебряным набалдашником. Каждый шаг сопровождался хрипом в лёгких.

Охранник шагнул в сторону.

Джулиан Торн переступил порог.

Два коротких шага. Встал у стола. На его дорогих туфлях блестели капли грязи. Тёмно-синее пальто, сшитое на заказ. Абсолютно сухое.

Он молчал. Выцветшие глаза обвели помещение. Раковина. Ванна. Тарелка с лапшой. Шоколадка. Пустая таблетница.

Элара не перестала жевать.

— Джулиан Торн, — произнесла она. Голос прозвучал хрипло. — Вы ошиблись районом.

— Нет, — ответил он. Голос тихий, шелестящий. Сухие листья. — Район правильный.

Пауза. Торн опустил взгляд на тарелку с лапшой.

— Белковая?

— Соевая.

— Разница?

— Цена.

Торн чуть наклонил голову. Не улыбнулся.

— Вы уменьшили масштаб работы, Элара. Возиться с портовыми рабочими. Продавать им иллюзию материнской любви за копейки. — Он помолчал. — Безопасность — роскошь для тех, кому нечем рисковать.

— Вы спустились в этот подвал, чтобы обсудить мою карьеру?

— Я спустился, чтобы предложить вам работу.

— Я не работаю на корпорации.

— Я знаю.

Он медленно, с дрожью в крючковатых пальцах, достал из-за пазухи небольшой кейс. Не хромированный дипломат. Потёртый, матово-серый пластиковый контейнер. Без гравировок. Без мигающих замков. Просто исцарапанный кусок серого пластика.

Опустил его на стол. Глухой звук.

— Я не просил вас садиться, — сказала Элара.

— Я и не сажусь.

Снова пауза. Торн посмотрел мимо неё — точно на пустую таблетницу у раковины.

— Три года в этом подвале, — сказал он. — Под стук воды. После Парижа.

Элара замерла. Вилка остановилась в воздухе. Сердце пропустило такт.

— Мы оба знаем, — продолжил Торн, — что вам не нужна безопасность. Вам нужно оправдание.

Париж.

Три года никто не произносил этого слова.

И вот — произнёс.

— Вы ничего обо мне не знаете, — сказала она. Голос ровный. Руки — нет.

— Я знаю достаточно. Знаю, что вы платите за дешёвый эфир тем, что теряете. По кусочку. Каждый сеанс. Сколько вы уже потеряли, Элара? Адрес детства? Имя школьной подруги? Или что-то поважнее?

Она молчала.

— Знаете, что самое страшное? — Торн говорил тихо, почти ласково. — Вы даже не знаете, что именно потеряли. Потому что потерянное не оставляет следа. Просто пустое место. Вы его даже не замечаете.

Элара медленно опустила вилку.

— Что в кейсе?

— Работа.

— Какая работа?

— Та, которую можете сделать только вы.

Торн не стал объяснять. Не стал уговаривать. Он сказал ровно то, зачем спустился, ни словом больше. Кивнул охраннику в проёме. Тот молча шагнул назад и исчез в темноте.

Миллиардер, опираясь тростью о бетон, повернулся спиной. Тяжело пошёл вверх по лестнице. Хриплое дыхание. Скрипучие шаги по металлу. Через минуту — тишина.

В мастерской снова стало тихо.

Кап. Кап.

Элара сидела неподвижно.

Серый кейс на столе.

Слева — шоколадка в надорванной фольге.

Справа — тарелка с остывшей лапшой.

Она взяла вилку. Подцепила лапшу. Отправила в рот. Жевала медленно, глядя вперёд.

Она знала, что там внутри.

Проглотила. Вытерла губы салфеткой. Смяла её в комок и бросила на край стола.

Положила локти на столешницу. Подалась вперёд.

И только после этого её пальцы потянулись к холодному серому пластику.

Глава 2: Сделка с пустотой

Она открыла кейс.

Внутри, на чёрном вспененном ложементе, лежали семнадцать слитков чистого эфира. Каждый — размером с палец. Безупречной огранки. Они мерцали в тусклом свете подвала холодным внутренним свечением — как осколки замёрзшего неба, которого здесь, на дне Ила, никто никогда не видел.

Элара знала цену. Один такой слиток на чёрном рынке стоил больше, чем она зарабатывала за полгода. Семнадцать — это была не оплата. Это была взятка масштаба, при котором люди исчезают бесследно.

Рядом со слитками лежал тонкий информационный кристалл. Стандартный корпоративный формат «Мемо-Синтез». Без маркировки.

Элара долго смотрела на кристалл, не касаясь его. Потом закрыла кейс. Щёлкнул замок.

Кап. Кап.

Она встала. Подошла к раковине. Вымыла руки — тщательно, долго, хотя не касалась ничего грязного. Просто вымыла. Вытерла. Вернулась за стол.

Шоколадка Томаса всё ещё лежала у тарелки.

Элара развернула фольгу. Отломилась маленький кусок. Положила на язык. Дешёвый соевый шоколад имел привкус пластика и жжёного сахара. Она жевала медленно, глядя пе-

ред собой.

Потом убрала остатки в карман свитера.

Она не спала.

Лежала на узкой армейской койке за перегородкой из гофрированного металла. Слушала город.

Ил ночью звучал иначе. Днём его заглушал гул охлаждающих систем и скрежет грузовых платформ. Ночью оставались голоса. Пьяный смех наверху, через три перекрытия. Детский плач — тонкий, без начала и конца. Далёкий вой сирены, от которого стены вибрировали.

Элара лежала с открытыми глазами и думала о лаборатории, которой у неё нет.

Это было хуже Парижа. Парижем она могла себя пугать. Это был кнут. А семнадцать слитков и корпоративный кристалл неизвестного содержания — это был пряник. И она ненавидела себя за то, как быстро, как жадно её мозг начал считать.

Не деньги. Не безопасность.

Масштаб.

Три года она делала одно и то же. Дешёвый эфир, стандартные пакеты, портовые рабочие с одинаковыми каморками вместо разумов. Томас. Мигель. Ещё десяток таких же. Мелкая работа. Ювелир, который чинит пластиковые серьги.

А в кейсе лежал кристалл с полным нейро-сканированием

человека, чей разум — по слухам — был одним из самых сложных в западном полушарии.

Она перевернулась на спину. Закрыла глаза.

Нет. Не поэтому. Не из-за масштаба. Из-за Парижа. Из-за Дюпона. Потому что Торн прав — ей нужно оправдание, а не безопасность. Она должна доказать себе, что способна построить структуру пятого уровня и не обрушить её. Что Париж был случайностью. Что она — архитектор, а не палач.

Вот так это звучало, когда она проговаривала это про себя. Чисто. Логично. Почти благородно.

Но под этим, глубже, в той зоне, куда она старалась не заглядывать, пульсировало другое. Возбуждение. Тёмное, стыдное, знакомое. То же самое чувство, которое она испытала час назад, когда держала разум Томаса в кулаке — секунда абсолютной власти. Одна секунда, которую она себе позволяла.

Здесь ей предлагали не секунду. Ей предлагали четырнадцать дней.

Она открыла глаза. Потолок. Пятна сырости. Трещина в бетоне, похожая на разветвлённую молнию.

Франсуа Дюпон. Шестьдесят два года. Маленькие руки с ухоженными ногтями. Привычка касаться мочки уха, когда нервничал. Элара помнила его руки лучше, чем лицо. Потому что последнее, что она видела перед обрывом — его пальцы, судорожно сжимающие подлокотники кресла.

Она строила ему воспоминание четырнадцать дней. Пол-

ная реконструкция — детство, которого не было. Заказ от правительства. Всё легально.

На одиннадцатом слое структура дала резонанс.

Ошибка на седьмом слое. Семь сотых единицы когнитивной плотности. Микроскопическая. Смертельная.

Собор рухнул.

Дюпон не умер. Его разум схлопнулся внутрь. Он остался жить — если можно назвать жизнью состояние, в котором человек не узнаёт собственное отражение и кричит при виде своих рук.

Элара сбежала в ту же ночь. Она помнила этот побег отчётливо, до запаха дождя. А вот самую клинику Дюпона и остальные семь пустых палат в ту ночь она не помнила вообще — только глухое, тошнотворное пятно, как после передозировки сырым эфиром.

Три года.

Она знала, почему не спит. Не из-за страха. Из-за того, что кейс стоял в трёх метрах от неё, и она уже дважды за последний час поднималась, чтобы подойти к нему.

Оба раза заставила себя лечь обратно.

В шесть тридцать в дверь постучали.

Три коротких удара. Пауза. Ещё один.

Элара сидела за столом, полностью одетая. Кейс стоял перед ней. Она уже приняла решение. Точнее — перестала врать себе, что его не приняла.

Подняла ящик, перегораживающий вход. Открыла.

Перед ней стояла женщина. Молодая — лет двадцать пять. Короткие тёмные волосы, форменная куртка без знаков различия. Глаза серые, невыразительные, как оружейный металл.

— Элара Вэнс?

— Да.

— Линь. Транспорт.

Без рукопожатия. Без улыбки. Повернулась и пошла вверх, не оглядываясь. Её шаги были бесшумными на ржавых ступенях, что было невозможно — ступени скрипели под всеми.

Элара взяла кейс. Постояла на пороге.

Мастерская за спиной. Тёмная. Пустая. Ванна не светилась. Горн остыл. Тарелка с лапшой на столе — она не убрала. Вилка. Смятая салфетка.

Она выключила лампу.

Кап. Кап.

Капли будут падать и завтра, и через неделю. Это место не заметит её отсутствия.

Она вышла.

Глайдер ждал через два квартала — в тупике за свалкой. Тяжёлая бронированная машина с зачернёнными стёклами. Без номеров.

Линь открыла заднюю дверь.

Элара села. Тепло. Непривычно, почти болезненно тепло после Ила.

На сиденье лежала папка. Настоящая бумага.

— Читайте, — сказала Линь. — Прибытие через сорок минут.

На первой странице — фотография. Мужчина, лет тридцати. Тёмные волосы, уложенные небрежно и дорого. Открытая улыбка. Ямочки. Благотворительный вечер — белая рубашка, бокал, искренний обаятельный смех.

Калёб Калахан. 37 лет. Исполнительный наследник синдиката «Калахан Индастриз».

Элара перевернула страницу.

Вторая фотография. Тот же человек. Камера наблюдения, зернистая, серая. Калёб стоит в складском помещении. Руки — те же ухоженные руки — сжимают чью-то челюсть. Человек на полу. Тёмная лужа.

На лице Калеба — ни злости, ни удовольствия. Сосредоточенность. Как у человека, выполняющего рутинную работу.

Третья фотография. Элара не ожидала третьей. Калёб на набережной, один. Без охраны, без свиты. Ветер треплет незастёгнутое пальто. Он смотрит на воду. Руки в карманах. Лицо — пустое. Не злое, не расслабленное. Пустое, как стёртый файл.

Элара задержалась на этом снимке дольше, чем на двух предыдущих.

— Линь.

— Да.

— Третье фото. Кто снимал?

— Я.

— Он знал?

— Нет.

— Он выглядит...

Элара не закончила. Она не знала, какое слово подобрать. «Одинокий» было бы слишком просто. «Пустой» — слишком очевидно.

Она закрыла папку.

— Сколько людей видели эту папку?

— Двое. Торн и вы.

Элара посмотрела на затылок Линь. Короткие волосы, ровная линия шеи. Руки на руле неподвижные.

— Вы из его безопасности?

— Нет.

— Тогда кто вы?

Линь посмотрела в зеркало заднего вида. На секунду их глаза встретились. Потом Линь вернула взгляд на дорогу.

— Человек, который доведёт вас до бункера и обратно. Остальное вас не касается.

Глайдер не поехал наверх. Набрав третий ярус, ушёл вбок. Промышленная зона восточного сектора. Заброшенные доки. Ржавые каркасы. Затопленные уровни.

Глубже. Темнее.

Остановились в абсолютной темноте. Красный маячок над бронированной дверью в скале.

— Пришли.

Элара остановилась на пороге лаборатории.

Она остановилась. И поняла.

Ей было хорошо.

Три нейро-ванны закрытого типа — с полной сенсорной изоляцией. Квантовый анализатор когнитивной плотности. Рабочая станция с двенадцатью мониторами. Вытяжной шкаф для сырого эфира. Стерильный бокс. Инструменты, которые она видела только на фотографиях в академических журналах.

Её пальцы дрогнули. Она заметила это — и спрятала руки в карманы свитера.

На центральном столе — второй кейс. Чёрный. Пломба «Мемо-Синтез». Рядом записка. Почерк Торна — крупный, неровный, с наклоном влево. Рука, которая плохо слушается.

*«Дикий эфир — холодильный бокс, секция 3. Двенадцать ампул. Достаточно для трёх конструкций или одной с отладкой.

Кристалл из серого кейса — полное нейро-сканирование Калеба, сделанное во время медосмотра в нашей клинике. Он не знает.

Срок — четырнадцать дней.

Дж. Т.»*

Четырнадцать дней. Тот же срок, что и Дюпон.

Она положила записку лицом вниз.

— Линь.

Молчание. Элара обернулась. Линь стояла у двери, одна рука на косяке.

— Вы останетесь здесь?

— У двери. Снаружи.

— Зачем?

— Торн приказал. Вы не выходите без меня. Я не захожу без вас.

— Это охрана или заключение?

Линь чуть наклонила голову. Первое человеческое движение.

— Зависит от того, как пойдёт работа.

Она вышла. Дверь закрылась.

Тишина. Абсолютная. Не подвальная, с каплями и городским гулом. Тишина бункера — глухая, ватная, давящая.

Элара подошла к ближайшей нейро-ванне. Провела пальцами по стеклу. Тёплое. Идеально откалиброванное. Ни царапины.

Её рука задержалась на поверхности. Она не убирала пальцы. Стояла так — ладонь на тёплом стекле, глаза закрыты. Дышала медленно, ровно, глубоко.

Ей было хорошо.

Вот в чём дело. Ей не должно было быть хорошо. Ей должно было быть страшно, или тошно, или хотя бы тревожно.

Она стояла в секретном бункере, готовясь взломать разум наследника преступной империи, рискуя жизнью и рассудком.

Но ей было хорошо. Как алкоголику, который после трёх лет трезвости зашёл в бар «просто посидеть» и чувствует, как запах виски нежно обнимает его, говоря: *я скучал по тебе.*

Она убрала руку. Село за рабочую станцию. Достала кристалл из серого кейса. Повертела в пальцах. Лёгкий. Маленький. Содержимое — полная карта чужого разума.

Она вставила кристалл в считыватель.

Мониторы ожили. Двенадцать экранов залило голубым. Данные потекли — цифры, графики, трёхмерные модели синаптических кластеров.

Разум Калеба Калахана развернулся перед ней.

Первые тридцать секунд она анализировала профессионально. Мощный. Структурированный. Чистые линии нейронных путей, мощные узлы принятия решений, почти полное отсутствие эмоционального шума. Не Томас. Крепость.

На сорок первой секунде она нахмурилась.

На минуте двенадцатой секунде она перестала дышать.

Центральный узел принятия решений в разуме Калеба — его ядро, его архитектурный фундамент — не был похож ни на что, что она видела раньше. У обычных людей этот узел выглядел как хаотичное переплетение связей, выросшее естественно. У Томаса — как тесная каморка. У Дюпона —

как библиотека.

У Калеба этот узел был странно симметричным.

Первая мысль — генетика. Редкая, но задокументированная особенность. Бывает. Один на двадцать тысяч. Совпадение.

Потом она увеличила масштаб на третьем мониторе. Приблизила левый узел принятия решений. И увидела связь-петлю между третьим и седьмым слоями — обратный контур стабилизации, который не мог появиться естественным путём. Это была ручная работа — тонкая, виртуозная, почти незаметная.

Не совпадение.

Кто-то спроектировал это. С точной симметрией. С уровнем детализации, который она видела только один раз в жизни.

В зеркале.

Эта архитектура была похожа на её собственную работу. На её почерк. На тот способ, которым она строила когнитивные структуры в Академии — ещё до Парижа, когда была лучшей в выпуске.

Кто-то уже работал с разумом Калеба Калахана. Кто-то невероятно талантливый. И этот кто-то использовал принципы, которые Элара считала своими.

Она медленно откинулась на спинку стула. Мониторы мерцали голубым, отражаясь в её бледных глазах.

— Кто ты? — прошептала она.

Глава 3: Стекланный собор

Четыре дня она не ныряла.

Изучала карту. Часами сидела перед двенадцатью мониторами, перебирая слой за слоем архитектуру разума Калеба Калахана. Пила воду из пластиковой бутылки. Ела сухие пайки, которые Линь оставляла за дверью — дважды в день, ровно в восемь и в двадцать ноль-ноль. Спала урывками, прямо в кресле, подтянув колени к груди.

На исходе второго дня она обнаружила двадцать три точки входа.

Точка входа — это уязвимость. Эмоциональная трещина, привычка, ритуал, через который можно войти в чужой разум незаметно, как через незапертую дверь. У Томаса таких точек было пять. У Дюпона — одиннадцать. Двадцать три — это крепость.

Но крепость — это всё равно здание. А у зданий есть фундамент.

На исходе третьего дня она составила план конструкции. Не воспоминание — это позже. Сначала страховочный каркас. Невидимая рамка, которую она построит в периферийные зоны его разума при первом погружении. Если каркас выдержит — она будет знать точные пределы нагрузки. Если нет — она узнает это раньше, чем начнёт строить.

На четвёртый день она перестала находить причины от-

кладывать.

— Линь.

Дверь открылась через три секунды.

— Мне нужен ассистент. На панели контроля. Если я потеряю сознание внутри — кто-нибудь должен вытащить иглу.

Линь стояла в дверном проёме. Секунду молчала.

— Я не медик.

— Мне не нужен медик. Мне нужен человек, который нажмёт красную кнопку, если мой пульс упадёт ниже сорока или поднимется выше ста шестидесяти. Справитесь?

— Да.

Линь вошла. Первый раз за четыре дня.

Она не осматривала лабораторию. Не задавала вопросов. Прошла к панели контроля, села, положила руки на колени. Смотрела на мониторы жизненных показателей, которые пока молчали.

Элара натянула перчатки. Достала из холодильного бокса ампулу дикого эфира. Мутная, тёмно-янтарная жидкость. Не серая, как дешёвый синтетик из Ила. Тяжёлая. Густая. Слабо пульсирующая собственным светом.

Руки не дрожали.

Это было хуже, чем если бы дрожали.

Она заправила ампулу в инъектор. Подошла к нейро-ванне. Сняла свитер, оставшись в тонкой серой майке. На её ле-

вом запястье тускло блестел имплантированный порт — старая модель, кустарная, с мелкими шрамами по краям от многолетнего использования.

Легла в ванну. Гель — тёплый, обволакивающий — принял её тело. Другой уровень. Не пластиковое ведро с дешёвой жижей. Профессиональный контактный медиум с нейтральной рН-средой. Ни запаха, ни вкуса.

Она закрепила диоды на висках. Провела пальцем по экрану на внутренней стороне ванны — калибровка. Зелёные цифры побежали, выстраиваясь в ровный столбец.

— Линь. Я начинаю. Если я скажу «стоп» — выдёргивайте иньектор из порта. Не иглу — иньектор. Целиком. Быстро. Не спрашивая.

— Поняла.

Элара посмотрела в потолок. Белый. Чистый. Ни пятна. Ни трещины.

Вставила иньектор в порт.

Дикий эфир ударил по-другому.

Не химический холод — жар. Густой, маслянистый жар, разливающийся по венам, как расплавленная бронза. Тошнота — резче, глубже, пронзительнее. Не спазма, а удар — от солнечного сплетения вверх, к горлу. Элара стиснула зубы. В ушах зашумело, потом стало тихо.

Потом стало пусто.

И она оказалась внутри.

Разум Калеба не был камеркой.

Первое, что она увидела — пространство. Огромное, архитектурно безупречное пространство. Высокие потолки, уходящие в тёмную бесконечность. Стены — не стены, а вертикальные плоскости чистого, отполированного стекла, отражающие друг друга в бесконечной перспективе.

Холодно. Сухо. Ни одного лишнего элемента.

Разум Томаса был грязной, вонючей, сырой камеркой, заваленной страхами. Разум Дюпона — гигантской библиотекой с тысячами полок и лестниц. Здесь не было ни хаоса, ни уюта. Только геометрия.

Элара шла по центральному коридору. Её шаги не производили звука — здесь не было акустики. Зеркальные стены отражали её бесконечное количество раз, и каждое отражение было чуть темнее предыдущего, чуть дальше, чуть менее чётким.

Она считала слои. Первый — поверхностный. Социальная маска. Улыбка с благотворительного вечера. Обаяние, ямочки, рукопожатие. Тонкий, почти прозрачный слой. Как обёрточная бумага.

Под ним — второй. Привычки. Распорядок. Время подъёма, маршрут до офиса, предпочтения в еде, ритуал утреннего кофе. Всё упорядочено, расставлено, проиндексировано. Ни одного забытого воспоминания в углу, ни одного случайного образа. Такой порядок не бывает естественным.

Третий слой. Профессиональные навыки. Переговоры, расчёты, логистика теневого бизнеса. Здесь Элара замедлилась. Информация была упакована плотно, слоями, как стальные пластины в бронежилете. Пробить быстро — невозможно. Обойти — некуда.

Она осторожно продвинулась глубже.

Четвёртый слой. Здесь стало темнее.

Эмоциональная зона. У большинства людей она хаотична — клубок из радости, боли, стыда, нежности, злости. У Калеба эмоциональная зона была почти пуста. Не подавлена. Не заблокирована. Именно пуста — как комната, из которой вынесли мебель.

Элара остановилась.

Третье фото. Набережная. Пустое лицо.

Не маска. Не контроль. Пустота.

Она сделала ещё один шаг — к пятому слою. Туда, где живут базовые привязанности. Родители. Дети. Первая любовь. Первый страх.

И здесь она допустила ошибку.

Не грубую. Не фатальную. Ошибку, которую мог бы допустить только архитектор, три года работавший с простыми, незащищёнными разумами. Ошибку из привычки.

Она протянула руку слишком быстро.

В разуме Томаса можно было двигаться свободно — его психика не сопротивлялась. В разуме Дюпона были ловушки, но предсказуемые. Здесь стена пятого слоя среагировала

мгновенно.

Не как защита. Как зеркало.

Элару отбросило — не физически, а когнитивно. Её собственное сознание на долю секунды отразилось от стенки пятого слоя и вернулось к ней. Она увидела себя глазами этой архитектуры. На долю секунды.

Вот что она увидела: женщина, лежащая в нейро-ванне. Бледная. Худая. С тёмными кругами под глазами. Порт на запястье — старый, изношенный. Поза — напряжённая. Губы сжаты. И глаза — закрытые глаза, за которыми пульсирует жадный, голодный интерес.

Её увидели.

Не Калёб. Калёб спал в своём пентхаусе на другом конце города. Его разум лежал перед ней, как открытая книга на незнакомом языке. Но архитектура его пятого слоя — та самая спроектированная, невозможно симметричная структура — сработала как зеркальный щит.

И вернула ей её собственное отражение.

Элара открыла глаза. Ванна. Потолок. Белый свет.

Она тяжело дышала. Сердце колотилось в рёбра. Во рту — железный привкус эфира.

— Пульс сто сорок два, — сказала Линь. Голос ровный.
— Снижается.

Элара молча лежала, глядя в потолок. Ждала, пока тошнота отступит. Три минуты. Пять. Сердце замедлилось до восьмидесяти.

Она села в ванне. Гель стекал с её рук.

— Сколько я была внутри?

— Одиннадцать минут.

Одиннадцать минут. Ей казалось — час.

Она выбралась из ванны. Ноги подкашивались. Добрела до рабочего кресла, села, тяжело опёрлась локтями о стол.

Линь молча протянула ей бутылку воды. Элара взяла. Выпила половину. Руки тряслись.

— Что вы видели? — спросила Линь.

Элара посмотрела на неё. Линь сидела на том же месте, в той же позе. Ни любопытства, ни тревоги. Вопрос — технический.

— Себя, — ответила Элара.

Линь не переспросила.

Торн пришёл на пятый день.

Без стука. Линь открыла ему дверь, отступила. Он вошёл тяжело, опираясь на трость. Выглядел хуже, чем пять дней назад. Землистое лицо, глубже запавшие глаза. Дыхание — свистящее, со влажным хрипом на выдохе.

Он сел в единственное свободное кресло. Долго молчал, оглядывая лабораторию. Мониторы с нейронной картой Калеба. Использованную ампулу эфира в утилизаторе. Смятую обёртку пайка на полу.

— Вы уже заходили, — сказал он. Не вопрос.

— Да.

— Насколько глубоко?

— Пятый слой.

Торн чуть приподнял бровь. Это было первое выражение удивления, которое Элара видела на его лице.

— За один заход?

— За одиннадцать минут.

Пауза.

— И что вы обнаружили на пятом слое?

Элара повернулась к нему.

— Вы знаете, что я обнаружила.

Торн молчал. Его выцветшие глаза смотрели на неё, не мигая. Трость слегка подрагивала в руке.

— Кто работал с ним до меня, Торн?

— Я не знаю.

— Вы лжёте.

— Я не знаю, кто именно. — Торн медленно, осторожно положил трость поперёк колен. — Но я знаю, что кто-то работал. Я обнаружил аномалии в поведении Калеба четырнадцать месяцев назад. Мои аналитики не смогли их объяснить. Я заказал нейро-сканирование. Результат — перед вами.

— Вы знали. И не предупредили.

— Если бы я предупредил, вы бы не согласились.

Элара молчала.

— Скажите мне другое, — продолжил Торн. — Этот архитектор. Он хорош?

— Хорош — неправильное слово.

— Какое правильное?

Элара посмотрела на мониторы. Голубая паутина нейронной карты. Обратный контур стабилизации между третьим и седьмым слоями. Связь-петля, которая не могла появиться естественно.

— Знакомый, — сказала она.

Торн наклонил голову.

— Знакомый?

— Почерк. Я знаю этот почерк. Из Академии. Нас было двенадцать на курсе глубокой архитектуры. Большинство либо мертвы, либо стёрты, либо работают на корпорации легально. Но есть один, который пропал.

Элара долго молчала.

— Маркус Доул. Лучший в выпуске. Лучше меня. Его исключили за неделю до дипломной работы. За неэтичные эксперименты с принудительной архитектурой. Он исчез. Никто не знает, где он.

Торн кивнул. Медленно. Как человек, который получил подтверждение тому, что давно подозревал.

— Найдите его, — сказал он.

— Что?

— Найдите его. Внутри. — Торн указал тростью на мониторы. — Если он работал с разумом Калеба — он оставил след. Архитектор всегда оставляет след. Вы сами это знаете. Найдите его подпись. Поймите, что именно он построил. И

тогда вы поймёте, зачем.

— А если я не найду?

— Тогда, Элара, — Торн тяжело поднялся, опираясь на трость, — у нас проблема значительно серьёзнее, чем предполагалось. Потому что если архитектор такого уровня работал с наследником моего главного конкурента — и никто об этом не знает — значит, кто-то ведёт игру, правила которой мы даже не начали понимать.

Он направился к двери. У порога остановился.

— Ещё одно. Не погружайтесь глубже пятого слоя без подготовки. Пятый вас отбросил?

Элара не ответила.

— Я так и думал. — Торн не обернулся. — Будьте осторожны, мисс Вэнс. Вы слишком ценны, чтобы потерять вас так рано.

Дверь закрылась.

Элара осталась одна. Мониторы мерцали. Тишина бункера давила на уши.

Маркус Доул.

Она не произносила это имя пять лет. Не думала о нём. Не вспоминала его руки — длинные, тонкие, с аккуратно подстриженными ногтями, — которые двигались над нейро-панелью с пугающей, нечеловеческой скоростью. Не вспоминала его глаза — карие, тёплые, абсолютно не совпадающие с тем, что он делал чужим разумам.

Не вспоминала, как он однажды вечером, в пустой лабо-

ратории Академии, после двенадцатичасового сеанса, сказал ей:

«Ты понимаешь, Элара? Мы не чиним людей. Мы их переписываем. И однажды кто-то из нас перепишет кого-то настолько точно, что оригинал перестанет существовать. И самое страшное — никто этого не заметит.»

Глава 4: Шум

На седьмой день она перестала слышать капли.

Это было абсурдно — в бункере не было никаких капель. Сухой, стерильный воздух. Идеальная изоляция. Но первые шесть дней, засыпая в узком отсеке за лабораторией, она слышала фантомное *кап-кап* — звук, который три года отмерял её жизнь в подвале. Мозг воспроизводил его по привычке, как слышишь тиканье часов, когда их уже сняли со стены.

На седьмой день звук исчез.

Элара проснулась в три ночи и несколько минут лежала, вслушиваясь. Ничего. Ватная, абсолютная тишина бункера. Она попыталась вспомнить звук — воспроизвести его в голове.

Не смогла.

Она села на краю койки. Ладони на коленях. Закрыла глаза.

Капли в ведре. Ржавый подвал. Решётка на окне.

Она помнила слова. Помнила, что капли были. Но звук — акустический отпечаток, тот конкретный тяжёлый шлепок маслянистой воды о пластик — исчез. Стёрся.

Как третья строчка колыбельной.

Днём она провела второе погружение.

Не глубокое. Технический заход — на второй и третий слои. Установка каркаса. Рутинная работа, которую она могла делать с закрытыми глазами. Собственно, с закрытыми и делала.

Линь сидела за панелью. Молча. Как всегда.

Элара вошла в привычный ритм. Прикоснулась к социальной маске Калеба — тонкой, как фольга, — и аккуратно начала вплетать каркасные нити в его распорядок дня. Незаметные. Нефункциональные. Просто точки крепления, к которым позже она привяжет конструкцию.

На двадцать третьей минуте она заметила аномалию.

Маленькую. Крохотную. Между вторым и третьим слоем, в зоне привычек, лежал фрагмент, которого не было вчера.

Это было воспоминание.

Свежее. Не старше суток. Калев утром пил кофе в своём пентхаусе. Стандартная запись, ничего необычного. Чёрный кофе, без сахара, керамическая чашка с надколотым краем.

Элара хотела пройти мимо. Рутинный фрагмент, не имеющий отношения к заданию.

Но она остановилась.

Чашка. Белая. С надколотым краем.

В подвале, в Иле, у неё была точно такая же. Белая. Керамическая. С надколотым краем слева, где от постоянного использования отбилась кусок эмали. Она пила из неё каждое утро.

Совпадение. Белых чашек с отбитыми краями — милли-

оны.

Она двинулась дальше. Привычки. Утренний маршрут. Кaleb выходит из лифта, поворачивает направо, три шага — дверь машины. Охранник открывает.

Элара прокрутила привычку. Нормальная запись. Но на периферии, в зоне фоновых впечатлений, которые мозг записывает автоматически, она заметила ещё один фрагмент. Запах.

Кaleb, садясь в машину, на долю секунды ощутил запах. Озон и канифоль.

Запах подвала Элара.

Она оборвала контакт.

Выдернула иньектор. Резко. Некрасиво. Больно. Тошнота ударила в горло.

— Пульс сто пятьдесят один, — сказала Линь. — Стоп?

— Нет. — Элара села в ванне, тяжело дыша. — Нет. Штатный выход.

Она просидела пятнадцать минут, опираясь руками о край ванны. Гель стекал на пол. Сердце постепенно замедлялось.

Запах. Белая чашка. Озон и канифоль.

Три объяснения.

Первое: случайность. Миллионы белых чашек. Озон есть везде, где работает тяжёлая техника. Мозг ищет паттерны, даже когда их нет.

Второе: перенос. Она занесла свои собственные воспоминания.

нения в структуру Калеба. Это случается — при использовании дикого эфира, при недостаточной калибровке, при усталости. Профессиональная ошибка. Тяжёлая, но объяснимая.

Третье: кто-то подложил эти фрагменты специально. Для неё.

Элара выбралась из ванны. Вытерлась. Оделась. Села за рабочую станцию. Открыла журнал погружений.

Первое погружение — временная метка, параметры эфира, глубина, длительность. Всё штатно. Никаких аномалий в потоке.

Она открыла схему своего иньектора. Проверила калибровку порта. Чисто.

Открыла журнал доступа к лаборатории. Кто входил, когда, насколько. Линь — четыре раза в день, по минуте. Торн — один раз, тридцать две минуты. Больше никто.

Никто.

Элара откинулась в кресле.

— Линь.

— Да.

— Вы заходили в лабораторию ночью?

— Нет.

— Вы трогали оборудование?

— Нет.

— Вы знаете, что такое когнитивный перенос?

Пауза. Первая настоящая пауза Линь.

— Нет.

Элара посмотрела на неё. Линь сидела в той же позе. Руки на коленях. Лицо — ничего. Но пауза была. Маленькая. Полсекунды. Достаточно.

— Хорошо, — сказала Элара.

Ночью она не ложилась.

Сидела перед мониторами. Перебирала нейронную карту Калеба слой за слоем. Искала другие аномалии. Нашла три.

Первая — в зоне вкусовых привычек. Калев Калахан ненавидел сладкое. Это было зафиксировано чётко, на уровне базовых предпочтений. Никогда не ел десертов, не пил сладких напитков. Но десять дней назад — за четыре дня до того, как Торн пришёл к ней в подвал, — Калев купил в уличном автомате плитку дешёвого соевого шоколада. Не съел. Положил в карман пальто.

Она уставилась на запись. Соевый шоколад. Дешёвый. Как у Томаса.

Вторая аномалия — в слое навыков. Калев, человек, который никогда в жизни не интересовался нейро-архитектурой, неделю назад провёл четыре часа за чтением академической статьи о когнитивной плотности пятого уровня. Статья, соавтором которой была Элара Вэнс. Опубликовано шесть лет назад.

Третья. Самая страшная.

В зоне сновидений — глубокий, почти недоступный для внешнего наблюдения участок — она нашла фрагмент по-

второящегося сна. Калебу снился подвал. Мастерская. Ведро под трубой. Капли. Тусклый свет. Женщина за столом.

Калебу снилась она.

Элара встала. Ноги не слушались. Она дошла до раковины в подсобном блоке. Включила воду. Ледяная, чистая, без привкуса ржавчины. Другая вода. Другой мир.

Она плеснула водой в лицо.

Посмотрела в зеркало.

Своё лицо. Бледное. Тёмные круги. Впалые щёки. Знакомое.

Знакомое?

Она стояла перед зеркалом и пыталась вспомнить, когда последний раз смотрела на себя. Не мельком, не по привычке — а вот так, внимательно. И не могла вспомнить.

Она протянула руку к зеркалу. Коснулась стекла пальцами. Холодное.

Там, в разуме Калеба, зеркальные стены отражали её бесконечное количество раз. Каждое отражение — темнее. Дальше. Менее чёткое.

А что, если здесь — то же самое?

Что, если она уже не оригинал?

Элара убрала руку. Выключила воду. Вытерла лицо рукавом.

Подошла к рабочей станции. Открыла новый файл. Начала печатать.

«Калёб Калахан видит мои воспоминания. Мои привычки

появляются в его разуме. Мои детали. Моя чашка. Мой запах. Моя мастерская.

Три варианта:

1. Перенос. Я заражаю его.

2. Провокация. Кто-то подкладывает.

3. Маркус. Обратный канал. Он видит меня, потому что тот, кто спроектировал его разум, уже знал, кто придёт.

Если третье — я не охотник. Я приманка.»

Она сохранила файл. Закрыла.

Было четыре утра. Тишина бункера. Ни капель, ни дождя, ни голосов.

Элара достала из кармана обмятый кусок соевого шоколада — остаток плитки Томаса. Развернула фольгу. Откусила.

Привкус пластика и жжёного сахара.

Тот же вкус, который десять дней назад попробовал Калейб Калахан, стоя у уличного автомата на другом конце города. Человек, который никогда не ел сладкое.

Глава 5: Подпись

На девятый день Элара нашла подпись Маркуса.

Она не искала её специально. Она строила каркас — медленно, осторожно, по одному узлу за погружение. Третье, четвёртое, пятое. Каждый раз мельче, тише, аккуратнее. Она училась двигаться внутри Калеба так, как двигаются внутри чужого дома ночью — ступая в носках, избегая скрипучих половиц.

На пятом погружении, встраивая опорный узел во второй слой, она коснулась структуры, которую приняла за часть фундамента. И почувствовала — нет. Не фундамент. Не кость. Протез.

Она остановилась. Ощупала. Осторожно, как сапёр ощупывает контур мины под сантиметром грунта.

Это был фрагмент чужой архитектуры, вплетённый в ткань разума Калеба так глубоко и так точно, что даже квантовый анализатор не определил его как аномалию. Не вирус. Не закладка. Скорее — фундамент для чего-то, что ещё не построено. Черновая разметка. Как карандашные линии на стене перед возведением арки.

И на самом краю этой разметки — знак. Миниатюрная петля обратной связи, закрученная против часовой стрелки. Бессмысленная функционально. Невидимая для любого сканера.

Подпись.

Маркус всегда ставил подписи. В Академии это была его привычка — граничащая с высокомерием. Он оставлял крошечные бессмысленные петли в своих конструкциях, как художник оставляет инициалы в углу картины. Профессора ругали его. Он улыбался.

Элара вышла из погружения. Спокойно. Штатно. Сердце — восемьдесят два. Руки не дрожали.

Она сидела перед мониторами и смотрела на петлю, увеличенную до размера экрана.

Против часовой стрелки.

Он был здесь. Маркус Доул работал с разумом Калеба Калахана. Не вчера — судя по степени интеграции, месяцы назад. Может, год. И оставил разметку — не конструкцию, а подготовку к конструкции.

К той самой, которую сейчас строит она.

— Линь.

— Да.

— Мне нужен доступ к внешней сети.

— У вас нет доступа.

— Я знаю. Я прошу.

— Торн запретил.

— Мне нужно проверить одно имя. Одно. Маркус Доул. Мне нужно знать, где он.

Линь молчала. Стояла в дверном проёме, одна рука на ко-

сяке.

— Я передам Торну.

— Нет. Не Торну. Мне нужно, чтобы вы проверили. Вы лично.

Линь не двинулась.

— Почему?

Элара посмотрела на неё. Впервые — долго и прямо.

— Потому что вы сняли третье фото Калеба. На набережной. Без охраны. Вы были ближе к нему, чем любой из людей Торна. Вы знаете о нём больше, чем показываете. И я думаю, что вы знаете, кто работал с его разумом до меня.

Тишина. Долгая.

Линь сделала шаг внутрь лаборатории. Первый незапрошенный шаг за девять дней.

— Я не знаю, кто работал с его разумом.

— Но вы знаете что-то.

Линь опустила руку с косяка. Встала прямо. Её серые глаза — на секунду — перестали быть оружейным металлом. Стали просто глазами.

— Тринадцать месяцев назад Калёб изменился, — сказала она. Голос тихий. Без привычной стальной ровности. — Не резко. Постепенно. Я наблюдала за ним восемнадцать месяцев — Торн нанял меня задолго до вас. Первые пять месяцев Калёб был предсказуем. Жесток, дисциплинирован, параноидален. Стандартный профиль. А потом начались странности.

— Какие?

— Мелкие. Он стал гулять вдоль воды. Раньше — никогда. Стал покупать вещи, которые ему не нужны. Дешёвые вещи. Пластиковые безделушки из нижних ярусов. Один раз я видела, как он стоит в переходе и слушает уличного музыканта. Семь минут. Кaleb Калахан — семь минут слушает скрипку в переходе. Его охрана нервничала. Он — нет.

Элара молчала.

— И шоколад, — добавила Линь.

— Шоколад.

— Да. Дешёвый соевый. Купил, не съел. Носил в кармане три дня. Потом выбросил.

Изнутри Элара поднялось что-то тяжёлое и холодное. Не страх. Узнавание.

— Линь. Вы понимаете, что это значит?

— Нет.

— Кто-то вложил в него чужие привычки. Не воспоминание. Привычки.

— Какая разница?

Элара повернулась к ней.

— Воспоминание можно обнаружить. Оно имеет дату, место, контекст. Его можно проверить — спросить свидетелей, сверить записи. Если кто-то вложит в вашу голову ложное воспоминание о том, что вы были вчера на набережной, а ваш охранник скажет, что вы не выходили из дома — возникнет конфликт. Мозг начнёт сопротивляться. Иммунный

ответ. Тошнота, паранойя. Так работает обычная архитектура.

Она помолчала.

— Но привычка — это другое. Привычка не имеет даты. Вам нравится чёрный кофе. С какого возраста? Вы не помните. Просто нравится. Вы не любите сладкое. Почему? Не знаете. Просто не любите. Привычка живёт в зоне автоматического поведения — это фундамент, на который мозг не обращает внимания. Как дыхание. Вы не проверяете каждый вдох.

Линь молчала.

— И есть ещё одна причина, почему это не замечают, — сказала Элара. — Люди меняются. Каждый день. Вкусы, предпочтения, маршруты. Это *нормально*. Если человек вдруг начал гулять у воды — может, у него кризис среднего возраста. Может, устал. Может, просто захотелось. Никто не бежит к неврологу из-за того, что ему вдруг понравился шоколад. Тот, кто это сделал с Калэбом, знал это. Он работал не с памятью, а с *желаниями*. С тем уровнем, где человек сам не понимает, почему хочет то, что хочет.

— Чьи привычки? — спросила Линь.

Элара не ответила. Встала. Подошла к холодильному боксу. Открыла. Посчитала ампулы. Девять из двенадцати.

— Мне нужно ещё раз войти.

— Сейчас?

— Да.

— Ваш пульс ещё не вернулся к норме.

— Я знаю.

Линь смотрела на неё.

— Это срочно?

— Да. Потому что если я права — тот, кто это сделал, строил не воспоминание для Калеба. Он строил мост. Между Калебом и кем-то конкретным. И этот мост работает в обе стороны.

Шестое погружение.

Элара не стала погружаться глубоко. Осталась на первом-втором слоях. Скользила по поверхности, как читаешь текст по диагонали — не вникая, а ища знакомый шрифт.

И нашла.

Не петлю. Не подпись. Кое-что хуже.

В зоне привычек Калеба — там, где лежали его утренние ритуалы — она обнаружила тонкую, полупрозрачную нить, уходящую за пределы его нейронной карты. Не внутренняя связь. Внешняя. Канал.

Она проследила нить. Осторожно, не касаясь. Нить уходила в зону, которую не покрывало сканирование — периферийные нейросети, которые активируются только во сне.

Канал связи. Активный. Живой.

Кто-то мог заходить в разум Калеба и выходить из него в реальном времени. Не через ванну. Не через эфир. Через эту нить — как через оставленную открытой дверь.

И эта нить была настроена на конкретную частоту.

Каждый порт имел уникальную частоту синхронизации — нейро-резонанс. Как отпечаток пальца, только электромагнитный. Два порта с одинаковой частотой — один на миллиард. Удалённый доступ к чужому разуму через канал невозможен без точного совпадения частот. Именно поэтому массовый взлом портов оставался теорией из параноидальных форумов — для каждого объекта нужен индивидуальный ключ.

Элара знала свою частоту. Она узнала бы её из тысячи.

Канал в разуме Калеба был настроен на её нейро-резонанс. Точно. Без погрешности.

Кто-то знал её частоту. И вшил её в чужой разум как адрес получателя.

Она вышла.

Сидела в ванне, не двигаясь. Гель остывал. Линь молчала.

— Пульс? — спросила Элара.

— Семьдесят восемь. Норма.

— Хорошо.

Она не шевелилась. Смотрела в потолок.

Мост. Настроенный на неё. На её порт. На её частоту.

Это значило одно из двух.

Первое: Маркус знал, что Торн наймёт именно её. Знал задолго до того, как Торн спустился в подвал с серым кейсом. И подготовил канал.

Второе: Маркус не знал. Но тот, кто нанял Маркуса, — знал.

Элара медленно выбралась из ванны. Вытерлась. Оделась. Подошла к рабочей станции.

Открыла файл, который создала ночью. Три варианта. Перечитала.

Удалила все три.

Написала один:

«Это не задание. Это ловушка. Торн не знает всего. Маркус подготовил канал заранее. Канал настроен на мой порт. Кто-то хочет, чтобы я вошла. Глубоко. И не вернулась прежней.»

Она сохранила. Закрыла.

Потом открыла снова. Дописала строчку:

«И я хочу войти.»

Посмотрела на эту строчку. Долго.

Удалила её.

Но строчка была правдой.

Глава 6: Пакет

На одиннадцатый день она перестала искать Маркуса. Она нашла кое-что хуже.

Это началось с рутины. Элара методично снимала слои архитектуры Калеба, каталогизируя каждый фрагмент чужого вмешательства. К этому моменту она нанесла на карту двадцать семь точек, где Маркус оставил следы — разметку, опорные узлы, микро-петли обратной связи.

Двадцать семь точек.

Но на двадцать восьмой она остановилась.

Фрагмент лежал в зоне вкусовых привычек — там, где Калеб ненавидел сладкое. Элара коснулась его, готовясь обнаружить знакомую петлю против часовой стрелки. Подпись Маркуса. Она уже привыкла к ней — как привыкаешь к почерку на полях книги.

Подписи не было.

Фрагмент был чужой, но не маркусовский. Другая структура. Грубее. Проще. Без виртуозности, без элегантности, без подписи. Массового производства. Фабричный.

Элара увеличила масштаб.

Стандартная когнитивная упаковка. Серийный код в метаданных. Она знала этот формат — видела его тысячи раз.

Пакет «Мемо-Синтез». «Уют-3».

Она вышла из погружения. Не спешила. Механически отключила инъектор, сняла диоды, промокнула гель.

Линь посмотрела на неё.

— Всё в порядке?

— Да.

Нет. Не в порядке.

Элара села за рабочую станцию. Открыла архив метаданных калеговского скана. Начала сортировать.

Каждый фрагмент чужого вмешательства имел свою структуру. Работа Маркуса была тонкая, ручная, узнаваемая — как рукопись. Но в массиве данных обнаружили другие фрагменты. Не ручные. Машинные. Штампованные.

Она запустила фильтр.

Результат появился через двенадцать секунд.

Сто сорок три фрагмента.

Элара моргнула. Перечитала цифру. Закрыла фильтр. Открыла заново. Запустила повторно.

Сто сорок три.

Её руки похолодели. Она убрала их с клавиатуры и сжала в кулаки на коленях, чтобы не видеть, как дрожат пальцы.

Сто сорок три стандартных корпоративных пакета, вплетённых в нейронную ткань Калеба Калахана. «Уют-3». «Концентрация-7». «Спокойный сон». «Баланс-2». Легальные продукты, которые «Мемо-Синтез» продавала миллионам людей.

Кaleb Калахан никогда не покупал стандартные пакеты. Элара проверила по его медицинской карте в папке. Ноль покупок. Ноль легальных сеансов.

Но сто сорок три пакета были в его голове.

Элара откинулась в кресле. Смотрела на экран. Цифры мерцали голубым.

Не Маркус.

Пакеты попали в Калеба не через Маркуса. Они попали туда через порт — по стандартному каналу дистанционного обновления. Каждый порт имел встроенный аварийный протокол — возможность удалённого доступа для экстренной медицинской помощи. Если человек теряет сознание, врачи могут подключиться к его порту дистанционно и стабилизировать нейронную активность. Это было в пользовательском соглашении — страница тридцать восемь, пункт четырнадцать, мелким шрифтом.

Никто не читает страницу тридцать восемь.

И через этот же канал — тот же самый аварийный протокол — корпорация «Мемо-Синтез» рассылала обновления. Не воспоминания. Не пакеты. Обновления. Микро-корректировки базовых настроек. Оптимизация когнитивных процессов. Повышение лояльности к продукту. Снижение тревожности — ровно настолько, чтобы человек не задавал лишних вопросов.

Это не был взлом. Это была функция.

Элара просидела час, не двигаясь.

Потом встала. Подошла к зеркалу в подсобном блоке. За-
катала рукав. Посмотрела на свой порт.

Металлический диск на запястье. Старый. Кустарно уста-
новленный — позже, уже в Академии, когда она вырезала
свой стандартный детский порт, чтобы исчезнуть из базы.
Вокруг — мелкие шрамы. Он был с ней двенадцать лет.

Она вернулась к станции. Села. Пальцы замерли над кла-
виатурой.

Есть вещи, которые лучше не проверять.

Она это знала. Знала профессионально, как архитектор
знает, что некоторые стены лучше не вскрывать — потому
что за ними может оказаться пустота, которая обрушит всё
здание.

Она подключила диагностический модуль к своему порту.

На экране появился журнал входящих подключений к её
порту за последние три года.

Тридцать семь записей.

Тридцать семь раз за три года кто-то — или что-то — под-
ключалось к её порту дистанционно. Пока она спала. Пока
работала. Пока ела свою белковую лапшу в подвале.

Элара прокрутила список. Источник подключений —
один и тот же. Стандартный сервер обновлений «Мемо-Син-
тез». Автоматический. Безличный.

Она быстро открыла лог последнего подключения. Дата
— шесть дней назад. Объём переданных данных — 0.003

мегабайта. Содержимое: «Оптимизация режима сна. Версия 4.12.»

0.003 мегабайта.

Стандартный пакет «Уют-3» весил 12 мегабайт. Полноценное воспоминание — от 50. Привычка — 0.7.

0.003 мегабайта — это не пакет. Не привычка. Не воспоминание. Это одна строчка кода. Одна микро-корректировка. Настолько маленькая, что ни один анализатор не фиксирует её как аномалию.

Но таких строчек было тридцать семь.

За три года.

Элара закрыла журнал. Открыла. Закрыла снова. Посидела минуту, глядя на тёмный экран.

Потом открыла анализатор и начала проверять собственную нейронную карту.

Она никогда этого не делала. Двенадцать лет с портом — и ни разу не проверяла свою архитектуру. Как стоматолог, который не ходит к стоматологу. Как хирург, который курит.

Сканирование заняло четыре минуты. Карта развернулась на двенадцати мониторах — знакомая, своя, узнаваемая.

Почти.

Элара смотрела на неё и пыталась понять, что не так. Как смотришь на фотографию и чувствуешь: что-то не то. Но не можешь назвать.

Потом увидела.

В зоне привычек — там, где жили её ежедневные ритуалы — лежал фрагмент, который она не создавала. Маленький. Почти невидимый. Встроенный в привычку, которую она считала своей с детства.

Она любила чай без сахара.

Всегда. Сколько себя помнила.

Фрагмент был корпоративным. Серийный код. Стандартный пакет «Баланс-1». Дата интеграции — одиннадцать лет назад. Ей было семнадцать.

Она не любила чай без сахара. Ей *сделали* так, чтобы она его любила.

Элара снова посмотрела на свой порт. Металлический диск на запястье. Двенадцать лет. Тридцать семь подключений.

Она потянулась к диагностическому модулю. Хотела проверить другие привычки. Свои. Те, которые считала своими.

Остановилась.

Руки висели над клавиатурой.

Потому что следующий вопрос — очевидный и неизбежный — был: а колыбельная?

Третья строчка, которую она забыла. Она списала это на побочный эффект дешёвого эфира. Износ. Профессиональная деформация. Цена, которую платит архитектор за чужие разумы.

А если нет?

Если это не износ? Если третья строчка не стёрлась случайно — а была удалена? 0.003 мегабайта. Одна строчка кода. «Оптимизация режима сна. Версия 4.12.»

Элара убрала руки с клавиатуры.

Положила их на колени. Ровно. Пальцы в пальцы.

Она не стала проверять.

За дверь тихо стояла Линь.

В бункере было тихо. Абсолютно тихо. Ни капель. Ни дождя. Ни колыбельной.

Элара сидела перед двенадцатью экранами, на которых была развёрнута карта её собственного разума, и впервые в жизни не знала, какая часть этого разума принадлежит ей.

Глава 7: Адрес получателя

На двенадцатый день Калев Калахан заговорил с ней.

Не в реальности. Не через Линь, не через Торна. Он заговорил изнутри — из глубины своего собственного разума, пока она работала на третьем слое.

Это было невозможно. Объект не может обращаться к архитектору во время погружения. Объект спит, или живёт обычной жизнью на другом конце города, пока архитектор тихо перебирает его нейронные связи через кристалл. Объект не знает, что кто-то внутри. Не должен знать.

Но на сорок второй минуте седьмого погружения, когда Элара влетала последний опорный узел каркаса в зону привычек Калеба, пространство вокруг неё изменилось.

Стеклянные стены собора потемнели. Отражения исчезли. Температура упала — не физически, а когнитивно. Ощущение чужого присутствия, которое она знала только по учебникам.

Резонанс.

Калев был где-то — в пентхаусе, в машине, на совещании — и его мозг зарегистрировал вторжение. Не на уровне сознания. Глубже. На уровне архитектуры, которую кто-то построил до неё.

Защитный контур Маркуса активировался.

Элара замерла. Не двигалась. Не дышала — в той мере, в

какой дыхание имело значение внутри чужого разума.

И тогда она услышала голос.

Не Калеба. Не Маркуса. Свой.

Собственный голос, звучащий из стен стеклянного собора. Тихий, ровный, деловой. Как диктофонная запись.

«Контур стабилизации активен. Частота совпадает. Привязка подтверждена. Добро пожаловать обратно.»

Добро пожаловать *обратно*.

Элара оборвала контакт.

Она лежала в ванне, не двигаясь. Тошнота. Пульс — она не спрашивала. Не хотела слышать цифру.

Линь молчала.

Три минуты. Пять. Дыхание выровнялось.

— Линь.

— Да.

— Мне нужно кое-что проверить. Не спрашивайте что.

— Хорошо.

Элара выбралась из ванны, оделась, села за рабочую станцию. Открыла свою нейронную карту. Ту, которую сканировала вчера. Ту, на которую не хотела смотреть.

Теперь она знала, что искать.

Добро пожаловать *обратно*. Не «добро пожаловать». Обратно. Контур сказал «обратно», как говорят человеку, который возвращается домой.

Она открыла глубокий архив своего разума — зоны, ко-

торые вчера не трогала. Четвёртый слой. Пятый. Шестой.

На шестом слое, в зоне профессиональных навыков, она нашла папку.

Не фрагмент. Не пакет. Папку. Запароленную, зашифрованную, спрятанную так глубоко, что обычное сканирование её не видело. Она была замаскирована под стандартный блок долгосрочной памяти — но структура была другой. Рукотворной.

Элара знала этот почерк.

Свой.

Пароль она подобрала за двадцать минут. Не потому что он был сложным — он был простым. Дата. Шесть цифр. Она попробовала день рождения матери, дату поступления в Академию, дату Парижа. Не подошло.

Подошла дата, которую она не помнила.

Четырнадцатое марта. Четыре года назад. За год до Парижа.

Она не знала, что произошло четырнадцатого марта. Пустота. Стерильная, гладкая пустота — как место, где была третья строчка колыбельной.

Папка открылась.

Внутри — три файла.

Первый файл — нейро-карта. Полное сканирование разума Калеба Калахана. Дата — четыре года назад. За год до

Парижа. За три года до того, как Торн спустился в подвал.

Элара молча смотрела на экран.

Она сканировала Калеба. Четыре года назад. И спрятала результат в собственном разуме.

И забыла.

Второй файл — архитектурный проект. Чертёж. Детальная схема конструкции, которую нужно было встроить в разум Калеба. Семь слоёв. Обратные контуры стабилизации. Петли обратной связи — против часовой стрелки.

Её почерк.

Не Маркуса.

Петли против часовой стрелки — это её приём. Не его. Она придумала его на втором курсе Академии. Маркус видел. Маркус перенял.

Она думала, что это его подпись. Всё это время.

Это была её подпись.

Третий файл — аудиозапись. Двадцать три секунды.

Элара надела наушники. Нажала воспроизведение.

Тишина. Три секунды. Потом — её собственный голос. Моложе. Твёрже. Без хрипотцы, которую она приобрела за годы в Иле.

«Элара. Если ты слышишь это, значит, ты вернулась. Значит, Торн... [шум, обрыв, три секунды тишины] ...как я и рассчитала.

Не ищи Маркуса. Он сделал свою часть. Мост — [обрыв] ...частота — моя, потому что это мой порт.

Я стёрла это из памяти. Никто не должен знать. Калёб — не задание Торна. Калёб — мой... [помехи, слово неразборчиво] ...начатый задолго до Парижа.

Париж был не ошибкой.

[Долгая пауза. Дыхание.]

Дюпон... [обрыв] ...рассчитала. Мне нужно было уйти. Стать невидимой. Чтобы вернуться.

Четырнадцатое марта.

Колыбельная — сигнал. Третья строчка... [обрыв] ...когда забудешь — значит, пора.

Ты знаешь, что делаешь.

Даже когда не помнишь.»

Запись закончилась.

Элара сняла наушники. Положила на стол. Медленно. Аккуратно.

Сидела.

Бункер. Тишина. Двенадцать экранов с двумя нейронными картами — её и Калёба. Два разума. Один почерк.

Она посмотрела на свои руки. Тонкие. Бледные. С мелкими шрамами вокруг порта. Руки, которые четыре года назад спроектировали всё это — мост, канал, контуры, подпись — и потом стёрли себе память, чтобы вернуться как чужая.

Как незнакомка, которую наймёт Торн.

Идеальная конструкция.

И она не знала — вот прямо сейчас, сидя в этом кресле — она не знала, чему верить.

Потому что голос на записи сказал: «Париж был не ошибкой». Дюпон — рассчитан. Сломан *намеренно*. Шестидесятидвулетний мужчина с маленькими руками и привычкой касаться мочки уха — *запланированная жертва*.

Если запись — правда, то Элара, которую она считала собой три года, — не существует. Это персонаж. Монтаж. Конструкция, созданная для того, чтобы другая Элара — настоящая, холодная, рассчитавшая всё заранее — могла вернуться в нужный момент.

Если запись — ложь, то кто-то подделал её голос, спрятал файлы в её собственном разуме и ждал, пока она их найдёт.

Оба варианта были одинаково невозможны.

Оба варианта были одинаково страшны.

— Линь, — сказала она. Голос чужой. Тихий. Плоский.

— Да.

— Сколько я здесь?

— Двенадцать дней.

— Сколько осталось?

— Два.

Два дня. Четырнадцать минус двенадцать. Тот же срок, что и Дюпон.

Элара закрыла все файлы. Выключила мониторы. Один за другим. Двенадцать щелчков.

Темнота.

Она сидела в темноте и слушала тишину.

Где-то наверху, в пентхаусе на другом конце города, Калед Калахан спал. И ему снился подвал с ведром, в которое капала маслянистая вода. Он не знал почему. Он не знал, что этот подвал существует. Он не знал, что женщина, которая три года жила в этом подвале, сидит сейчас в бункере и не может понять, кто из них двоих — оригинал.

Она потянулась к выключателю.

Остановилась.

В темноте, очень тихо, почти беззвучно, она начала напевать.

Спи, мой мальчик, ночь темна...

В небе плавает луна...

Пауза.

Третья строчка не пришла.

Но Элара больше не была уверена, что когда-то её знала.

Глава 8: Протокол

На тринадцатый день пришёл Маркус.

Не Торн. Не звонок. Не сообщение через Линь.

Маркус стоял в лаборатории, когда Элара проснулась.

Он сидел в её рабочем кресле. Спиной к ней. Смотрел на мониторы, на которых была развёрнута нейронная карта Калеба. Его пальцы — длинные, тонкие, с аккуратно подстриженными ногтями — неподвижно лежали на подлокотниках.

Элара замерла в дверном проёме подсобного блока. Босая, в серой майке, с растрёпанными волосами. Три секунды она смотрела на его затылок. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем в Академии. Узкие плечи. Прямая спина.

— Линь тебя впустила, — сказала она. Не вопрос.

— Линь работает на меня, — ответил Маркус. Не обернулся. — Не на Торна. Больше не на Торна.

Тишина. Гул вентиляции. Далёкий низкий вибрационный фон бункера.

— Ты ждала, — сказал он. — Двенадцать дней ждала. Я думал, ты найдёшь папку быстрее.

Элара медленно вошла в лабораторию. Не подходя близко. Остановилась у дальней стены, опираясь лопатками о холодный бетон.

— Я нашла запись.

— Я знаю.

— Она повреждена.

— Нет. Она фрагментирована. Ты сама так сделала. Из тех частей, которые сохранились, достаточно, чтобы понять главное.

Маркус наконец повернулся.

Его лицо сильно изменилось за пять лет. В свои тридцать шесть он выглядел на все пятьдесят. Ввалившиеся щеки, клочковатая борода с проседью, истончившиеся плечи. От того человека, которого она помнила, остались только карие, тёплые глаза. Лицо измождённого фанатика, которому всё ещё хотелось доверять инстинктивно, мгновенно. А ещё — мелкий, непрерывный тремор напряжённых пальцев.

Лицо, абсолютно не совпадающее с тем, что он умел делать с чужими разумами.

— Привет, Элара.

— Не надо.

— Что не надо?

— Не надо «привет». Не после того, что я слышала на записи.

Маркус чуть наклонил голову. Знакомый жест. В Академии он делал так, когда слушал чужой ответ и уже знал, что тот неверный.

— Что именно тебя пугает? Что Дюпон был рассчитан? Или что ты это рассчитала?

Элара не ответила.

— Или, — он помолчал, — что ты хочешь продолжить?

Он говорил двадцать минут.

Не лекцию. Не манифест. Просто рассказывал — тихим, ровным голосом, глядя на мониторы, а не на неё. Как рассказывают коллеге о проекте. Без драматизма.

— Я масштабировал твою архитектуру. Не сразу. Первые полгода после того, как ты исчезла, я просто изучал то, что ты оставила в Калебе. Разметку. Контурсы. Мост. Я понял, что ты строишь, примерно на третий месяц. И начал искать способ применить это шире.

— Шире, — повторила Элара.

— Шире. Ты умела работать с одним разумом. Идеально, виртуозно, штучно. Но в мире восемь миллиардов портов. И «Мемо-Синтез» рассылает обновления каждому. Каждый день.

Элара молчала.

— Я проверил их пакеты. «Уют-3». «Спокойный сон». «Баланс-2». Знаешь, что в них?

— Знаю. Я нашла сто сорок три в Калебе.

Маркус кивнул.

— Сто сорок три — это мало. Средний житель Оукхейвена получает около двухсот пакетов в год. Средний. Через аварийный протокол, через обновления, через так называемую «оптимизацию». Корпорация меняет людей. Каждый день. Не злонамеренно — хуже. Равнодушно. Побочные эффекты. Кумулятивные сдвиги. Никто не отслеживает, никто

не проверяет, никто не спрашивает.

— И ты решил, что будешь лучше.

— Нет. — Маркус посмотрел на неё. Впервые прямо. —

Ты решила.

Пауза.

— Четырнадцатое марта, Элара. Ты помнишь этот день?

— Нет.

— Ты попросила меня помочь. Ты пришла с готовым проектом. С полной архитектурой. Ты сказала одну фразу. Я запомнил её, потому что после неё я понял, что ты не шутишь.

— Какую фразу?

Маркус откинулся в кресле.

— «Если личность — монтаж, то кто-то должен быть монтажёром. Лучше я, чем алгоритм».

Элара закрыла глаза.

Она не помнила этой фразы. Но она узнала её. Как узнаёшь собственный почерк на бумаге, которую не помнишь.

— Ты построила протокол, — продолжил Маркус. — Способ использовать инфраструктуру «Мемо-Синтез» для точного, контролируемого воздействия. Не хаотичные пакеты — архитектуру. Не побочные эффекты — целенаправленные изменения. Ты назвала это «Протокол».

— И Калёб?

— Калёб — первый полный тест. Не случайная жертва. Наследник крупнейшего оружейного синдиката. Человек, чьи решения влияют на миллионы. Ты хотела доказать,

что можно изменить одного человека — и через него изменить систему.

— Прогулки у воды. Скрипка в переходе. Шоколад.

— Да. Мелкие сдвиги. Не контроль — коррекция. Кaleb Калахан, который слушает скрипку семь минут, — это другой Кaleb. Мягче. На одну привычку. На один шоколад. Этого достаточно, чтобы изменить одно решение. Одного решения достаточно, чтобы изменить судьбу тысяч людей.

Элара открыла глаза.

— И ты масштабировал это.

— Начал. Двести семнадцать объектов за три года. Не все — такие, как Кaleb. Большинство — обычные люди в ключевых позициях. Чиновники. Инженеры. Один судья.

— Двести семнадцать.

— Да.

— Без их ведома.

— Да.

— Без их согласия.

Маркус молча смотрел на неё.

— «Мемо-Синтез» тоже не спрашивает, — сказал он. —

Страница тридцать восемь. Пункт четырнадцать.

Элара долго молчала. Стояла у стены, руки скрещены, смотрела в пол.

— Зачем ты пришёл?

— Потому что Торн приходит завтра. Срок — четырна-

дцать дней. Он ждёт результат. Имплантацию. Ложное воспоминание для Калеба, которое сделает его управляемым.

— И?

— И ты должна выбрать. Что ты ему дашь.

Элара подняла голову.

— У тебя есть два дня и три варианта, — сказал Маркус.

— Первый: ты делаешь то, что хочет Торн. Имплантируешь ложное воспоминание. Кaleb становится марионеткой. Торн получает контроль. Ты получаешь деньги и уходишь.

— Второй?

— Ты разрушаешь всё. Мост, канал, протокол. Стираешь моих двести семнадцать. Стираешь следы в Калебе. Возвращаешься в подвал. В Ил. К лапше и дешёвому эфиру. Делаешь вид, что ничего не было. — Он помолчал. — Как делала три года.

— Третий?

Маркус встал. Подошёл к рабочей станции. Нажал три клавиши. На экране появился интерфейс, которого Элара не видела раньше. Чистый. Минималистичный. Одна строка ввода. Одна кнопка.

— Ты запускаешь протокол. Свой протокол. Через инфраструктуру «Мемо-Синтез». Не двести семнадцать человек. Все. Каждый порт в городе. Каждый порт в стране. Постепенно. Точно. Контролируемо.

— Ты с ума сошёл.

— Возможно. Но система уже работает, Элара. Прямо

сейчас, пока мы здесь разговариваем, «Мемо-Синтез» рассылает обновления. Двести пакетов в год на человека. Случайных. Бессмысленных. Побочных. Вопрос не в том, будут ли людей переписывать. Вопрос — кто.

Элара смотрела на экран. Одна строка. Одна кнопка.

— Уходи, — сказала она.

— Элара.

— Уходи. Сейчас.

Маркус молча смотрел на неё. Потом кивнул. Пошёл к двери. У порога остановился. Не обернулся.

— Ты знаешь, что интерфейс настроен на твой нейро-резонанс, — сказал он. — Только ты можешь его активировать. Я спроектировал вход. Ты спроектировала ключ. Четыре года назад. Помнишь?

Он ушёл.

Дверь закрылась.

Линь не стояла за дверью. Линь ушла вместе с ним.

Элара осталась одна.

Бункер. Тишина. Двенадцать тёмных мониторов. Один — светящийся. Интерфейс протокола. Строка ввода. Кнопка.

Она подошла к нейро-ванне. Положила ладонь на стекло. Тёплое. Знакомое.

Три года в подвале. Капли. Лапша. Дешёвый эфир. Томас с шоколадкой. Ведро под трубой.

Три года она была человеком. Сломанным, виноватым,

живущим в дыре — но человеком. Она чувствовала вину за Дюпона. Она ела дешёвый шоколад. Она напевала колыбельную и не помнила третью строчку.

Но если запись — правда, то эти три года были спланированы. Элара из подвала — не человек, а маскировка. Программа, написанная другой Эларой для того, чтобы все — Торн, мир, она сама — поверили, что она сломана.

А сломанных не боятся.

Она убрала руку с ванны.

Подошла к рабочей станции. Светящийся экран.

Одна строка.

Одна кнопка.

Элара достала из кармана смятую фольгу. Последний кусок шоколада Томаса — маленький, подтаявший, забытый в кармане свитера двенадцать дней назад. Развернула. Положила на язык.

Привкус пластика и жжёного сахара.

Она жевала медленно. Смотрела на экран.

И думала о Томасе. О его криво подстриженных ногтях. О рубашке, выглаженной дном кастрюли. О том, как он спросил: «А за шоколад?»

Томас хотел быть переписанным. Он пришёл сам. Заплатил. Принёс шоколад.

Восемь миллиардов людей покупают стандартные пакеты. Каждый день. Добровольно.

Лучше она, чем алгоритм.

Элара проглотила шоколад. Вытерла пальцы о свитер.
И потянулась к клавиатуре.

Глава 9: Набережная

Калёб Калахан проснулся от запаха яблочного мыла.

Он лежал неподвижно, глядя в потолок спальни. Потолок был белым, матовым, идеально ровным — архитектор пентхауса позаботился о том, чтобы ни одна линия не отвлекала взгляд. За панорамным окном в сером утреннем свете лежал Оукхейвен — верхние ярусы, башни корпораций, далёкие шпили Финансового квартала.

Яблочное мыло. Откуда?

Калёб повернул голову. Подушка рядом — пустая, холодная. Он жил один. Всегда жил один. Личный выбор, подтверждённый пятнадцатью годами практики. Люди — переменная, которую невозможно контролировать. Не стоит вводить неконтролируемые переменные в спальню.

Но запах был. Тёплый, сладковатый, домашний. Мыло, которым моют руки в чужих кухнях.

Он сел на край кровати. Провёл ладонью по лицу. Щекина. Он брился каждый день в шесть тридцать. Сейчас — шесть тридцать четыре.

Четыре минуты. За тридцать семь лет такого не было.

Калёб встал. Босые ноги на тёплом дереве. Три шага до ванной — знакомый маршрут, отточенный годами. Но на полпути он остановился. Посмотрел направо. Там, на консольном столике из чёрного камня, стоял стакан воды, кото-

рый он поставил вчера вечером.

Рядом со стаканом лежала пластиковая безделушка. Маленькая фигурка — кот с поднятой лапой. Манэки-нэко. Дешёвая, из нижних ярусов. Белый пластик, облупившаяся краска.

Калёб смотрел на неё.

Он не помнил, когда купил эту вещь. Он не покупал дешёвых вещей. Не бывал в нижних ярусах. Не любил пластик, не любил безделушки, не любил лишних предметов в доме.

Но кот стоял на его столике. И стоял, судя по тонкому слою пыли вокруг, уже несколько дней.

Он взял фигурку. Повертел в пальцах. Лёгкая. Пустая. Бессмысленная. На дне — маленький ценник, написанный от руки. «Доки — ярус 3. 0,5 кр.» Полкредита. Он не помнил, когда последний раз держал в руках что-то стоимостью в полкредита.

Поставил обратно.

Завтрак: чёрный кофе, два тоста, четверть грейпфрута. Порядок не менялся пять лет. Калёб сидел за стеклянной стойкой, глядя на город внизу. Оукхейвен просыпался слоями — сначала верхние ярусы, свет в окнах корпоративных башен, потом средние, потом — далеко внизу, в серой дымке — нижние. Доки. Промзоны. Подвалы.

Он не думал о нижних ярусах. Никогда не думал.

Но сегодня его взгляд задержался на полоске воды меж-

ду доками. Серая, маслянистая, отблёскивающая в утреннем свете. На стене соседней башни медленно прокручивалась нейро-реклама: «Мемо-Синтез: перезагрузи своё утро». На экране улыбалась женщина с идеально ровным лицом. Кaleb смотрел не на неё. Он смотрел на воду и чувствовал что-то странное. Не мысль. Не воспоминание. Ощущение. Тянувшее, тёплое, похожее на ностальгию по месту, где он никогда не был.

Ему хотелось пойти к воде.

Кaleb допил кофе. Поставил чашку в мойку. Вытер руки. Посмотрел на своё отражение в оконном стекле — серый костюм, прямая спина, лицо без выражения.

Лицо без выражения. Он так привык к нему, что перестал замечать. Но сегодня, глядя в отражение, он впервые не узнал выражение на своём лице.

В машине, по дороге на совещание, он попросил водителя остановиться.

— Сэр?

— Остановите. На минуту.

Водитель — Рамон, бессменный, двенадцать лет — послушно притормозил. Кaleb опустил окно. Они стояли на верхнем мосту, над третьим ярусом. Внизу, в переходе, играл уличный музыкант. Скрипка. Мелодия поднималась снизу — тонкая, рваная, чуть фальшивая.

Кaleb слушал.

Рамон молчал. В зеркало заднего вида он смотрел на своего босса с выражением, которое не позволял себе выражать. Двенадцать лет он возил Калеба Калахана. Ни разу — ни разу — тот не просил остановиться ради музыки.

Четыре минуты. Пять. Шесть.

На седьмой минуте Калев поднял стекло.

— Поехали.

Рамон тронулся.

Калев смотрел в окно. Пальцы правой руки лежали на коленях. Указательный чуть двигался — в ритме мелодии, которую он только что слышал. Он не замечал этого.

На совещании — двадцать три человека, хромированный стол, шесть экранов — Калев принял решение, которое удивило всех.

Повестка: утверждение контракта на поставку нейро-компонентов для оборонного ведомства. Стандартная процедура. Синдикат Калахана поставлял компоненты тридцать лет. Его отец начал. Калев продолжил. Рутину.

Финансовый директор представил цифры. Маржа — двадцать два процента. Сроки — стандартные. Риски — минимальные.

Калев посмотрел на экран. Посмотрел на людей вокруг стола. Двадцать три лица. Каждое — ожидает подтверждения.

— Отложите, — сказал он.

Тишина. Финансовый директор моргнул.

— Сэр?

— Отложите контракт. На месяц.

— Месяц? Мы теряем —

— Я знаю, что мы теряем. Отложите.

Он не мог объяснить. У него не было рационального аргумента. Двадцать два процента маржи. Минимальные риски. Стандартная процедура, которую он утверждал каждый квартал.

Но что-то внутри — не мысль, не расчёт, что-то ниже, в зоне, где решения принимаются до того, как мозг облекает их в слова — что-то сказало: нет. Не сейчас. Подожди.

Он не знал почему. И это пугало больше всего.

Калёб Калахан всегда знал почему.

Вечером он стоял у окна пентхауса. Город внизу горел огнями — верхние ярусы белым, средние жёлтым, нижние — мутным оранжевым сквозь дымку.

На столике за спиной стояла бутылка виски. Он не пил. Рядом — пластиковый кот с поднятой лапой.

Калёб достал телефон. Открыл контакты. Пролистал до буквы «Т». Доктор Тернер. Личный невролог. Нейро-специалист высшей категории. Обслуживал семью Калахан пятнадцать лет.

Он нажал вызов.

— Калёб? — Голос Тернера — удивлённый. Калёб нико-

гда не звонил первым. — Что-то случилось?

— Мне нужен скан.

— Плановый?

— Нет. Полный. Глубокий. Все слои.

Пауза.

— Калев, полный скан — это серьёзная процедура. Есть жалобы?

Калев смотрел на город. На полоску воды далеко внизу, между доками. Серая. Маслянистая.

— Мне снятся чужие сны, — сказал он.

Ещё пауза. Длиннее.

— Какие сны?

— Подвал. Маслянистая вода. Запах озона. Женщина, которую я никогда не видел. Она ест лапшу.

— Белковую?

— Соевую.

Тернер молчал несколько секунд.

— Приезжайте завтра утром. Я зарезервирую лабораторию.

Калев отключился. Положил телефон на стол. Рядом с котом.

Посмотрел на свои руки. Чистые, ухоженные, с короткими ровными ногтями. Руки человека, который никогда не работал физически.

И подумал — впервые, мимолётно, как тень, пролетевшая по потолку:

а что, если ему нравятся эти сны?
Подвал. Капли. Лапша. Женщина.
Что если этот сон — не кошмар?
А чей-то дом?

Глава 10: Выбор

Элара не нажала кнопку.

Она просидела перед экраном сорок минут. Одна строка. Одна кнопка. Курсор мигал в строке ввода — терпеливо, равнодушно, как будто торопил её.

Потом она встала.

Вставила флешку в порт рабочей станции. Скопировала три файла: архитектуру протокола, схему рассылки, карту нейро-облака. Четырнадцать гигабайт. Индикатор полз по экрану — три процента, семь, двенадцать. Она стояла, скрестив руки, и ждала.

Сто процентов. Элара вынула флешку. Маленькая, чёрная, размером с ноготь. Положила в карман свитера. Тот же карман, где двенадцать дней назад лежал шоколад Томаса.

Потом она выключила интерфейс Маркуса. Экран погас. Строка исчезла. Кнопка исчезла.

Она не уничтожила систему. Не запустила протокол. Она забрала данные и ушла.

Бункер без Линь был просто бетонной коробкой.

Элара собирала вещи. Вещей было немного: смена одежды, зарядка для порта, три плитки эфира — чёрного, того, что Торн оставил в кейсе. Она подержала их в руках. Тёмные, маслянистые, с металлическим блеском. Семнадцать

слитков было в начале. Остальные она оставила Торну. Этих трёх, если распилить их на микродозы, хватит на сотни глубоких погружений. Или чтобы купить себе новую жизнь на другом конце света.

Три осталось. Она положила их в сумку.

У двери остановилась. Повернулась. Посмотрела на пустую лабораторию: ванна, мониторы, кресло, в котором двенадцать часов назад сидел Маркус. На полу — мокрый след от её босых ног, уже подсыхающий.

Торн придёт завтра. Четырнадцатый день. Срок контракта.

Он придёт, откроет дверь и увидит пустой бункер. Чистую ванну. Тёмные экраны. Ни Эллары, ни Линь, ни протокола.

Она представила его лицо. Не жалость — интерес. Как он повернёт голову, как сощурятся глаза. Торн не разозлится. Торн просчитает. Даст ей фору — день, может два — и начнёт искать.

Элара закрыла дверь. Набрала код блокировки. Четырнадцатое марта. Дата, которую она не помнила.

Лифт вёз её наверх семь этажей. Бункер располагался под промышленным складом в доковой зоне — нижний ярус, третий сектор. Торн выбирал место: тихо, безлюдно, близко к воде. Идеально для работы. Идеально для того, чтобы никто не задавал вопросов.

Двери открылись.

Свет ударил по глазам. Не солнце — его в доковой зоне почти не видно из-за верхних ярусов — а неоновый, мерцающий, многослойный. Рекламные панели, проекции на стенах, голографические вывески. День или ночь — нижние ярусы не различали.

Элара вышла на улицу. Впервые за двенадцать дней — воздух. Настоящий, не фильтрованный. Пахло морской солью, жареной рыбой, мокрым бетоном и чем-то химическим — сладковатым, приторным. Эфирный привкус. Здесь, в нижних ярусах, эфир продавали открыто.

Она стояла на узком тротуаре. Мимо шли люди. Обычные люди нижних ярусов — рабочие в серых комбинезонах, торговцы с тележками, подростки в кислотных куртках с мигающими нейро-нашивками. У каждого — порт. Металлический диск на левом запястье — у разных поколений они отличались лишь толщиной ободка и цветом сплава.

Элара тронула свой. На левом запястье. Самодельный, кустарный, собранный из деталей медицинских портов первого поколения — она пересадила его сама себе много лет назад. Мать когда-то подписала согласие на встроенный. Она же — вырезала его с мясом.

На стене напротив светилась реклама. Огромная, в три этажа:

МЕМО-СИНТЕЗ

Перезагрузи своё утро

Новый пакет «Ясность-4»: попробуй бесплатно

Ниже, мельче:

Доступно через аварийный протокол. Автоматическая установка. Условия на стр. 38.

Элара остановилась. Читала. Стр. 38. Пункт 14. Тот самый, через который 143 пакета попали в голову Калеба.

Он был напечатан прямо на рекламном щите. Открыто. Легально.

Мимо неё прошла женщина с ребёнком лет семи. Мальчик тянул мать за руку к автомату на углу — белый, глянцевый, с логотипом «Мемо-Синтез». Автомат выглядел как аптечный — чистый, надёжный, дружелюбный. На экране крутились варианты: «Спокойный сон — 3 кредита», «Хорошее настроение — 5 кредитов», «Концентрация для учёбы — 7 кредитов».

Мать приложила карту. Мальчик подставил запястье к сканеру. Загрузка — три секунды. Зелёная галочка. Мальчик засмеялся — тихо, счастливо.

Элара отвернулась. Семь лет. Его уже учат привыкать.

Она шла по нижним ярусам и видела город, который не видела три года.

Оукхейвен рос вверх. Двенадцать ярусов: нижние — доки, промзоны, дешёвое жильё. Средние — офисы, жилые блоки, торговые центры. Верхние — корпоративные башни, пентхаусы, чистый воздух. Чем выше — тем дороже, тем тише, тем меньше рекламы.

Но автоматы «Мемо-Синтез» стояли на каждом ярусе. Внизу — белые, пластиковые, с дешёвыми пакетами. Наверху, как она помнила — из матового стекла, с индивидуальными программами и ценой в сотни кредитов. Но суть одна. Одна и та же загрузка. Одна и та же зелёная галочка.

Разница только в том, что наверху люди не стоят в очереди. Им присылают обновления автоматически.

Стр. 38. Пункт 14.

На третьем причале ничего не изменилось.

Те же серые контейнеры, тот же запах солёной воды и машинного масла, тот же мост — ржавый, с провисшими перилами. Элара шла по мосту и вспоминала. Ей было двадцать, когда она впервые пришла сюда. Студентка второго курса Академии. Искала чёрный эфир для практики.

Нашла Мигеля.

Тогда он был худым, злым мальчишкой с третьего причала — пятнадцать лет, самодельный порт, криво вживлённый кустарным хирургом. Продавал левый эфир из-под прилавка рыбной лавки.

Теперь Мигелю тридцать. Рыбной лавки нет. На её месте — дверь без вывески. Металлическая, с кодовым замком и маленькой камерой.

Элара нажала звонок.

Тишина. Пять секунд. Десять.

— Имя, — сказал динамик. Голос — женский, усталый,

механически-равнодушный.

— Скажите Мигелю: мышь из Академии.

Пауза. Двадцать секунд.

Замок щёлкнул.

Нелегальная нейронная клиника Мигеля занимала четыре комнаты под рыбным рынком. Низкие потолки, гудящие трубы, запах антисептика, перебивающий запах рыбы. Две старые нейро-ванны — военные, первого поколения, исцарапанные и залатанные. Три монитора. Один медик-ассистент — женщина лет сорока с уставшими глазами и массивным старым портом на левом запястье.

Мигель стоял у дальней стены. Широкий, бритый, с мягким лицом, абсолютно не вяжущимся с его бизнесом. Золотая серьга. Белая футболка. Руки — чистые, с аккуратными ногтями, как у хирурга.

— Мышь, — сказал он. Не улыбнулся. Но глаза потепле-
ли. — Три года.

— Три года.

— Ты выглядишь хуже, чем в Академии.

— Я и чувствую себя хуже.

Мигель посмотрел на неё. Долго. Оценивающе. Он умел смотреть так — не на лицо, а *через* него. Профессиональная деформация кустарного архитектора.

— Тебе нужна ванна, — сказал он. Не вопрос.

— Мне нужен скан.

Мигель поднял бровь.

— Себя?

— Себя.

— Ты же знаешь, что самоскан —

— Я знаю. Поэтому сканировать будешь ты.

Тишина. Мигель смотрел на неё. Женщина-медик за его спиной перестала протирать инструменты.

— Ты понимаешь, что я увижу, — сказал Мигель. Тихо.

— Всё.

— Именно поэтому я здесь.

Мигель кивнул. Медленно. Один раз.

— Завтра. Утром. Мне нужно подготовить оборудование.

Элара кивнула.

— Спасибо, Мигель.

— Не за что благодарить. Пока.

Глава 11: Город

Ночью нижние ярусы не спали.

Элара сидела у окна комнаты, которую сняла за восемь кредитов — четыре стены, койка, раковина, вид на промышленный коридор третьего яруса. Дверь запиралась на щеколду. Стены пахли хлоркой и чужой жизнью. За стеной кто-то смотрел нейро-трансляцию — глухой пульсирующий звук, как биение огромного сердца.

Она не могла спать. Не из-за шума. Из-за города.

За окном Оукхейвен дышал. Неоновые вывески, голографические рекламы, потоки людей даже в два часа ночи. Нижние ярусы жили посменно — три смены, восемь на восемь на восемь, город никогда не останавливался. Рабочие шли с доков, торговцы раскладывали тележки, из вентиляционных шахт тянуло тёплым воздухом с верхних уровней.

Элара смотрела на две вещи.

Первая — нейро-салон через дорогу. «NeuroRelax. Круглосуточно». Стеклопанная дверь, мягкий голубой свет, три кресла внутри. Как парикмахерская, только вместо зеркал — мониторы, а вместо ножниц — порт-адаптеры. Девушка-оператор в белом халате. Улыбается. Клиент в кресле — мужчина лет сорока, рабочий комбинезон, усталое лицо. Глаза закрыты. На запястье — стандартный порт, подключённый к адаптеру. На мониторе — полоска загрузки.

Элара знала, что происходит. Поверхностная коррекция. Первый-второй слой. Фабричный эфир. Снять усталость, убрать тревогу, вернуть концентрацию. Стандартная процедура. Двадцать минут. Пятнадцать кредитов.

Мужчина вышел через двадцать три минуты. Шёл ровнее. Плечи расправились. Лицо — то же, но что-то сместилось. Не выражение, а состояние. Как будто кто-то убрал один слой пыли с витрины.

За ним вошла женщина. Потом подросток. Потом пожилой мужчина с тростью.

Поток не прекращался.

Вторая вещь — очередь у автомата «Мемо-Синтез» на углу. Даже ночью — пять-шесть человек. Тихая, дисциплинированная, привычная. Как очередь за кофе. Люди не разговаривали. Смотрели в экраны портативных устройств, ждали. Подходили к автомату. Прикладывали запястье. Выбирали пакет. Зелёная галочка. Уходили.

Элара считала. За час — тридцать семь человек. Один автомат. На этой улице их было три. В этом квартале — минимум десять. В нижних ярусах Оукхейвена — сотни. В городе — тысячи.

Тысячи автоматов. Миллионы пакетов. Каждый день.

И каждый пакет — это стр. 38, пункт 14. Аварийный протокол. Автоматическая установка. Согласие дано при имплантации порта. В пять лет.

Элара достала из сумки один слиток чёрного эфира. Тём-

ный, маслянистый, тяжелее, чем выглядит. Она подержала его на ладони. Концентрированная власть. Достаточно отколочь крошечную грань, чтобы погрузиться на самое дно чужого разума. Три таких слитка лежали в ее сумке — абсолютное состояние для Ила.

Положила обратно.

Утром она вышла на улицу и пошла вверх.

Не к Мигелю — до назначенного времени оставалось два часа. Она хотела увидеть город. Весь. От подвала до неба.

Нижние ярусы: бетон, трубы, неон. Запах рыбы и эфира. Стены в граффити — некоторые рекламировали подпольных архитекторов: «Память на заказ. Без следов. Анонимно.» Рядом — адрес, написанный шифром. Элара узнала два из пяти. Кустари. Второй слой максимум.

На переходе между третьим и четвёртым ярусами стоял контрольный пункт. Сканер портов. Рутинная проверка — не безопасность, а маркетинг. Система считывала порт и отправляла персональную рекламу. Элара прошла через сканер. На её портативном устройстве мгновенно появилось:

«Элара, ваш последний пакет был установлен 847 дней назад. Рекомендуем: «Ясность-4» — повышение когнитивных функций. Первый месяц бесплатно.»

Восемьсот сорок семь дней. Система знала точно. Система помнила.

Она удалила уведомление.

Средние ярусы: стекло, белый свет, чистый воздух. Офисные блоки. Жилые комплексы с одинаковыми балконами. Нейро-салоны здесь выглядели иначе — не «NeuroRelax», а «Синапс», «Мнемо», «КогниЛайф». Дороже. Тише. Приватные кабинеты вместо стеклянных витрин. На плакатах — не «убери усталость», а «раскрой потенциал», «стань лучшей версией себя».

Лучшей версией.

Элара остановилась у витрины «КогниЛайф». За стеклом — белое кресло, белый халат, белый свет. Женщина-менеджер объясняла клиентке — молодой, красивой, в дорогом костюме — преимущества пакета «Карьера-Про».

— Повышение концентрации на тридцать процентов, — говорила менеджер. — Снижение тревожности. Улучшение рабочей памяти. Результаты заметны уже на второй день.

— А побочные эффекты? — спросила клиентка.

— Минимальные. Возможна лёгкая дезориентация в первые сутки. Некоторые клиенты отмечают изменение вкусовых предпочтений — это нормально, проходит в течение недели.

Изменение вкусовых предпочтений. Нормально. Проходит.

Элара вспомнила: чай без сахара. Вживлённая привычка. Чья-то.

Женщина в витрине подписала контракт. Улыбнулась. Откинулась в кресле. Менеджер подключила порт-адаптер.

Загрузка.

В парке между шестым и седьмым ярусами Элара села на скамейку. Город лежал внизу — все двенадцать слоёв, от доков до корпоративных шпилей. Отсюда было видно всё: неон нижних ярусов, белый свет средних, холодное стекло верхних.

Рядом сидел старик. Семьдесят, может больше. Порт на левом запястье — старая модель, массивная, вживлённая, когда программа только начиналась. Первое поколение. Он кормил голубей. Птицы были настоящие — последние в городе, наверное.

Элара молчала. Старик молчал. Голуби ворковали.

Потом старик сказал, ни к кому не обращаясь:

— Раньше я не любил голубей.

Элара посмотрела на него.

— Мне было пятьдесят, когда я понял, что люблю кормить птиц, — он бросил крошку. — Вся жизнь — ни разу. А потом — вдруг. Сижу здесь каждый день. Час. Иногда два.

— Когда это началось?

— Лет десять назад. Может двенадцать. Не помню точно.

— Вы ходили в нейро-салон?

Старик повернул голову. Посмотрел на неё. Глаза — ясные, спокойные, без тревоги.

— Все ходят, — сказал он. — «Спокойный сон». Десять лет подряд. Без него я не засыпал.

Пауза.

— Вы думаете, голуби — это оттуда? — спросил он.

Элара не ответила.

Старик улыбнулся. Тихо. Не грустно — с чем-то похожим на принятие.

— Знаете, — сказал он, — даже если оттуда. Мне нравится кормить голубей.

Он бросил ещё одну крошку. Голуби подлетели. Солнце — настоящее, пробившееся через щели между верхними ярусами — легло на его руки. Старые, с дрожащими пальцами.

Элара встала.

— Спасибо, — сказала она. Не знала за что.

Старик кивнул. Не поднимая головы.

К Мигелю она пришла на двадцать минут раньше.

Медик-ассистентка — та же женщина с уставшими глазами — впустила без слов. Провела в дальнюю комнату. Ванна стояла готовая: старая, военная, залатанная, но чистая. Вода — тёплая, с лёгким химическим привкусом. Фабричный эфир. Для скана хватит.

Мигель ждал у мониторов.

— Раздевайся, — сказал он, не оборачиваясь. — Порт за левым ухом?

— Да.

— Старая модель. Крепкая. Первое поколение не ломает-

ся.

Элара разделась. Вошла в ванну. Вода обняла тело — тёп-лая, мягкая, знакомая. Сколько раз она лежала вот так? Сто? Двести? Каждый раз — в чужих головах. Сегодня — в своей. Впервые кто-то другой будет смотреть на её архитектуру.

Страшно. По-настоящему.

— Эфир? — спросил Мигель.

Она достала из сумки слиток. Чёрный. Маслянистый. Тя-жёлый.

Мигель замер.

— Это чёрный, — сказал он. Не вопрос.

— Да.

— Где ты его взяла?

— Не важно. Ты сможешь с ним работать?

Мигель подошёл. Взял слиток. Поднёс к свету. Повертел в пальцах. Его лицо изменилось — не страх, не жадность. Благоговение. Как ювелир, взявший в руки камень, о кото-ром только слышал.

— Я работал с ним один раз, — сказал он. Тихо. — Пят-надцать лет назад. Украл две дозы из военного госпиталя. Спустился до четвёртого слоя. Чуть не потерялся.

Пауза.

— Ты уверена?

Элара легла в ванну. Вода закрыла плечи. Затылок кос-нулся подголовника. Порт — холодный, металлический — упёрся в разъём.

Два осталось.

— Уверена.

Мигель ввёл эфир в систему. Чёрная жидкость потекла по трубке — медленно, густая, как нефть. Элара почувствовала первый контакт: холод в основании черепа, потом тепло, потом — расширение. Как будто комната стала больше. Потолок выше. Звуки — отчётливее.

Мигель сел за мониторы.

— Я иду, — сказал он. — Не сопротивляйся.

Элара закрыла глаза.

И впервые за двенадцать лет позволила кому-то войти.

Глава 12: Когнитивное убийство

— Твоя проблема, милая моя, заключается в том, что ты слишком доверяешь алгоритмам, — Рейн Дэвис откинулся на спинку кожаного дивана, лениво покачивая в руке стакан с золотистым бурбоном. Лёд тихо звякнул о стекло. — Алгоритм подбирает тебе идеальное платье, идеальный маршрут до работы и идеального парня в приложении. Но алгоритм не знает, что ублюдок, с которым ты идёшь на свидание, пьёт джин-тоник через трубочку. А человек, который пьёт джин-тоник через трубочку, рано или поздно предаст тебя ради налогового вычета.

Сидевшая слева от него блондинка рассмеялась, прикрывая рот тонкой рукой с безупречным маникюром. Её подруга, рыжая с каре, фыркнула, но в её глазах прыгали весёлые искры.

Бар назывался «Слепой Оракул» и располагался на сто третьем этаже западной башни. Здесь пахло дорогим дымом, старыми деньгами и синтетическими феромонами. Это было не самое дешёвое место в Оукхейвене, но Рейн терпеть не мог дешёвую выпивку. И ещё больше он терпеть не мог проводить свои законные выходные в компании собственных мыслей. Собственные мысли Рейна Дэвиса были отвратительными собеседниками.

— Ты просто циник, Рейн, — протянула рыжая, пододви-

гаясь ближе. От неё пахло вишней и дорогим парфюмом, в котором угадывались нотки химического успокоительного. — Неужели ты не веришь в идеальное совпадение? В то, что программа может найти тебе родственную душу?

— Я служу в Интерполе на отделе кибер-модификаций, солнышко, — Рейн сделал глоток, поморщился от крепости и улыбнулся так, что у обеих девушек перехватило дыхание. Это была не улыбка героя. Это была улыбка обаятельного дьявола, который точно знает, сколько скелетов спрятано в твоём шкафу, но готов никому о них не рассказывать. Одно время. — Я видел людей, которые переписывали свои мозги, чтобы им нравилось есть стекло. Идеальное совпадение — это иллюзия, проданная вам корпорациями за девяносто девять кредитов в месяц. Я верю только в две вещи: в хороший алкоголь и в человеческую глупость. Обе вещи безграничны и никогда не подводят.

Блондинка подалась вперёд, почти касаясь грудью его рукава.

— А во что ты веришь сегодня вечером, детектив?

Рейн посмотрел на её губы. Потом перевёл взгляд на рыжую. Улыбка стала шире, обнажая идеальные, но чуть хищные зубы.

— Сегодня вечером, леди, я верю в то, что нам стоит заказать ещё одну бутылку этого прекрасного яда, а затем отправиться ко мне, чтобы опытным путём проверить, насколько сильно вы обе доверяете алгоритмам в вопросах...

Его коммуникатор, лежавший на столе между бокалами, завибрировал.

Вибрация была не обычной. Это был долгий, непрерывный, мерзкий зуд, сопровождающийся миганием красного диода.

Код «Красный-Ноль». Чрезвычайный вызов.

Рейн замолк на полуслове. Его лицо изменилось за долю секунды. Обаятельный дьявол исчез; на его месте остался человек с пустым, холодным взглядом рептилии.

Он взял коммуникатор.

— Скажи мне, Миллер, что Оукхейвен горит, — произнёс Рейн в трубку вместо приветствия. — Иначе я клянусь, я засуну этот коммуникатор тебе в...

— Дэвис, — голос инспектора Миллера звучал так сухо, будто он жевал опилки. — Оукхейвен не горит. Но у нас труп.

— Труп? Миллер, ты в курсе, что трупами занимается убойный отдел? Я из отдела нейро-преступлений. Отправь туда патруль, пусть обведут его мелом, а мне дай закончить теологический диспут с двумя прекрасными леди.

— Рейн. Этот труп дышит.

Рейн замер. стакан с бурбоном остановился на полпути к губам.

Глаза детектива сузились. Он посмотрел на девушек. Те всё ещё улыбались, но уже с лёгкой тревогой — тон, которым Рейн говорил, не предполагал шуток.

— Когнитивный коллапс? — тихо спросил Рейн.

— Тотальный, — ответил Миллер. — Третий за этот месяц. И на этот раз он произошёл прямо в офисе, на глазах у пятидесяти человек. Я скинул тебе координаты клиники. Сато уже там. Поднимай свою задницу, Дэвис, и приезжай. И ради бога, попробуй хоть раз выглядеть как офицер Интерпола, а не как сутенёр после тяжёлой смены.

Миллер отключился.

Рейн медленно выдохнул, поставив нетронутый бокал на стол. Он посмотрел на девушек, и его лицо вновь приобрело то самое очаровательное, немного извиняющееся выражение.

— Леди. Моё сердце разбито, но преступный мир Оукхейвена, видимо, не может функционировать без моего скромного участия.

— Ты же обещал, — надула губки блондинка.

Рейн достал из внутреннего кармана пиджака хрустящую банкноту номиналом в пятьсот кредитов и положил её на стол.

— Я обещаю, что мы продолжим наш диспут. Выпейте за моё здоровье. И помните... — он подмигнул рыжей, вставая, — никогда не доверяйте парням с трубочками.

*

Клиника нейро-травм Интерпола пахла озоном, дезинфектором и безнадёжностью. Это был не тот стерильный запах корпоративной роскоши, как в частных лечебницах

верхних ярусов. Это был запах государственного конвейера, где человеческий мозг рассматривался как кусок сломавшегося оборудования.

Рейн вошёл в приёмную широким шагом. У стены сидел худой парень лет двадцати и монотонно, ритмично бился затылком о пластиковую панель. На его запястье мигал дешёвый полимерный браслет. «*Пакет безмятежности — версия 2.4*». Каждые десять секунд браслет тихо пищал, пытаюсь впрыснуть в кровь новую дозу синтетического спокойствия. Парень не обращал на писк внимания и продолжал глухо биться головой о стену.

Сержант за стойкой даже не поднял глаз.

— Привезли два часа назад, — произнёс он, заметив взгляд детектива. — Пакет завис на цикле отрицания.

Рейн кивнул и на ходу поправил лацканы своего тёмно-синего шерстяного пальто. Под пальто была расстёгнутая на две пуговицы рубашка без галстука. Волосы были слегка расчёпаны, а в глазах читалась смесь профессионального раздражения и лёгкого похмелья.

— Детектив Дэвис.

— Вольно, сержант. Где наш дышащий труп?

— Блок изоляции четыре. Инспектор Миллер и доктор Сато уже там, сэр.

Рейн толкнул тяжёлые стальные двери и прошёл по коридору.

В блоке изоляции, за двойным поляризованным стеклом,

сидел человек.

Точнее, биологическая конструкция, которая когда-то была человеком.

Мужчина. Около сорока лет. Одет в мятый серый офисный костюм. Он сидел на больничной койке, сложив руки на коленях, с идеально прямой спиной. Он смотрел в стену перед собой. Не в одну точку на стене, а сквозь неё.

Миллер стоял у стекла, скрестив руки на груди. Как всегда — выбрит, выглажен до хруста, похож на рекламный плакат «Полиция доверяет тебе, доверяй и ты».

Рядом сидела доктор Сато. Маленькая, сухая женщина с глазами, похожими на два чёрных обсидиана, чья гениальность в нейрохирургии уступала только её абсолютной неспособности к эмпатии.

— А вот и принц на белом коне, — мрачно произнёс Миллер, не поворачивая головы, когда Рейн подошёл к стеклу. — От тебя пахнет бурбоном и дешёвой пудрой, Дэвис.

— Дорогим бурбоном и очень дорогой пудрой, Миллер. Не путай, — Рейн встал рядом, засунув руки в карманы пальто. Он перевёл взгляд на пациента за стеклом. — Кто наш счастливчик?

— Артур Пенн, — доктор Сато не оторвала взгляда от планшета. — Сорок два года. Старший аналитик в логистическом отделе порта. Медстраховка класса «Б». Жалоб на здоровье не имел.

— Прекрасно. Здоровый, скучный аналитик. Как это про-

изошло? — Рейн не сводил глаз с Артура. Он чуть наклонил голову, наблюдая за дыханием пациента. Оно было идеально ровным. Слишком ровным.

— На рабочем месте, — ответил Миллер. — Сидел, сводил таблицы. Потом встал. Подошёл к кулеру. Налил воды. И всё. Завис. Камеры наблюдения показывают, что он простоял с пластиковым стаканчиком сорок восемь минут, пока на него не обратил внимание начальник смены.

Рейн усмехнулся. Жестоко и коротко.

— Сорок восемь минут человек стоит неподвижно у кулера, и только потом это замечают. Выпишите его начальнику премию за внимательность к подчинённым.

— Рейн, это не смешно. Он третий за месяц.

— Я смеюсь не потому, что мне весело, Миллер. Я смеюсь потому, что плакать над человеческой слепотой мне не позволяет статус. — Рейн повернулся к Сато. — Вы пробовали с ним говорить, док?

— Он не реагирует на вербальные раздражители.

— Боль?

— Мы не пытаем пациентов, детектив, — Сато поджала губы.

— Какая жалость. А щекотка?

Сато бросила на него испепеляющий взгляд. Рейн улыбнулся своей фирменной обезоруживающей улыбкой и шагнул к двери шлюза.

— Откройте. Хочу поздороваться.

— В изоляторе запрещены...

— Док, — голос Рейна вдруг потерял всякую игривость. Он стал тяжёлым, как свинец. — Откройте чёртову дверь, или я разобью стекло стулом.

Сато стиснула зубы и нажала кнопку на пульте. Замок щелкнул.

Рейн вошёл в палату.

Запах антисептика ударил в ноздри. Детектив медленно подошёл к Артуру Пенну.

Мужчина даже не моргнул. Его глаза были широко открыты. Зрачки — правильного размера. Осанка — безупречная.

Рейн обошёл его по кругу. Встал перед ним.

— Привет, Артур. Я Рейн. Мы с тобой пропустили по бокальчику, помнишь?

Ноль реакции. Никакого микро-движения бровей. Никакой попытки сфокусировать зрение.

Это было жутко.

Рейн достал из кармана узкий тактический фонарик. Щелкнул кнопкой. Яркий белый луч ударил прямо в правый глаз Артура.

Зрачок мгновенно сузился. Рефлекс сработал идеально.

Рейн убрал свет. Зрачок расширился.

Но вот что было страшно: Артур не отшатнулся. Не зажмурился. Не поднял руку, чтобы защититься от света. Биология работала, как у швейцарских часов. Личность — отсутствовала.

— Из правого глаза нашего спящего красавца выкатилась слеза, — громко сказал Рейн через переговорное устройство, не сводя глаз с Артура. Слеза действительно медленно ползла по небритой щеке Пенна, вызванная ярким светом. — Знаете, что меня пугает, Миллер? В этом движении воды по лицу больше жизни, чем во всём остальном теле. Он даже не моргнул, чтобы сбросить её.

Рейн выключил фонарик и вышел из шлюза. Дверь зашипела и закрылась за ним.

Детектив потёр переносицу, стряхивая остатки хмеля. Его мозг заработал на полную мощность, анализируя увиденное. Колёсики в его голове всегда крутились быстрее, чем у остальных, и именно за это его терпели в Управлении.

— Это хуже комы, — Рейн оперся бедром о стол Сато. — В коме мозг спит. А этот — бодрствует. Он работает. Поддерживает идеальную осанку, реагирует на свет, дышит. Он не сломан. Он... выпотрошен. Как будто кто-то взял скальпель и аккуратно вырезал всё, что делало Артура Пенна Артуром Пенном. Страхи, желания, память о том, как заваривать чай, память о том, что такое боль. И что мы имеем? Биомассу с идеальной базовой комплектацией.

Миллер нахмурился.

— Врачи пробовали откат?

— Тремя медицинскими протоколами, — отозвалась Сато. — Заливали в него фабричный эфир до упора. В ответ — тишина. В его голове больше нет структуры, к которой

можно привязать воспоминания.

— Хорошо, — Рейн потёр подбородок. Звук его голоса стал глуше. — Что убьёт человека так чисто? Ваши версии. Миллер?

Миллер раздражённо дёрнул плечом.

— Это новый штамм вируса. Вспышка модифицированной вредоносной программы. Артур Пенн и два предыдущих трупа поймали кустарный троян в бесплатном нейро-пакете. Вирус разогнался, сожрал подкорку и обнулил их.

Рейн покачал головой. Никакой театральности, только сухая констатация факта.

— Сато, уничтожьте эту теорию, пожалуйста.

Сато бросила на Рейна презрительный взгляд, но развернула голографический экран, показывающий мозг Артура в разрезе.

— Теория уничтожена, инспектор. Я сверила логи скачиваний Артура Пенна. Никаких бесплатных пакетов. Никаких кустарных скачиваний. Только сертифицированный софт «Мемо-Синтез». Легальный, подтверждённый патч стрессоустойчивости.

— Более того, инспектор, — Рейн ткнул пальцем в голограмму. — Вы когда-нибудь видели мозг человека, который поймал кустарный вирус из Ила?

— Видел, — огрызнулся Миллер. — Там каша.

— Именно. Море цифровой блевотины и мусора. Вирус — это агрессия, он заставляет иммунную систему мозга со-

противляться. А здесь?

Сато увеличила разрешение.

— А здесь идеально чисто, — подтвердила она. — Никакого сопротивления. Организм Артура Пенна принял команду на самоуничтожение личности так, словно это было плановое системное обслуживание.

Рейн кивнул.

— Знаете, на что это похоже, Миллер? Словно домовник вынес всю вашу мебель, сжёг фотографии, вымыл пол с хлоркой и запер дверь вашим же ключом. Вирус полы не моет.

Миллер скрестил руки. Его лицо потемнело.

— Тогда что это? Баг в облаке «Мемо-Синтез»? Легальный патч сломался?

— Если бы это был баг главного облака корпорации, — устало произнес Рейн, — у нас бы сейчас пускали слюни у кулеров семь миллионов клерков по всему восточному побережью. А у нас их всего три.

— Баг не выбирает трёх случайных бухгалтеров, — медленно проговорила Сато, начиная понимать логику.

— Не выбирает. Значит, это таргетированная атака, — сдался Миллер. — Кто-то взломал их индивидуально.

— Бинго! — Рейн щёлкнул пальцами. — Мы делаем успехи. Сато, покажи мне логи этой атаки. Я хочу видеть петлю стирания. Эту вашу прелестную "чистую" работу.

Сато вывела на центральный экран код нейро-патча. Ты-

сочи строк бежали вниз, светясь зеленоватым светом.

Рейн подошёл вплотную. Глаза привычно заскользили по строкам. Он мог читать нейро-код так же легко, как обычные люди читают утреннюю газету, — один из немногих талантов, который оправдывал его невыносимый характер.

— Патч стрессоустойчивости, бла-бла-бла, снижение кортизола, блокировка лимбической... Стоп.

Он поднял руку. Код замер.

На экране остался кусок, мерцающий бледно-жёлтым.

— Вот оно. Сато, приблизь.

Сато подчинилась. Строки раздвинулись, обнажив спрятанный внутри ломаный ритм.

Это не была стандартная многомерная архитектура. Это был странный, пульсирующий узел в самой глубине легального пакета. Он выглядел как фрактал — повторяющийся узор, который стягивал на себя все нейронные процессы Артура, обесточивая соседние сектора мозга один за другим.

Рейн смотрел на это, и его лёгкая улыбка медленно сползла с лица.

Он подошёл ещё ближе, почти касаясь носом голограммы.

— Какого чёрта... — тихо сказал он.

— Что вы видите? — спросила Сато.

— Я вижу невозможную хрень. — Рейн повернулся к ним.

Его голос стал тихим и предельно серьёзным. Вся харизма и сарказм облетели, как шелуха, обнажив ледяную аналитическую машину. — Это не автоматический скрипт.

— В смысле? — не понял Миллер.

— Вы посмотрите на структуру заложения, — Рейн снова указал на экран. — Автоматизированный код корпорации пишется блоками. Симметрично. Идеально ровно. А это... видите эти микро-флуктуации? Эти задержки в миллисекунды между командами удаления?

Сато прищурилась. Её глаза расширились.

— Это... интервалы.

— Это привычка, мать её, — отрезал Рейн. — Это человеческая моторика.

Он отвернулся от экрана и посмотрел на своих коллег.

— Кто-то сидел на другой стороне консоли и стирал Артура Пенна своими руками. В реальном времени. Кнопка за кнопкой. Слой за слоем. Он спустился к нему на базовый уровень подсознания и вырезал его личность мануально, не оставив ни единого шрама.

В лаборатории повисла звенящая тишина. Гул серверов казался оглушительным.

Миллер тяжело выдохнул.

— Ручная работа? Рейн, ты бредишь. Человек физически не может влезть в этот объём данных, стереть личность с хирургической точностью и уйти незамеченным. Это занимает часы глубокого погружения. Для этого нужен доступ к легальным магистралям и оборудование уровня военных бункеров.

— Я констатирую факты, — Рейн прошёлся по комнате,

чувствуя, как адреналин сжигает остатки алкоголя в крови.

— Мы имеем дело не с хакером. И не с программой.

— С кем тогда? — тихо спросила Сато.

— С кукловодом. Это чьё-то авторское ремесло, — Рейн остановился у стекла. — В нижних ярусах про таких ходят байки. Их называют архитекторами. Штучные спецы глубокого залегания. Призраки. Кто-то, кто знает систему лучше, чем сам создатель... И после большинства из них остаются только трупы.

Слова повисли в воздухе.

Рейн вдруг остановился. Запах антисептика в комнате странным образом смешался в его памяти с другим запахом.

Запах грязной робы. Соевый шоколад. Грязь под отстриженными ногтями.

«Жена. Её голос. Пропадает, словно вырезают ножницами».

Миллер заметил перемену в лице детектива.

— Что такое, Рейн? У тебя лицо, будто ты привидение увидел.

Рейн медленно поднял глаза.

Полицейские сериалы всегда врут в одном — они показывают моменты озарения как вспышку света. В реальности момент озарения чаще всего похож на понимание того, что ты наступил в дерьмо, и теперь тебе придётся долго и мучительно отмывать ботинки.

— Неделю назад, — тихо начал Рейн, глядя куда-то сквозь

Миллера. — В участок пришёл Мужик. Томас. Рабочий с утилизационной баржи в восточном доке. У него не было медстраховки. Он был одет в лохмотья.

— И что? К нам каждый день приходят сумасшедшие из нижних ярусов.

— Он кричал, что воспоминания о жене стираются. Будто кто-то вырезает их ножницами, — Рейн перевёл пугающе осмысленный взгляд на Миллера. — Я тогда не придавал этому значения. Думал, у работяги отслоение дешёвого пиратского пакета. Отправил его к мозгоправам в социалку и забыл. Но теперь...

— Хочешь сказать, он был жертвой?

— Артур Пенн и те двое покойников были корпоративными клерками. Они выходили в легальное облако "Мемо-Синтез". Наш... архитектор использовал сеть как транспорт, чтобы добраться до них. Но такую сложную ручную "стирательную" операцию никто не начинает сразу на клиентах корпораций. Её надо отладить. Сначала кто-то должен сесть в кресло и отдать свой мозг на растерзание. В тестовом режиме.

Рейн подошёл к дверям лаборатории. Его глаза горели темным, опасным огнём.

— Томас не был сумасшедшим, Миллер. Томас был бета-тестом. Первой крысой в лабиринте. И кустарный пакет ему продали нигде иначе, как в Иле.

Он развернулся и толкнул дверь шлюза.

— Рейн, стой! Куда ты? — крикнул Миллер.
Детектив даже не обернулся.

— Баржа, — бросил он и шагнул в коридор.

Глава 13. Ил

Восточные доки пахли дизелем, гниющими водорослями и дешевым синтетическим кофе.

— Чёрт, — проворчал Миллер, вжимая голову в плечи.

— Здесь всегда так льёт?

— Это не дождь, — Рейн Дэвис поднял воротник тяжелого шерстяного пальто. — Это Верхний город.

На нижних ярусах Оукхейвена осадки не зависели от туч. Верхний Город — колоссальный массив композита и стекла — перекрывал небо сплошными бетонными сводами климатических щитов.

Водосборники башен и охладители серверов «Мемо-Синтез» сбрасывали вниз тысячи галлонов конденсата каждую секунду.

Для элиты за облаками температура всегда оставалась идеальной. А для тех, кто обитал под мостами, металлическая морось стала естественной средой обитания.

Местные называли это место «Ил». Сюда оседало всё, что смывалось с блестящего лица Оукхейвена.

Рейн взгляделся в серую пелену. Дождь методично бил по ржавым решеткам технического тротуара. Каждая капля отдавала запахом химии.

Миллер спрятал руки глубже в куртку. Инспектор ненавидел Ил. Ненавидел эту липкую сырость и давящее ощущение

чужого взгляда из темноты переулков.

Мимо с лязгом пронеслась дрезина монорельса, обдав напарников снопом оранжевых искр.

— Я до сих пор не понимаю, зачем я тебе здесь сдался, Рейн! — повысил голос Миллер, перекрывая гул эстакады. Он перешагнул роскошную черную лужу с радужной пленкой машинного масла. — Это неофициальный визит. Ордера нет.

Рейн не обернулся.

— Социальное гетто! — настаивал Миллер. — Пусть патруль с этим разбирается.

— Баржа — это не то место, куда ходят по одному в хорошем пальто, — ровно ответил детектив. — И потому что ты, Миллер, умеешь задавать правильные вопросы людям, которые не открывают двери полиции.

Миллер хмыкнул. Спорить не стал.

Он инстинктивно сдвинул край куртки вбок. Рукоять табельного парализатора легла ближе к ладони.

Впереди пульсировала Баржа.

Отдельный железный организм. Гигантская серая зона, намертво пришвартованная к сваям прямо под транспортной эстакадой. Муравейник из спиленных транспортных контейнеров, соединенных шаткой паутиной лестниц и кабелей.

Полиция предпочитала не замечать её. Ровно до тех пор, пока уровень поножовщины или передозировок не начинал

выплескиваться выше.

Они вышли на освещенный пяточок — перекресток двух пешеходных галерей.

Свет давала гирлянда кустарно скрученных неоновых трубок. Неон был агрессивным, ядовито-розовым и болезненно-зелёным: «*Быстрые кредиты*», «*Натуральный белок!*», «*Скупка портов (Б/У)*».

Возле тележки с уличной едой, от которой поднимался жирный пар, стоял человек.

Он резал глаз абсолютной неуместностью. Мужчина в строгом корпоративном костюме от лучшего портного Верхних ярусов. Дорогая ткань потемнела и обвисла.

Мужчина стоял прямо под струёй воды из прорванного навеса и обеими руками сжимал пластиковый стаканчик с кофе.

Старик-азиат за прилавком невозмутимо помешивал вариво в чане. На клиента он даже не смотрел.

Миллер замедлил шаг. Рука снова дернулась к парализатору.

— Корпорат на Барже... — пробормотал инспектор. — Ждет дозу?

— Ни того, ни другого, — Рейн остановился. — Взгляни на его лицо.

Миллер присмотрелся.

Взгляд клерка был абсолютно пустым. Зрачки расширены до предела. Он смотрел не на старика и не в кофе. Он смот-

рел сквозь кирпичную стену.

За пределы этого мира.

Бледные, дрожащие губы беззвучно, маниакально шевелились.

Снова. И снова.

Каждые три секунды грудная клетка замирала, губы складывали непонятную фразу, цикл повторялся.

На правом запястье мужчины пульсировал индикатор портативного инъектора. Быстро, как стробоскоп.

— Зациклился, — тихо, с неожиданной жалостью произнес Миллер. Он убрал руку от оружия. — Бедолага. Пиратский пакет релаксации?

Рейн покачал головой.

— На нем нет уличных примочек. Костюм стоит больше, чем эта улица. Инъектор — сертифицированная модель от лабораторий "Мемо-Синтез".

Детектив взгляделся в мигающий светодиод.

— Это легальный, отнюдь не дешёвый пакет, Миллер. Скорее всего, вариация "Экстра-продуктивности".

— Легальные пакеты просто так не зависают. Корпоративная система боится код.

— Не зависают, если мозг здоров, — холод Рейна был острее местной мороси. — Знаешь, зачем успешные ублюдки спускаются в Ил?

Миллер промолчал.

— Когда легальная система перестает работать на со-

женных четырнадцатичасовыми сменами синапсах, ты идешь туда, где "снимают ограничения".

Рейн кивнул на мужчину.

— Кто-то из уличных мясников попытался взломать его корпоративный портовый замок. И сломал механизм.

Корпорат вдруг моргнул. Из закрытого глаза выкатилась слеза, смешавшись с каплями дождя.

Но лицо его оставалось неподвижным. Пластиковым. Губы продолжали шептать неслышную фразу.

Мимо прошел рабочий в резиновом комбинезоне. Грубо задел корпората плечом.

Тот покачнулся. Пролил немного кофе себе на дорогие туфли. И даже не посмотрел на обидчика. Он просто сбалансировал тело и продолжил свой жуткий невидимый монолог.

Никто вокруг не обернулся.

В Иле люди со сломанными патчами давно стали частью пейзажа. Как ржавые трубы или неон. Они тихо сгорали в собственных петлях, пока тело не сдавалось под вечным дождем.

Угроза этого места крылась не в крике о помощи. А в этой ужасающей тишине, поглощавшей жизнь.

Рейн отвел взгляд от плачущего человека.

Мозг Артура Пенна уничтожили хирургически чисто. Человек у тележки был уничтожен кустарно, топором. Итог один — пустая, дышащая скорлупа.

— Идем, — резко бросил Рейн. — Если простоишь под

этим дождем еще пять минут, сам начнешь шевелить губами.

— Куда точно? — Миллер ускорил шаг.

— Контейнер сорок два. Третий жилой ярус.

Детектив на ходу смахнул воду с экрана терминала. Сеть ловила с трудом.

— Держи глаза открытыми, Миллер. Этот Томас двадцать лет работал на распределительной системе Баржи.

— Очередной спятивший техник?

— Бета-тестер. Человек, с которого началась архитектура стирания, убившая Артура Пенна. Ниточка к тому, кто держит программные ножницы.

Железная лестница угрожающе скрипнула под подошвами детективов. Подъем сопровождался нарастающим гулом огромных фильтрационных насосов.

Темнота стала гуще. Запахи — резче.

Расследование погружало их в Ил.

Подъем на третий ярус Баржи ощущался не как движение вверх. Скорее — спуск в утробу огромного больного зверя.

Шаг за шагом по ребристым ступеням проржавевшего железа. Сквозь плотную завесу теплого пара от теплотрасс.

Гул фильтрационных насосов переходил в давящую вибрацию. Она отдавалась в подошвах и заставляла зубы мелко стучать. Лампы накаливания в проволочных клетках моргали неохотно, уступая место густой темноте.

Тени от переплетенных труб ложились на алюминиевые стены контейнеров. Агрессивные, искаженные узоры-паути-

ны.

Кто-то спрыгнул с лестницы этажом выше. Грохот ботинок быстро удалялся по решетке и затих в переулке.

Местные жители — безликие силуэты в мокрых куртках — растворялись в проходах задолго до появления копов. Никто не смотрел в глаза. И никто не задавал вопросов.

Они нашли нужный сектор. 42-й жилблок.

Обычный сорокафутовый транспортный контейнер. Отслаивающаяся серо-бурая краска.

Тяжелая металлическая дверь была приоткрыта.

Рейн Дэвис остановился. Медленно, не снимая кожаной перчатки, положил руку на мокрый металл.

Замок — дешевая магнитная пластина с биометрикой — был изодран в клочья. Жесткий пластик искорежен глубокими бороздами от тяжелой монтировки. Считыватель безвольно свисал на оборванных медных проводках. Изредка искрил.

— Стоять, — почти беззвучно скомандовал Миллер.

Уличный коп в нем всегда брал верх над офисным ворчунном, когда пахло взломом. Инспектор отступил на полшага. Из-под куртки хищно блеснул парализатор.

— Высадили внутрь. Снаружи.

Рейн кивнул. Не убирая руки от двери, он прислушался. За толстым металлом стояла неестественная, плотная тишина.

Детектив плавно, без рывка, толкнул дверь ногой.

Она распахнулась и ударилась о стену со скрипом. Рейн и Миллер одновременно шагнули внутрь. Распределение визуальных зон прошло на автомате: Миллер — углы и слепые пятна, Рейн — центр и пол.

Рефлекс не оправдался. Пусто.

Пахло сыростью, затхлой бумагой и — резко — дешевым антисептиком. Тусклая лампа на потолке свисала на оголенном проводе, облепленная дохлой мошкаррой.

Рейн опустил напряженные плечи.

Пространство контейнера было маниакально, пугающе чистым. Для Баржи с её вечной плесенью чистота выглядела как симптом тяжелой болезни.

На узкой откидной кровати — армейский плед, сложенный в струнку, угол в угол. Алюминиевый пол выдраен до блеска. Ни немытой чашки. Ни мусорного ведра. Никаких личных вещей.

Только геометрия пустоты.

Единственный хаос — в центре. На перевернутом пластиковом ящике высились десятки кусков расчерченной бумаги и технического картона. Карточки лежали пачками.

Томаса здесь не было.

— Взломали не изящно, но с душой, — Миллер убрал оружие. Провел пальцем по свежим, блестящим царапинам на металле дверного косяка. — Местная школота? Наркоманы искали заначку эфира?

— Наркоманы перевернули бы кровать, вспороли матрас

и разбили лампу, — Рейн подошел к импровизированному столу. Включил тактический фонарик на воротнике пальто.

Свет разрезал полумрак.

— Здесь всё на своих местах. Тот, кто ломал дверь, пришел за чем-то конкретным. Спугнули.

Рейн наклонился над картоном. Сотни одинаковых карточек, кустарно вырезанных из рекламных буклетов. Все исписаны паническим, дрожащим почерком.

Детектив взял ближайшую.

«Её звали Анна. У неё была родинка на левой щеке, прямо над губой. Она любила черный кофе без сахара, он всегда казался ей сладким. Запомнить. Главное — не отдавать ложку».

Рейн медленно отложил её. Взял следующую.

«Она смеялась, когда шёл снег, потому что он таял на ресницах. Запомнить. Я больше не помню звук её смеха. Он стал плоским. Верните мне звук смеха. Кто забрал звук?»

— Господи, Иисусе... — хмуро выдохнул Миллер, читая через плечо детектива. — Этот твой гений всё-таки сошел с ума. Пытался удержать память на кусках мусора. Обычный исход дешевой синтетики, Рейн. Мозг превращается в решето.

Миллер отступил к окну и инстинктивно всмотрелся в решетчатый балкон соседнего яруса. Ему показалось, или там мелькнула тень? Кто-то слишком долго стоял неподвижно в дожде. Полицейский инстинкт кольнул затылок: они здесь не

Одни.

— Нам здесь нечего ловить, кроме пыли, — добавил инспектор, не сводя глаз с темного пролета напротив. — Поехали в управление. Оформим как психоз на почве эфира.

Рейн молчал. Он перебирал карточки. Сердце детектива тяжело стучало. Миллер был прав — это выглядело как классическая нейронная деградация.

Может, я ошибся? — подумал Рейн. *Может, связь Томаса с архитектором — лишь моя паранойя, и Мужик просто сгорел от дешевого уличного дерьма, как тысячи других?*

Детектив смахнул одну стопку. Под ней обнаружился слой более старых записей. Почерк еще ровный, спокойный.

«Запах яблок и корицы на кухне. Воскресенье».

Затем строчки начинали ломаться:

«Она носила зеленое пальто. Или синее? Зеленое. Запомнить цвет: зеленый. Кто-то стирает зеленый цвет».

И под ней, написанная бледно, почти без нажима. Самая страшная:

«Анна сказала, что у меня всегда холодные руки. Я трогаю свои пальцы. Я проверяю. Они действительно холодные. Но я не помню, чтобы она это говорила. Я просто знаю, что это факт. Верните мне её голос».

Рейн замер. Пальцы в кожаной перчатке слегка дрогнули.

Он разложил перед собой три карточки в хронологическом порядке. От спокойного почерка к рваному. От зеленых пальто к потере самого факта голоса.

Сомнения испарились, оставив после себя ледяную, страшную ясность.

— Это не деменция, Миллер, — голос Рейна прозвучал иначе. Тише. Опаснее.

— Да ну? — Миллер даже не обернулся, продолжая следить за переулком за окном. В тени снова что-то шевельнулось. — А на что это похоже?

— Деменция уничтожает фрагментарно. Пятнами, — Рейн ткнул пальцем в бумагу. — Синтетический эфир бьет по моторике вместе с памятью. А здесь... здесь хирургия. Систематическая, последовательная изоляция синаптических связей.

Детектив поднял голову.

— Он документировал свое стирание. Кто-то забрался в мозг Томаса и начал клетка за клеткой вырезать конкретный образ его жены. А Томас сидел здесь и переписывал обрывки, пока у него не забрали способность связывать слова.

Миллер сглотнул. Обвел взглядом ряды исписанного картона.

Внезапно макулатура перестала выглядеть бредом спятившего. Она стала кладбищем убитых воспоминаний.

— Ты хочешь сказать, архитектурный сбой, убивший Артура Пенна, начался здесь? С техника, который хотел забыть жену? — голос инспектора потерял иронию. Стал жестким. Деревянным.

— Томас был лесопилкой, на которой кто-то учился поль-

зоваться бензопилой, — Рейн начал перебирать стопки с невероятной скоростью. — Ищи геоданные, адреса, названия пакетов. Всё, что выходит за рамки Анны.

— Думаешь, оставил зацепку?

— Конечно! Умирая, человек всегда пишет убийцу кровью на полу.

Миллер с тяжелым вздохом встал по другую сторону ящика.

Несколько долгих минут в перевернутом контейнере стояла напряженная тишина. Только монотонный шум дождя по жестяной крыше да сухой шелест картона.

Они читали карточку за карточкой, погружаясь в распадающийся разум Томаса. И чем дольше они читали, тем холоднее становилось.

— Рейн, — неожиданно позвал Миллер.

Его голос прозвучал так глухо, что детектив мгновенно вскинул голову.

Инспектор не смотрел на него. Он смотрел на грязный, полуистлевший кусок технического картона, извлеченный с самого дна. Испачканный чернилами и машинным маслом.

Там не было стихов об Анне. Не было описания цвета глаз или яблок.

Там был чертеж.

Грубый, изломанный, но невероятно сложный эскиз нейронной сети. Математически выверенная матрица переплетающихся линий, сходящихся к центру.

Снизу было нацарапано одно слово. Жирно, с яростным, неконтролируемым нажимом. Человек прорвал слои картона насквозь.

ЛАБИРИНТ.

— Что это за чертовщина? — Рейн в два шага обошел ящик и забрал картонку из рук замершего Миллера.

Детектив направил луч фонарика в центр.

Линии не были бессмыслицей. В жестких, замыкающихся углах угадывалась абсолютная геометрическая логика.

Архитектура. Высший уровень программирования, воссозданный по памяти человеком, не знавшим языков кода. Но чувствовавшим конструкцию внутри головы.

— Не знаю, что это технически, — Миллер медленно мотнул головой, не веря себе. — Но судя по панике в линиях... Томас был в животном ужасе от этого "Лабиринта". Его трясло.

Внезапно сзади, в узком коридоре Баржи, раздался шаркающий звук ботинок. Ботинки скользнули по мокрой решетке.

Рейн и Миллер одновременно обернулись к открытой двери.

В проёме распахнутой двери, на фоне серого дождя, замер невысокий силуэт.

Мальчишка лет двенадцати. Худой, в безразмерной, насквозь промокшей химзащите. Из неё он давно вырос. На впалой щеке сиял свежий багровый след — жесткая уличная

драка, а не инфекция порта.

В руках пацан судорожно сжимал полупустую пластиковую канистру с мутной водой.

Увидев двух высоких, напряженных мужчин в контейнере, один из которых светил тактическим фонарем, мальчик дернулся назад. Его ботинки скользнули по мокрой решетке галереи.

Рефлекс Ила: беги, не задавай вопросов.

— Ни с места! — рявкнул Миллер.

Голос инспектора разорвал тишину, как выстрел. Он сделал широкий шаг к выходу, перекрывая путь отступления.

Рейн мгновенно перехватил его сзади. Железной хваткой вцепился в плечо напарника и с силой дернул назад.

— Стоять, Миллер. Ты его спугнешь.

Детектив медленно, акцентируя каждое движение, выключил слепящий фонарик. Поднял обе руки ладонями вверх. Жест сдачи.

— Спокойно, парень, — Рейн понизил тон. Сделал голос бархатным, гипнотическим. — Мы не легавая зачистка. Никто не забирает тебя в приют. Мы ищем Томаса. Ты его знаешь?

Мальчишка недоверчиво, затравленным волчонком, переводил взгляд с Миллера на Рейна.

Вода струилась с его грязных волос за шиворот. Он переступил с ноги на ногу, готовый рвануть в любую секунду.

— А вам-то какое дело до старого техника? — огрызнул-

ся пацан. Попытался включить уличную браваду, но голос дрогнул. — Верхние сюда просто так не рыпаются. Тем более легавые. Я чую легавых.

— Твоя правда. Мы легавые, — Рейн не стал отрицать. Это обезоруживало лучше лжи. — Но дверь вырвали с мясом до нас. Томас в опасности. Ты был здесь раньше? До взлома?

Слово «взлом» заставило мальчишку вздрогнуть.

Он инстинктивно, с испугом, покосился на искореженный металл дверного косяка.

— Это не я, коп. Я чужого не беру, — быстро забормотал он, прижимая канистру к груди. — Местные торчки вчера утром работали. На «Синкопе» сидят. Думали, у Томаса припрятан фабричный эфир.

— Нашли? — подался вперед Миллер.

— Нашли железную трубу, — пацан криво, нервно усмехнулся. — Томас был внутри. Выскочил, как бешеный пес, с куском арматуры. Начал орать не своим голосом.

— А торчки?

— Сбежали. А он так и остался стоять в дверях.

— Когда ты видел его в последний раз живым? — Рейн опустил руки. Сделал полшага вперед, чтобы мальчик видел только его синие, внимательные глаза.

— Вчера вечером. Я таскал ему воду из чистых резервуаров, за мостом. Он исправно платил, — пацан шмыгнул носом. — Но когда я пришел... он был совсем плох. Худший

день.

— Что значит "плох"? Опиши. Каждое движение.

Мальчишка сглотнул, со страхом оглядываясь на темноту Баржи за своей спиной.

— Сидел прямо на полу. Забился в угол, вот туда, — мальчик указал на кровать. — Обеими руками держался за голову, как будто она лопалась. Я окликнул, но он меня не видел. Сжимал ручку так, что костяшки побелели. Все чиркал эти карточки.

— Что он говорил? Люди в психозе редко молчат.

— Он не говорил. Он скулил, как побитая собака, — прошептал мальчишка, покосившись на темный переулок за дверью. — Бормотал всё одно слово... Лабиринт... лабиринт... стены двигаются...

Пацан судорожно вздохнул.

— Я не знал, какой лабиринт, легавый. Тут всюду лабиринт. А он всё задыхался. Кричал, что ему надо вырезать это из головы. Найти мясника. Любого.

— Вырезать пустую память? Зачем? — Миллер нахмурился, не отрывая взгляда от теней снаружи. Полицейский инстинкт всё ещё бил тревогу.

— Он кричал, что лучше пусть там останется черная дыра. Пока эта штука внутри не забрала остатки... какой-то Анны. Я не знаю, кто такая Анна! — огрызнулся пацан, защищаясь.

Рейн почувствовал спиной холод.

Слова сложились в картину. Томас не просто сошел с ума. Он осознал, что оказался внутри враждебной архитектуры. Слишком идеальной геометрии, которую кто-то построил в его мозгу.

Инстинкт самосохранения заставил Томаса побежать под нож нелегальных хирургов, лишь бы вырвать свои воспоминания у этого невидимого Архитектора.

— Куда он пошел? Назови место, — Рейн подался вперед.

— Да говорю же, он был не в себе! — мальчик замотал головой. — Он не называл улиц. Я помню только... он бормотал про старый рыбный рынок. Что-то про воду, которая бьет током... и неон, который всегда коротит над затопленным подвалом. И что там сильно воняет хлоркой.

Рейн замер. Глаза детектива сузились, сканируя в уме нелегальную карту нижнего города. Рыбный рынок... вода под током... хлорка подпольных операционных.

Мальчишка замолчал. Глаза затравленно бегали. Он выложил всё, что успел запомнить, и ему категорически не нравилось оставаться на свету.

— Я знаю это место, — медленно, с тяжелым осознанием произнес Миллер. — Отдел нравов накрывал там наркоприюты. Третий причал. Зона неофициальной медицины.

Миллер сжал кулаки.

— Там пиратский эфир льется прямо в канализацию. Если Томаса положат на стол в таком нестабильном состоянии... от него даже карточек не останется. Мы найдем пустую

оболочку.

— Или мертвое тело, — жестко добавил детектив.

Рейн достал из внутреннего кармана пальто несколько измятых синтетических купюр. Бросил на мокрый пол прямо перед ботинками мальчишки.

Бросок кобры. Пацан подобрал деньги, спрятал за пазуху и растворился в темноте прохода. Он ушел, не издав ни звука. Слился с дождем.

Выйдя из разорванного контейнера на тротуар, Рейн вновь ощутил агрессивный, пробирающий до костей холод тумана.

Расследование начиналось с элегантного самоубийства Артура Пенна в стерильном, дорогом офисе. Теперь оно затянуло их на самое дно социального ада Оукхейвена.

Туда, где человеческий мозг перекраивали ржавыми скальпелями в залитых водой и хлоркой подвалах.

И все это объединяла одна система. Один человек, выстроивший совершенный «Лабиринт». Ловушку, в которой задохнулись корпораты и нищие.

— Знаешь, Рейн, — негромко произнес Миллер. Он встал у перил эстакады и посмотрел вниз, в черноту. — Мне абсолютно не нравится это дело. И мне еще больше не нравится то, как этот Томас нарисовал свой ##биринт.

Миллер медленно стряхнул воду с рукава.

— С такой точностью и паникой рисуют лишь палачи.

— Не палачи, Миллер. Архитекторы, — поправил Рейн,

высоко поднимая жесткий воротник пальто, чтобы закрыться от непрекращающегося дождя. Голос детектива звучал как лед. — Лабиринты строят архитекторы.

Рейн отвернулся от пустоты и зашагал по скрипящим ступеням вниз.

— А мы идем искать того Мясника, у которого хватило наглости попытаться сломать чужой шедевр.

Следующая остановка — Третий причал.

Зона, где стирают людей.

Глава 14. Тени

Калев Калахан смотрел в зеркало своей ванной тридцать девять минут подряд.

Зеркало было безупречным. Умное стекло с функцией мягкого утреннего освещения и встроенными датчиками пульса. Оно показывало его лицо с безжалостной детализацией, достойной лучшего портретиста Оукхейвена.

Дорогой костюм. Идеально выбритый подбородок. Синие, холодные глаза человека, привыкшего уничтожать корпорации на завтрак.

Всё было на месте.

Кроме одного.

Калев больше не узнавал человека по ту сторону стекла.

Он поднял правую руку. Осторожно, почти с опаской коснулся щеки. Отражение повторило жест. Синхронно. Идеально.

Но ощущение было неправильным. Калев не чувствовал, что это *его* рука касается *его* лица. Это напоминало странное, леденящее чувство, когда надеваешь чужой, идеально подогнанный пиджак, забытый кем-то в гардеробе. Он сидит по фигуре, но пахнет не тобой.

В тишине пентхауса мягко щелкнул дозатор мыла. Калев поднес ладони к лицу.

Яблоко. Резкий, неестественно свежий запах зеленого яб-

лока.

Он всегда ненавидел этот запах. С самого детства, когда няня натирала его комнату дешевым яблочным дезодорантом, пытаясь перебить запах лекарств болеющей матери.

Но почему тогда вся его ванная, от дозаторов до ароматизаторов воздуха, заставлена флаконами с яблочной отдушкой?

Калевб медленно закрыл кран. Вода шумно ушла в слив. «Запах яблок», — прошептал он в тишину. Голос звучал глухо.

Он попытался вспомнить момент покупки этого мыла. Попытался найти визуальный кадр в памяти: как он стоит в элитном магазине, берет флакон с полки, расплачивается.

Ничего.

Память обрывалась ровно в том месте, где должна была быть четкая картина. На её месте висело спокойное, вязкое знание: *оно всегда здесь стояло.*

Но оно *не могло* стоять здесь всегда.

Калевб резко отвернулся от зеркала. Вышел в гостиную.

На стеклянном кофейном столике, рядом с пачкой финансовых отчетов синдиката Калахана, лежал маленький пластиковый кот. Дешевая китайская штамповка, покрашенная золотой краской. У кота была поднята правая лапа — Манэки-нэко. Классический символ удачи из забегаловок Нижнего города.

Калевб никогда не бывал в таких забегаловках. И он нена-

видел дешевый пластик.

Манэки-нэко ритмично, со слабым скрипом механизма, покачивал лапой. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

Откуда ты здесь взялся?

Ответ всплыл мгновенно. Ровный. Безопасный. Заранее заготовленный: *«Просто купил. Понравился»*.

Вторая фальшивая мысль за утро.

Калёб подошел к столику и с силой смахнул кота на пол. Пластик жалобно хрустнул под кожаным ботинком. Осколки разлетелись по белоснежному ковру.

Он стоял, тяжело дыша, и смотрел на уничтоженную игрушку. В груди нарастала глухая, первобытная паника. Это не было страхом смерти или банкротства. Это был ужас человека, обнаружившего, что половина мебели в его доме переставлена невидимыми руками, пока он спал.

Его дом — это его разум.

Терминал на запястье мягко завибрировал, сообщая о входящем звонке.

— Говори, Рамон, — Калёб ответил, не сводя глаз с осколков на полу.

— Машина подана, мистер Калахан, — глубокий, ровный голос водителя. — До встречи с акционерами полтора часа. Будем вносить корректировки в маршрут?

— Отменяй акционеров, Рамон.

На том конце повисла секундная пауза. Калёб Калахан никогда не отменял встречи такого уровня. Покупка контроль-

ного пакета акций азиатского логистического картеля была проектом последних семи месяцев.

— Понял вас. Сдвинуть на завтра?

— Сдвинуть до моего личного распоряжения, — произнес Калев, чувствуя, как деревянеет челюсть. — Свяжись с доктором Тернером. Скажи ему, что я еду к нему в клинику. Прямо сейчас. Пусть отменяет всех пациентов на утро и готовит аппарат глубокого сканирования.

— Доктор Тернер? Личный невролог? — Рамон позволил себе легкую заминку, что для идеального водителя означало крайнюю степень тревоги. — Мне вызвать медицинскую бригаду...

— Нет. Я в норме. Просто... профилактика. Жди внизу.

Калев отключил связь.

Он подошел к панорамному окну. Оукхейвен под ним мерцал миллионами огней, словно гигантская микросхема. Каждое здание на своем месте. Каждая дорога логически обоснована.

Но внутри этой идеальной системы Калев чувствовал себя посторонним кодом.

Он вспомнил скрипача в переходе. Воду. И этот невыносимый, навязчивый ритм вальса, от которого мутило, но который он *хотел* слушать.

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

Обычные люди шли к врачу, когда испытывали боль, головокружение или потерю ориентации. Но как объяснить вра-

чу симптом, при котором ты *полностью* ориентируешься в пространстве, абсолютно *здоров*, но тебе *нравится* запах мыла, который ты должен был ненавидеть?

Как лечить изменение вкусов?

В клинике Тернера, расположенной на двадцать втором ярусе медицинского кластера, пахло ионизированным воздухом и дорогим парфюмом. Никакой хлорки. Никаких криков. Идеальная стерильность для идеальных людей.

Доктор Тернер — подтянутый мужчина с седеющими висками и спокойным баритоном — смотрел на Калеба поверх голографической проекции его мозга.

Калёб сидел в тяжелом кресле сканера, чувствуя холод металлических сенсоров на висках.

— Мы провели полное нейронное картографирование, мистер Калахан. Трижды, — Тернер свел пальцы "домиком", его лицо выражало мягкое, профессиональное сочувствие. — МРТ высокой плотности, анализ синаптических узлов, проверка целостности мембран.

— И? — глухо спросил Калёб, разминая затекшую шею.

— Вы абсолютно здоровы. Ваш мозг работает как дорогие швейцарские часы. Нет микроинсультов. Нет признаков дегенеративных процессов. Уровень кортизола чуть повышен, но для вашей должности это норма.

Врач развернул голограмму, показывая Калебу яркую, симметричную сеть нейронов.

— Ваша архитектура памяти прозрачна. Никаких инород-

ных образований или грубых сшивок.

— Значит, со мной всё в порядке? — Кaleb наклонился вперед, его холодный, корпоративный взгляд буквально прошил врача насквозь. — Если я здоров... почему я стою в своей ванной и не понимаю, откуда там взялось яблочное мыло? Почему я слушаю уличного скрипача семь минут, опаздывая на совет директоров? Почему я просыпаюсь с мыслью, что ночью я тонул в каком-то подвале?

Доктор Тернер мягко, понимающе улыбнулся. Это была та самая улыбка, которой одаривали переутомленных топ-менеджеров перед тем, как выписать им недельный отпуск на острова.

— Кaleb... мы просто устаем. Человеческая память не идеальный жесткий диск. Это пластичный материал. Стресс перестраивает наши предпочтения. Усталость меняет восприятие вкусов и запахов. Сны — это просто сброс нейронного кэша за день.

Врач указал на графики.

— Вы перегружены ответственностью. Ваша психика ищет якоря. Запах свежего яблока успокаивает. Музыка скрипача снимает напряжение. Это не патология, Кaleb. Это ваш собственный разум подсказывает вам, что нужно притормозить.

Тернер подошел ближе, положив руку на подлокотник кресла.

— Может, проблема не в том, что вы меняетесь. А в том,

что вы боитесь этих изменений? Оукхейвен требует от нас быть бетонными монолитами. Но вы живой человек. Вам разрешено менять привычки.

Калев медленно закрыл глаза.

Логика Тернера была безупречной. Идеально гладкой. Она объясняла всё медицинскими терминами, снимая тревогу.

И именно эта гладкость вселяла ужас.

Врач искал *травмы*. Он искал разорванные синапсы, сгустки крови или кустарные вмешательства в порт, которые оставляли "мясники" с Третьего причала.

Но тот, кто менял Калеба, не был мясником.

Он не стирал воспоминания грубо, оставляя зияющие дыры. Он вплетал в них *привычки*. Новые нейронные дорожки, которые ложились так мягко и естественно, что стандартный медицинский скан воспринимал их как часть "повзрослевшей" личности.

Как врач может найти ошибку в коде, если ошибка выглядит и ведет себя как идеальный органический процесс?

«Привычки не оставляют шрамов», — вспомнил Калев мысль, которую где-то прочел. Или... которую ему кто-то вложил?

Калев открыл глаза. Холодный свет сканера отразился в его зрачках.

Доктор Тернер был слеп. Идеальная медицина Верхнего города была запрограммирована лечить поломки. Она не бы-

ла создана для того, чтобы распознавать искусственную эволюцию.

— Выпишите мне успокоительное, доктор, — ровным, ничего не выражающим голосом произнес Калев, вставая с кресла и застегивая манжеты идеальной, белоснежной рубашки.

— Рецепт уже в вашем терминале, — с облегчением кивнул Тернер. — И, Калев, отдохните. Поезжайте на побережье на пару дней.

— Обязательно, — Калев направился к выходу.

Выйдя из клиники в прохладный стеклянный коридор, он даже не достал терминал, чтобы проверить рецепт.

Его личный врач ничего не нашел. И это значило только одно — это был не стресс. И не усталость.

Внутри него происходил сбой. Плавающий баг, который обманывал систему сканирования, потому что вписывался в органическую ткань идеально, как родной. Вирусная закладка? Психологическая диверсия конкурентов?

Что бы это ни было, Калебу нужен был не невролог из Верхнего города.

Ему нужен был тот, кто умеет искать нелегальные коды в чужом разуме. Тот, кто ломает системы.

И для этого ему придётся спуститься туда, где медицина перестает быть легальной.

На нижние ярусы.

Роскошный бронированный лифт опускал Калеба Калаха-

на с медицинского яруса.

Монотонный гул магнитных рельсов. Идеально ровный спуск. Цифры этажей на прозрачной панели таяли одна за другой: сотый, девяностый, восьмидесятый...

Калев всегда любил это ощущение контролируемого падения. Здесь, в герметичной капсуле из пуленепробиваемого стекла и титана, он был абсолютной константой. Мир вращался вокруг него.

Терминал на левом запястье мигнул синим. Входящий канал службы безопасности оружейного синдиката.

— Слушаю, — коротко бросил Калев, глядя на свое отражение в стекле лифта. На этот раз отражение было привычным: холодным, собранным и пустым.

— Мистер Калахан. Это Фрост, начальник аналитического отдела, — голос подчиненного звучал напряженно, почти виновато. В синдикате Калеба люди не любили приносить ему плохие новости. Они знали, какова цена его «эффективности». — Прошу прощения за экстренный звонок. У нас критическая утечка в закрытом военном отделе.

Калев чуть прищурился.

Отдел разработки боевых нейростимуляторов. Компоненты, поставляемые оборонному ведомству. Ключевой источник сверхдоходов, строившийся на тонкой грани между легальной нейрокоррекцией и созданием идеальных солдат, не чувствующих боли или сомнений.

— Кто? — голос Калеба не дрогнул. Лишь слегка пони-

зился на полтона, став похожим на шум ветра в стальных трубах.

— Грэм. Наш ведущий нейро-инженер. Он скопировал архитектуру последних двенадцати боевых прототипов и попытался вынести её на физическом носителе через порт для подзарядки терминала. Служба безопасности сняла его на проходной десять минут назад.

Лифт миновал сороковой ярус. Солнечный свет Верхнего города сменился искусственным неонам промежуточных уровней.

В любой другой день реакция Калахана была бы мгновенной. Математической. Грэм должен быть стерт. Не физически убит — убивать в Верхнем городе было нерентабельно и грязно, это привлекало слишком много внимания. Но уничтожен социально.

Стандартный протокол: блокировка счетов, аннулирование страховки, изъятие жилья. Человек отправлялся на Баржу нищим инвалидом. Наглядный пример для остальных.

Жестокость? Нет. Гигиена системы.

— Где он сейчас? — спросил Калев.

— В изолированной допросной зоне СБ. Клянется, что не продавал данные корпорациям-конкурентам.

— А кому?

— Говорит, что собирался слить их в открытую сеть «Теней». Бесплатно. Чтобы каждый мог деактивировать оборонные блокираторы.

Калёб замер. Пальцы, лежащие на панели лифта, чуть сжались.

Бесплатно. В открытую сеть хакеров Нижнего города. Грэм — блестящий инженер с зарплатой топ-менеджера — решил совершить корпоративное самоубийство ради кучки нищих пацифистов? Это ломало логику.

— Выяснили мотив?

На том конце канала повисла тяжелая пауза. Фрост явно подбирал слова. Это раздражало.

— Мистер Калахан. Его младший брат... он пошел добровольцем на контрактное тестирование наших боевых стимуляторов. Два месяца назад. Ему вживили один из ранних прототипов подавления страха.

Фрост сглотнул.

— Прототип сработал жестче, чем нужно. Парня заклинило. Он не просто перестал бояться, у него отключился инстинкт самосохранения. Вчера он зашел в бар на Барже, где сидела местная бригада «Пионеров», и просто... попросил их выключить музыку, когда они наставили на него стволы. Ему проббили череп. Сейчас он в коме в государственном госпитале.

Калёб слушал.

Внутри него должна была запускаться отлаженная реакция: холодная констатация факта. Брат Грэма — погрешность на графике. Прототип на то и прототип, чтобы выявлять баги на тех, кого не жалко. Грэм позволил личным эмо-

циям вмешаться в корпоративную тайну. Следовательно, Грэм — уязвимость. Уязвимость подлежит устранению. Уничтожить его.

Лифт прошел двадцатый ярус.

Калев ждал, когда привычный лед покроет эту ситуацию. Ждал щелчка внутренней системы безопасности, отправляющей приказ о ликвидации Грэма.

Но щелчка не последовало.

Вместо него... Калев почувствовал что-то в груди. Что-то теплое, тяжелое и абсолютно неуместное.

Он вдруг, совершенно ясно, представил себе этого младшего брата. Представил запах государственной больничной палаты, где пахнет хлоркой и отчаянием. Представил звук аппарата искусственного дыхания. Он представил, как Грэм — лощеный кодировщик в дорогом пиджаке — стоит у постели своего сломанного брата и смотрит на пульсирующий экран монитора.

«Он разучился злиться. Он забыл, как бояться».

Эти слова эхом отразились в голове Калева. Внезапно он ощутил страх Грэма. Страх человека, осознавшего, что система, которой он служит, сожрала его семью.

В горле Калахана встал ком. Руки, идеально сухие и спокойные еще минуту назад, вдруг мелко задрожали.

— Мистер Калахан? — осторожно окликнул Фрост из динамика. — Служба безопасности ждет приказа на запуск протокола блокировки и передачи его полиции.

Калевб открьл рот, чтобы сказать: «Исполнять».

Это было единственно верное слово.

Но губы не повиновались. Впервые за пятнадцать лет алгоритм Калахана дал сбой. В его идеальном механизме принятия решений появилась побочная, не просчитанная переменная: сочувствие.

Жалость. Отвратительная, слабая жалость к человеку, предавшему компанию. К человеку, которому было больно.

Калевб попытался подавить это. Он заставил себя вспомнить графики доходности седьмого кластера. Он представил лица акционеров. Ничего не помогало. Перед глазами стоял образ сломанного брата Грэма в коме, и в груди Калеба невыносимо, до тошноты щемило.

«Что со мной не так?» — панически подумал он.

Это не было похоже на внезапное прозрение о жестокости корпоративного мира. Это ощущалось как чужеродный имплант. Словно кто-то взял его руку и силой положил на плечо плачущего Грэма.

Эмоция была искусственной, внедренной, но тело реагировало на неё как на настоящую. Сердце колотилось быстрее. Дыхание сбилось.

— Мистер Калахан? Вы на связи?

Лифт остановился на первом, представительском ярусе. Мягко разъехались бронированные створки, открывая вид на залитый светом, стерильный холл клиники Тернера.

Калевб вытер внезапно вспотевший лоб левой рукой. Ему

нужно было принять решение прямо сейчас. Сильный архитектор или сломанный человек?

— Фрост, — голос Калеба прозвучал хрипло. Он откашлялся, пытаясь вернуть стальную интонацию. — Фрост, отмените протокол блокировки.

В динамике повисла тишина, гораздо более плотная, чем раньше. Фрост не верил своим ушам.

— Отменить?

— Да. Изымите у Грэма носитель. Уничтожьте данные алгоритма на его личном терминале. Но... не ломайте его.

Калевб зажмурился. Каждое слово давалось ему с мучительным, физическим сопротивлением. Слово было правильным по-человечески, но для него оно звучало как предательство самого себя.

— Переведите его в первый кластер. Разработка аналитики. Урежьте доступ к секретным данным до второго уровня, но сохраните страховку.

— Мистер Калахан... он пытался нас продать теньям. Если мы не накажем...

— Я СКАЗАЛ, ИСПОЛНЯТЬ! — рявкнул Калевб. Его голос сорвался, эхом отразившись от мраморных стен пустого холла.

Фрост поспешно и тихо ответил:

— Да, мистер Калахан. Приказ ясен. Исполняю.

Связь прервалась.

Калевб остался стоять в лифте. Двери уже начали закры-

ваться, когда он резко выбросил руку вперед. Чувствительный механизм отреагировал на препятствие, и створки с шипением разъехались вновь.

Он сделал шаг в пустой коридор. Ноги казались ватными.

Калёб Калахан только что совершил самую нерентабельную, самую слабую и самую эмоциональную ошибку в своей карьере. Он пощадил предателя, потому что ему стало его *жалко*.

«Это был не я», — билась в голове отчаянная мысль.

Он тяжело оперся о полированную стену. Дыхание сбилось. *Что это было? Нервный срыв? Затяжная реакция на электромагнитное поле сканера Тернера?*

Его блестящий, математический мозг лихорадочно искал логичное объяснение. Люди не меняют базовые векторы принятия решений за тридцать секунд в лифте. Это противоречило физиологии.

«*Стресс перестраивает предпочтения*», — вспомнил он ележный голос врача.

Нет. Стресс заставляет срываться на подчиненных. Он не вливает в ледяные вены яд изматывающей, неуместной жалости. То, что сейчас овладевало им, ощущалось... искусственным. Будто неизвестная инфекция просочилась сквозь его внутренние фаерволы, делая его слабым.

И эта слабость побеждала.

Калёб медленно опустился на каменную скамью в пустом холле, закрыв лицо дрожащими руками. Идеально выбритый

человек в дорогом костюме впервые за пятнадцать лет почувствовал, что готов заплакать от совершенно чужого горя. И он понятия не имел, как извлечь эту заразу из своей головы.

Машина Калеба Калахана скользила по эстакаде, спускаясь с верхних ярусов Оукхейвена.

Это был не бронированный корпоративный лимузин синдиката с водителем Рамоном. Калев вел сам. Старый, тяжелый внедорожник матово-черного цвета с тонированными в ноль стеклами и поддельными регистрационными кодами. Идеальная машина для того, чтобы стать невидимкой.

В салоне было тихо. Только мерное гудение электромотора и редкие удары капель по лобовому стеклу.

Чем ниже он спускался, тем сильнее менялся мир за окном. Стерильный белый свет корпоративных башен уступал место ядовитому, пульсирующему неону. Ровные проспекты сменялись перепутанными артериями подвесных дорог, опутанными кабелями и ржавыми трубами.

Калев физически ощущал переход границы. Воздух в фильтрах машины становился тяжелее, насыщеннее запахами дизеля и сырости портовых доков.

Они въезжали в зону, которую элита предпочитала не замечать на своих идеальных картах. В зону, где легальной нейрохирургии больше не существовало.

Терминал на приборной панели тихо пискнул. Входящий защищенный канал, пропущенный через дюжину зеркаль-

ных серверов.

— Говори, — коротко сказал Калев.

Голос на том конце был искажен синтезатором до неузнаваемости. Не мужчина и не женщина. Просто металлический скрежет.

— Мистер Смит, — голос подчеркнул очевидную фальшивость имени. — Мои люди проверили ваш запрос. Вы ищете редкую услугу. Большинство мясников на нижних ярусах умеют только резать порты и заливать дешевый эфир. Вам нужен не резчик. Вам нужен чистильщик.

— И вы его нашли?

— Я нашел того, кто называет себя Док. Он не работает на картели и не берет корпоративных пациентов. Он сидит в самой заднице Баржи и чистит тех, чьи мозги сожгли экспериментальным железом. Говорят, он может найти в нейросетях то, что не видит даже легальный сканер.

Калев чуть сильнее сжал руль.

«То, что не видит легальный сканер». Это было именно то, что ему нужно.

— Док? Звучит дешево.

— На Барже никому не нужны дипломы, мистер Смит. Там нужны результаты. Его результаты впечатляют. Он не задает вопросов, если вы готовы платить наличной синтетикой и не привлекать легавых.

— Где он?

Металлический смешок царапнул слух.

— Третий причал. Старый рыбный рынок, подвал за вывеской «Аква». Но предупреждаю: туда не суются на чистых машинах. И там не любят тех, от кого пахнет Верхним городом.

— Я справлюсь, — голос Калеба был холоднее льда. — Координаты скинь на этот терминал. Канал закрыт.

Связь оборвалась.

Калев свернул на узкий технический съезд. Впереди замаячили массивные, ржавые контуры Баржи — гигантского плавучего гетто, пришипленного к сваям под транспортной эстакадой.

Он остановил внедорожник под мостом, в глубокой тени массивной бетонной опоры, подальше от тусклых фонарей.

Двигатель бесшумно отключился.

Калев сидел в темноте салона, прислушиваясь к монотонному барабану дождя по крыше.

Он собирался сделать то, что разрушило бы репутацию любого СЕО в Верхнем городе. Он добровольно шел к уличным мясникам, чтобы они вскрыли его голову без сертифицированного оборудования, стерильности и гарантий.

В любой другой день эта мысль показалась бы ему безумием. Он бы скорее уволил службу безопасности, чем доверил свой мозг грязным портам Ила.

Но сегодня...

Он закрыл глаза, и перед ним снова встало лицо Грэма, бледное от ужаса. Лицо человека, потерявшего брата. И та

отвратительная, теплая волна сочувствия, которая заставила Калеба пощадить предателя.

Эта волна была не его.

Этот вирус, эта программная инфекция ломала его изнутри, превращая в того, кого он презирал больше всего — в слабого человека. В человека, который позволяет эмоциям управлять решениями.

Ради спасения своей империи, ради возвращения контроля над собственным холодным рассудком, Калев готов был на любые риски. Пусть уличный резчик вскрыет ему череп грязным скальпелем, лишь бы он выжег оттуда ту заразу, что заставляет его чувствовать чужую боль.

«Уничтожить баг. Любой ценой».

Калев открыл глаза. Математическая ясность вернулась к нему, кристаллизовав страх в холодную решимость.

Он потянулся к заднему сиденью и достал простой, но тяжелый армейский плащ без опознавательных знаков. Накинул его поверх своего дорогого, безупречного костюма, тщательно скрывая корпоративную принадлежность.

Затем достал из бардачка компактный парализатор. Проверил заряд и убрал во внутренний карман, поближе к руке.

Маскировка была примитивной, но достаточной, чтобы не привлекать немедленного внимания в темноте Третьего причала. По крайней мере, он надеялся на это.

Калев толкнул дверь машины и шагнул под непрекращающийся серый дождь Ила.

Сырость мгновенно просочилась сквозь ткань, запахи гниющей воды и хлорки ударили в ноздри.

Безупречный мир Калеба Калахана остался за запертой дверцей бронированного внедорожника. Впереди лежал хаос Баржи и отчаянная надежда вернуть контроль над собственной жизнью.

Он надвинул капюшон глубже на глаза и, стараясь не привлекать внимания к своей грации хищника, направился в лабиринт ржавых контейнеров в поисках вывески «Аква».

В это же самое время, с другой стороны Баржи, двое следователей спускались по лестнице, преследуя те же самые запахи и ту же самую цель.

Теперь идеального СЕО Верхнего города и бывшего копа из отдела нравов разделяли только пролет ржавой лестницы, лабиринт из грузовых контейнеров и одна залитая дождем вывеска «Аква».

Глава 15. Подполье

Спускаться на Баржу снова, особенно сейчас, когда по ее следу шли люди Торна, было рискованно. Элара Вэнс знала это так же четко, как то, что вода, капающая с потолка в ее снах, не принадлежала ей.

Густой, пропитанный солью и фабричными выбросами туман висел над бетонными пандусами третьего уровня. Вывеска «Аква» мигала тем же неровным, большим неоновым светом. Элара прошла мимо толстых резиновых матов, брошенных у входа для изоляции от статического электричества, и приложила ладонь к кустарному био-сканеру у тяжелой металлической двери.

Сканер пискнул, узнав ее цифровой след с прошлого визита. Магнитные задвижки щелкнули.

Внутри пахло озоном, горячей электроникой и легкой примесью тяжелого химического эфира. Аппаратная Мигеля гудела мерным шумом серверов, больше напоминая армейский бункер связи, чем нелегальную клинику.

За стойкой из пуленепробиваемого пластика сидела Мария. Лицо у нее было еще более изможденным, чем вчера. Под глазами залегли глубокие тени.

— Ты с ума сошла? — вместо приветствия тихо спросила медик-ассистентка, даже не потянувшись к кнопке тревоги. — Мигель сказал тебе не возвращаться.

— Мне нужен глубокий скан, Мария. Полный лог. До самого дна, — Элара остановилась у стойки, не снимая капюшон влажной куртки. — То, что он сделал вчера... этого недостаточно. Он прошел только первый слой.

— Вчера ты принесла ему черный эфир, из-за которого нас могут расстрелять без суда. А сегодня ты просишь полный лог. Ты понимаешь, что он сбрасывает кэш корпоративным клеркам, а не работает с... — Мария не договорила, бросив нервный взгляд на тяжелую гермодверь в конце зала.

— С чем? — Элара наклонилась чуть ближе.

— С архитектурой, Элара. Мигель всю ночь сидел с бутылкой дешевого пойла и смотрел в стену. Он сказал, что в твоей голове не просто пакеты. Там кто-то оставил свою подпись. Целую строительную площадку.

Элара почувствовала, как по спине пробежал холодок. Значит, Мигель разглядел тяжелый корпоративный почерк. И, возможно, он разглядел еще кое-что — те 143 пакета, которые вплела в нее сама корпорация.

— Тогда он тем более должен меня выслушать, — жестко сказала Элара. — Мария, пусти.

Ассистентка колебалась ровно секунду, затем нажала на панель под столом. Гермодверь с шипением отъехала в сторону.

Мигель сидел за голографическими мониторами, словно не вставал с того самого момента, как Элара ушла. Военная ванна для глубокого нейро-погружения в центре комна-

ты была пуста, но датчики мигали зеленым светом — аппарат был прогрет.

Подпольный хирург не обернулся. Его пальцы нервно перебирали какой-то длинный металлический инструмент на столе, хотя резать он никого не собирался.

— Я сказал Марии никого не впускать, — голос Мигеля был надтреснутым, глухим. В нем слышалась бесконечная, тяжелая усталость.

— И ты знаешь, что я не «кто-то», — Элара остановилась в двух шагах от его спины. — Мигель. Мне нужен настоящий, глубокий скан.

Он резко, почти инстинктивно развернулся. Его лицо выглядело так, будто кто-то выкачал из него все жизненные силы за одну ночь.

— Ты просишь не скан, Элара. Ты просишь вскрытие, — Мигель посмотрел ей прямо в глаза. — Знаешь, почему я вчера остановился на втором слое? Потому что мой контур защиты начал выть. В твоей голове не просто чужие двери. Там зацикленные петли обратной связи.

— Это работа ведущего архитектора корпорации. Я знаю этот почерк. Так структурировали элитные блоки еще в Академии... — Элара сглотнула.

— Я в рот ебал, чей это почерк! — Мигель ударил ладонью по столу так, что стилет со звоном подлетел на алюминиевом подносе. Хриплый голос хирурга сорвался на рык. — Там не один умник потоптался. Там целая... сука, долба-

ная корпоративная матрица. Стандартные пакеты, вшитые на глубину, на которой от них должно было разорвать череп. Это не кустарщина, Вэнс! Это масштабный системный протокол. Если я полезу глубже, я рискую нарваться на активную защиту системы безопасности «Мемо-Синтез» и спалить к хуям себе тут все сервера! Вместе с твоими мозгами!

Элара молчала. Он подтвердил ее худшие опасения: аварийный протокол (стр. 38, п. 14) был вшит в нее так же глубоко, как и в Калеба. Система обновляла ее без ее ведома. Но это было не все.

Она должна была знать, *что именно* она сделала с собой.

— Я не смогу сделать это сама, — тихо, но твердо произнесла Элара. — Чтобы увидеть картину целиком, нужно выйти из лабиринта. Наблюдатель меняет систему, Мигель. Ты знаешь это эмпирическое правило Архитекторов. Я не могу просканировать свой собственный разум объективно. Это сделаешь ты.

Мигель мрачно усмехнулся, глядя на пустую ванну.

— Ты была лучшей в своем деле, мать твою. Когда ты свалилась сюда, в Ил, три года назад — полумертвая, с кровоточащим портом после самопального отключения... я думал, ты не выживешь. А ты выжила. И стала лучшим чистильщиком на Барже. Если кто-то и мог переписать себя, а потом чисто затереть за собой логи — это ты.

— Я не стирала следы. Я стирала *свою память* об этом. И мне нужно знать сколько раз, Мигель. Сделай это. Как тогда,

когда вытащил меня.

Эти слова повисли в густом, пахнущем хлоркой воздухе тяжелым свинцовым грузом. Мигель смотрел на нее широко открытыми глазами, словно видел впервые.

— Ты ебанутая, Вэнс, — наконец выдохнул он, качая головой. — Ты не человек. Ты... долбаный ходячий архив. Ты вообще понимаешь, о чем просишь? Ты сама себя резала и штопала? Раз за разом?

— Я должна понимать масштаб. Я должна знать, где заканчиваюсь я и начинается монтаж.

Она достала из сумки еще два небольших свинцовых контейнера. Внутри тяжело перекачивался контрабандный черный эфир. Положила их на стол рядом со стилетом хирурга.

Мигель смотрел на контейнеры как на ядовитых змей, замороженный и испуганный одновременно. С таким запасом боевого высококонцентрированного нейро-состава он мог бы обеспечить себе безбедную жизнь в средних ярусах.

— Если я запущу полный скан... — медленно начал Мигель, не отрывая взгляда от свинцовых капсул. — До самого базального слоя... Это может занять часы. И ты почувствуешь каждое вскрытие узелка памяти. Каждую сшитую заново привычку. Это как срывать бинты вместе с кожей изнутри черепа.

— Я выдержу.

Мигель тяжело, обреченно выдохнул. Он взял со стола грязное полотенце и вытер лицо. Опытный техник, прячу-

щийся от системы, собирался бросить вызов самой сложной архитектуре в своей жизни.

— Раздевайся, — хрипло бросил он, поворачиваясь к мониторам. — И ложись в ванну. Я введу тебе полуторную дозу эфира. И, Элара...

Он замер, пальцы уже бегали по голографической клавиатуре, настраивая калибровку старых армейских датчиков.

— Если система «Мемо-Синтез» ударит в ответ... — он на секунду закрыл глаза. — Я выдерну ебанный штекер из твоего порта. Не задумываясь. Даже если это сожжет тебе синапсы к чертовой матери. Я не дам спалить Баржу из-за твоих секретов. Поняла?

— Договорились, — Элара начала стягивать мокрую куртку.

— Мария! — рявкнул Мигель в интерком. Гермодверь мгновенно отъехала, и ассистентка вбежала в аппаратную, бледная как полотно. — Следи за физической телеметрией. Пульс, давление, насыщение кислородом. Если сердце начнет вставать — бей прямым адреналином в мышцу, не жди моей команды.

Мария молча кивнула, занимая место у второго пульта. Ее руки заметно дрожали, когда она начала готовить шприц-инъекторы аппарата жизнеобеспечения.

Через пять минут она уже лежала в тяжелой, плотной воде, чья температура идеально совпадала с температурой ее тела. Вода пахла антисептиком и металлом.

К левому запястью прижался холодный, жесткий адаптер. Раздался тихий, почти костяной щелчок — Мигель подключился к ее порту.

— Ввожу черный эфир, — раздался голос сверху, искаженный акустикой аппаратной. — Начинаю погружение на третий уровень и ниже.

Элара закрыла глаза.

Сначала был холод у левого предплечья. Затем он растекся по руке ледяными иглами, проникая в центральную нервную систему. Черный эфир — это не легкое облако фабричного релаксанта. Это кислота, растворяющая границы твоего «я», чтобы пустить внутрь чужой свет фонаря.

Ее разум распахнулся.

— Господи, Вэнс... — донесся до нее искаженный шепот Мигеля. — Что ты с собой наделала?

Перед внутренним взором Элара вспыхнули вспышки статики.

Пакет. Еще пакет. Десяток пакетов.

Потом слом. Остановка. Архитектурный узел. Идеальная петля — против часовой стрелки. Знакомый почерк ведущего инженера Академии.

— Иду глубже, — голос Мигеля дрожал.

Давление в голове усилилось, словно кто-то сжимал череп в тисках. Вспыхнул яркий белый свет, разрывая статику.

И тогда начался настоящий скан. Слой за слоем, Мигель вскрывал ее собственную работу.

Элара увидела себя со стороны. Девушка у зеркала, стирающая память о первом убитом ею когнитивно человеке. Вжик — кусок кода удален. Белая вспышка — вставлена привычка пить чай без сахара вместо истерики.

Еще глубже.

Вспышка. Она стирает лицо своей матери, потому что боль утраты мешает концентрации при работе с «Мемо-Синтез». Белая вспышка — вставлено чувство равнодушного покоя при виде старых фотографий.

Еще. Еще. Еще.

— Элара... — Мигель уже не говорил, он стонал у пульта, вцепившись пальцами в волосы. — Сука... Система... она переплетена с твоим кодом. Я не могу отделить твои вмешательства от фабричных. Тут тысячи... тысячи швов! Твою мать, ты вся состоишь из этих швов!

Ванна начала тихо гудеть. Вода пульсировала в такт бесшумным ударам ее сердца. Элара видела бесконечный коридор из стеклянных стен, построенных ею самой. Она была и пленницей, и главным инженером своей тюрьмы.

— Пульс двести двадцать! — голос Марии прорвался сквозь шум системы, сорвавшись на визг. — Мигель, у нее мотор сейчас взорвется! Я ввожу адрено-блокатор!

— Сколько? — попыталась крикнуть Элара сквозь статику, но ее физическое тело лишь едва шевельнуло губами в ванне.

Мысленно голос Мигеля разорвал пространство, словно

набат:

— Две тысячи восемьсот сорок семь!

Цифра ударила ее, как физический удар в грудь.

2 847 модификаций. За двенадцать лет. Тысячи стертых мгновений, перешитых эмоций, чужих мыслей и искусственных якорей. От нее, от настоящей Эллары Вэнс, которая когда-то жила без порта, почти ничего не осталось. Лоскутное одеяло из совершенных алгоритмов выживания.

— Вытягиваю... вытягиваю! — закричал Мигель.

Интерфейс Мигеля мигнул красным. Погружение наткнулось на последний, самый глубокий защитный контур. Тот самый, в который никто и никогда не должен был заглядывать.

Там, в крошечной пустоте 14-го слоя базальной памяти, висел один-единственный изолированный файл. Защищенный зеркальным щитом, который не мог построить никто, кроме нее самой. И одновременно запечатанный идеальной кодовой петлей старшего корпоративного архитектора. Слияние двух мастеров.

Вода начала капать с потолка.

Кап... Кап...

Музыка заиграла на фоне. Тихая, забытая, но звук плыл и искажался, словно с зажеванной магнитной ленты.

«...Спи, мой ма-а...льчик, ночь т-т-темна...

В не-е-ебе... пл-лавает луна...»

Ошибки не было. Знаменитая забытая ею третья строчка

колыбельной никогда не была стерта. Она была похоронена заживо в этом файле, искаженная системными помехами.

Файл назывался «Монтаж_0.exe».

И в долю секунды до того, как Мигель вырвал штекер из ее порта под вопли горящих предохранителей, Элара успела прочитать всего одну строчку из этого запечатанного кода.

"Идентификация объекта: Томас."

Ее выбросило в реальность так резко, что вода в ванне пошла волнами, плеснув через край на бетонный пол.

Элара содрогнулась в жестоком приступе кашля, судорожно хватая ртом тяжелый, пахнувший озоном воздух. Порт на запястье обжигал льдом, отдавая пульсирующей болью в висках.

Мария плакала навзрыд, вцепившись в край ванны. Ее белый халат промок насквозь от выплеснувшейся воды. Она только что вколола Эларе лошадиную дозу стабилизатора и теперь судорожно стирала пену с ее губ.

— Твою мать... твою мать, Вэнс! Пиздец! — Мигель стоял над ней, его руки тряслись. В воздухе витал запах оплавленного пластика. Один из серверов задымился, искрясь в темноте. — Ты видела? Видела, сколько там всего, мать твою?! Я еле вытащил тебя, когда мы коснулись дна! Система чуть не замкнула цепь обратной связи, она бы сожгла тебя! И Марию бы убило разрядом от ванны!

Элара медленно села в воде, не обращая внимания на суту бледного от ужаса хирурга.

Она обхватила голову дрожащими руками. Вода стекала по ее лицу, смешиваясь со слезами, которых она не чувствовала уже много лет.

2 847 модификаций.

Но самым страшным было не число.

Слова из базового файла пульсировали в ее поврежденной нейронной сети, как ядовитая неоновая вывеска.

"Идентификация объекта: Томас."

Томас. Томас из подвала. Забитый работяга, мужчина, которому она продавала дешевый эфир и шоколад. Клиент, чью личность вычистили у нее на глазах.

Он не был просто случайным клиентом. Но почему базовый файл всей ее архитектуры, запертый корпоративным инженером, назван его именем? И почему на этом имени лежат тысячи защитных слоев ее собственной работы?

Элара закрыла лицо мокрыми ладонями, и судорожный всхлип разорвал тишину гудящей аппаратной.

Она не понимала. На месте того, что скрывал этот файл, в ее голове зияла звенящая пустота. Но отголосок искаженной колыбельной, звучащий из глубины 14-го слоя, сворачивался внутри ледяным, первобытным ужасом.

Томас не был ошибкой системы. Томас не был просто ее работой.

И она должна была вспомнить, кем он был на самом деле, даже если для этого ей придется разрушить собственный искусственный разум до основания.

Мигель сидел перед выключенными мониторами, гипнотизируя взглядом грязное дно стакана. Дешевый химический скотч прожигал пищевод, но не мог заглушить пульсацию в висках.

Воздух в серверной до сих пор пах мокрой курткой Элары Вэнс и оплавленным пластиком.

Его руки слегка подрагивали. За пятнадцать лет работы в Иле, ковыряясь в чужих мозгах ржавым софтом, он думал, что видел все. Наркоманы, стирающие лица своих убитых детей, чтобы не сойти с ума. Проститутки с нижних уровней, закачивающие себе пакеты «Глубокой привязанности» к клиентам.

Но то, что он сейчас видел на самом дне ее разума... Эта архитектура пугала его до животного паралича. Система внутри Элары не просто жила своей жизнью. Она дышала.

«Идентификация объекта: Томас...»

Мигель налил себе еще полстакана.

Звук шагов снаружи и приглушенный вскрик Марии разорвали тишину так резко, что Мигель едва не выронил бутылку. Это не было шарканьем наркоманов или шелестом портовых крыс. Это были тяжелые, размеренные, поставленные шаги людей, привыкших, что двери открываются перед ними сами.

«Торн», — первая, бьющая током мысль прошила мозг хирурга. Элара наследила. Она сказала, что за ней идут.

Он не успел дотянуться до кнопки экстренного сброса

серверов, когда магнитный замок гермодвери оглушительно хрустнул. Кто-то приложил к сенсору полицейский дешифратор — грубый, но эффективный. Дверь с шипением разошлась.

В проеме стояли двое. Тот, что повыше, в мокром дорогом пальто, смотрел на Мигеля с холодным, математическим интересом. Второй, коренастый, держал руку на рукояти табельного парализатора. За их спинами в приемной бледная Мария вжималась в стену, зажав рот ладонью.

Легавые. Не ищейки Торна. Легавые с верхних ярусов. Мигель с шумом выдохнул, кивком приказав Марии оставаться на месте. Расслабляться было рано.

— Закрыто, — хрипло произнес Мигель, не убирая руку со стакана. — Часы приема окончены. Идите лечить свои мигрени в «Мемо-Синтез».

Человек в пальто шагнул внутрь. Он не торопился. Его взгляд, цепкий и тяжелый, пробежался по потухшим серверам, остановился на пустой ванне для сканирования и, наконец, впился в лицо хирурга.

— Инспектор Рейн Дэвис, Интерпол, — его голос был обманчиво тихим. — А это детектив Миллер. И мы не за аспирином.

— Интерпол на Барже? — Мигель саркастично скривил губы, хотя сердце забило в горле. — Вы заблудились, инспектор. У нас тут максимум кража медных проводов и драки за порченный эфир. Дела мирового масштаба — этажом

выше.

— Вчера к тебе приходил человек, — проигнорировав выпад, сказал Рейн. Он остановился по другую сторону алюминиевого стола. — Лет тридцать пять. В лохмотьях. Мучился от тяжелого когнитивного диссонанса.

Мигель медленно отпил из стакана. Глаза Дэвиса были пугающе спокойными. За таким спокойствием всегда прятался заряженный пистолет.

— Сюда каждый день приходят люди в лохмотьях, инспектор, — голос Мигеля звучал глухо, но дерзко. — Это Третий причал. Они все мучаются.

— Его зовут Томас, — Рейн чуть наклонился вперед, опираясь костяшками пальцев о стол. — И он кричал о том, что у него в голове строят стеклянный собор.

Стакан в руке Мигеля дрогнул. Едва заметное, микроскопическое движение, но Рейн уловил его мгновенно. Хирург на секунду завис, словно услышал пароль к бомбе.

Томас.

Имя, которое пять минут назад чуть не спалило синапсы Эллары. Имя того самого базового файла в ее голове.

— Не припоминаю соборов, — Мигель быстро взял себя в руки, делая глоток. — Здесь только Ил.

— Не ври мне, мясник, — вмешался Миллер, делая шаг вперед. Его голос лязгнул металлом. — Пацан с четвертого пирса сказал, что Томас побежал к тебе. Вырезать архитектуру.

Мигель медленно поставил стакан. Его мозг лихорадочно сопоставлял факты. Элара прячется от людей Торна. Элара просит просканировать свое чертово дно, состоящее из тысяч слоев. Там всплывает имя "Томас". А теперь к нему вламывается Интерпол и утверждает, что этот самый Томас приходил к нему вчера.

Это была не просто случайность. Это был эпицентр ядерного взрыва, и Мигель стоял прямо на нем. Но он был с Нижних ярусов. И он умел держать покерфейс, когда ему приставляли нож к горлу.

— Послушайте меня, легавые, — процедил Мигель, глядя прямо в глаза Рейну. — У меня тут не благотворительный фонд. Если бы ко мне ввалился обдолбанный бродяга и начал нести херню про соборы в своей голове, я бы послал его в сточную канаву проспаться. Потому что глубокий срез — это дорого. У портовых крыс таких кредитов нет.

Рейн долго смотрел на него. Молча. Взгляд следователя проникал под кожу хирурга, как ледяной скальпель. Рейн внезапно втянул воздух носом.

— В комнате пахнет хлоркой. Озоном. И страхом, — тихо произнес инспектор. — А еще... перегретой кремниевой платой. Ты только что выдернул кого-то из сети в экстренном режиме.

Миллер мгновенно напрягся. Мигель не шевелился, но у него внутри все оборвалось. *Чертов ищейка.*

— Сервер полетел, — ровно ответил Мигель. — Перебои

с электричеством. Добро пожаловать на Баржу.

— Да? — Рейн обошел стол. Он подошел к пустой ванне для погружения. Медленно провел пальцем по влажному краю. Поднял руку. На кончике его пальца осталась густая, маслянистая капля.

— Вода теплая. 36 градусов. Твой пациент выскочил отсюда в панике пару минут назад, — Рейн растер каплю между пальцами и поднес к лицу. Глаза инспектора сузились. — Черный эфир. Концентрированный высокоуровневый реагент. Такое дерьмо в уличных клиниках не водятся. Выходит, у тебя на столе лежал не портовый наркоман, а Архитектор очень высокого звена. Кто это был? Вы уже сожгли его мозги, как сожгли Артура Пенна?

— Я не знаю никакого Пенна! — рявкнул Мигель, понимая, что его прижимают к стенке. — И никто отсюда не выскакивал! Я промывал систему!

Рейн повернулся к нему. Вся его холодная отстраненность исчезла. В глазах детектива полыхнула сдерживаемая ярость человека, который устал от корпоративной лжи.

— Ты не понимаешь, во что влез, — инспектор приблизился к хирургу вплотную. — Томас — это не случайный уличный торчок. И я ищу его не ради статистики. В Оукхейвене появился Архитектор, который не просто продает пакеты. Он перекраивает людей насмерть. Он вживляет им в головы целые лабиринты. Если Томас перешел ему дорогу, и если ты тронул Томаса... я лично закрою тебя, а твою бо-

годельню снесу бульдозером.

Мигель молчал, стиснув челюсти. *Архитектор, который оживляет лабиринты.* Рейн Дэвис описывал Элору. И этот коп искал Томаса — того самого человека, чье имя Элора не помнила до сегодняшнего дня, но которое было заперто на самом дне ее разума под тысячами слоев защиты.

Круг замкнулся.

Мигель понял, что если он произнесет имя Вэнс, Рейн убьет ее. Затаскает по допросам. Копы не разбираются, кто жертва, а кто палач в нейронной матрице. А Элора, с ее двумя тысячами правок... она была и тем, и другим.

— У вас нет ордера, инспектор, — хрипло, но непреклонно сказал Мигель. Он расправил плечи, показывая, что не сломается. — И у вас нет ни хрена, кроме паранойи и тепленькой воды в корыте.

Миллер дернулся, рука легла на парализатор.

— Ах ты ублюдок...

— Стой, — Рейн остановил напарника жестом, не отрывая взгляда от хирурга. Инспектор чуть прищурился. Он что-то читал по лицу Мигеля. Какую-то микроэмоцию, которую хирург не смог скрыть.

— Ты боишься, — тихо, очень тихо констатировал Рейн. — Не нас. Кого-то другого. Ты покрываешь не Томаса.

Мигель с трудом проглотил сухой комок в горле. *Блядский Шерлок Холмс.*

— Ты покрываешь того, кто был в этой ванне до нас,

— Рейн сделал шаг назад, восстанавливая холодную дистанцию. — Архитектора. Ты знаешь, кто это делает.

— Идите в задницу, инспектор, — Мигель взял свой стакан. Рука больше не дрожала. — Выметайтесь из моей клиники, пока я не вызвал местный патруль за незаконное проникновение.

Рейн усмехнулся. Мрачно и холодно.

— Мы уйдем, доктор. Но ты только что подписал себе приговор. Потому что если этот Архитектор доберется до тебя раньше нас... ты даже не вспомнишь, как тебя звали.

Рейн кивнул Миллеру. Они развернулись и пошли к выходу. У самых дверей инспектор остановился, окинул взглядом дрожащую в углу приемной Марию, и бросил через плечо:

— Если Томас еще жив — найди способ сообщить мне. Потому что он — твоя единственная страховка.

Гермодверь с шипением задвинулась, отрезав Мигеля от внешнего мира и оставив Марию снаружи.

Хирург Нижних ярусов остался один в гудящей аппаратной комнате. Он посмотрел на выключенный сервер. На лужу воды.

Потом достал портативный терминал и стер все сегодняшние логи из системы. До единого. Элара была права. Система была огромной. И теперь в нее вошел Интерпол.

Но страшнее было другое. Люди Торна, Интерпол и этот проклятый файл «Томас» в голове Элара... Все три линии, весь этот ядерный заряд, медленно и неотвратимо стягива-

лись в одну точку. Сюда. На Баржу.

Дождь на Барже не падал с неба. Он сочился сквозь трещины в бетоне верхних уровней, отравленный выбросами фильтрационных систем Оукхейвена, и скатывался вниз по ржавым балкам, как машинное масло по старым шестеренкам.

Элара бежала.

Она не помнила, как выскочила из клиники Мигеля, проигнорировав окрик Марии. Не помнила, как миновала блокпост местных банд на перекрестке четвертого пирса. Ее тело, выдрессированное тысячами часов нейронной паранойи, само находило слепые зоны от камер и скользило в самых глубоких тенях Ила.

Но от собственного разума убежать было невозможно.

Порт на запястье обжигал льдом, словно Мигель вогнал в него настоящий, физический гвоздь, а не штекер сканера. Каждый шаг отдавался пульсирующей болью в висках.

Две тысячи восемьсот сорок семь.

Цифра била по нервам. Тысячи раз она ложилась в ванну. Тысячи раз брала в руки скальпель из программного кода и вырезала из себя куски жизни так же методично, как мясник разделывает тушу. Она стерла свою эмпатию, свою боль, свой страх. Оставила только профессиональный инстинкт Архитектора. Идеальную машину для монтажа чужих душ.

Но зачем?

Элара вжалась спиной в холодную, покрытую скользким

мхом металлическую стену грузового контейнера. Ее грудь тяжело вздымалась. Вода стекала по бледному лицу.

Ответ лежал там, на дне. За зеркальным щитом 14-го слоя, в запечатанном файле «Монтаж_0.exe». Файле, который Маркус Доул запер так крепко, словно в нем таилась взрывчатка, способная разнести весь Оукхейвен.

«Идентификация объекта: Томас.»

Имя эхом разносилось в звенящей пустоте ее памяти. Томас из подвала. Забитый системный рабочий с дрожащими руками, который отдавал последние кредиты за дешевый эфир и кубики соевого шоколада. Человек, чьи воспоминания о жене она выжигала, хладнокровно глядя в монитор.

Ни в одном учебнике нейро-хирургии не было описано чувство, которое Элара испытывала сейчас. Это был не страх. Это был абсолютный, леденящий ужас перед пустотой внутри собственной головы. Почему этот сломанный, уничтоженный системой человек стал фундаментом ее архитектуры? Что такого страшного связывало ее с портовой работягой, что она позволила изувечить свой собственный разум?

Элара опустила глаза на свои руки. Пальцы мелко, неконтролируемо дрожали.

Внезапно в конце длинного, тускло освещенного коридора из железных прутьев показались две фигуры.

Элара замерла, сливаясь с темнотой. Сердце пропустило удар.

Люди Торна?

Она знала, что старик ищет ее. Знала, что после того, как она отказалась "лечить" его страх смерти и выкрала данные Калеба, за ее голову назначена цена.

Но фигуры двигались иначе. В Барже так не ходили. Ни портовые выживальщики, ни даже наемники Калахана не вышагивали с такой прямой спиной, так четко и уверенно чеканя шаг по мокрым решеткам.

Тот, что повыше, был в дорогом, идеального кроя темном пальто. Полы пальто нелепо контрастировали с ржавой грязью Нижних ярусов. Второй, коренастый, держал руку у бедра — там, где обычно висит табельный парализатор полицейского образца.

Следователь и его цепной пес.

Элара наблюдала, затаив дыхание, как двое мужчин целеустремленно направляются к мигающей вывеске клиники «Аква». В ту самую дверь, из которой она выбежала несколько минут назад.

Ее разум, несмотря на шок, мгновенно переключился в режим аналитики Архитектора. Легавые с верхних ярусов не спускаются в Ил просто так. Они ищут не подпольное казино. И не Мигеля — его крышуют местные.

Если в Оукхейвене кто-то из силовиков поднимает архивы и спускается на дно... Значит, произошел сбой, который невозможно скрыть стандартной отпиской «Мемо-Синтез».

Или они нашли одного из ее клиентов.

Элара вспомнила свою идеальную работу. Ни одного следа. Ни одного бага. За исключением одного единственного человека, который сидел в подвале, обхватив голову руками, и молил вернуть ему забытую мелодию смеха.

Томас.

Если Интерпол ищет Томаса, а Томас — это зашифрованный файл в корневой папке ее собственного разума, значит, цепная реакция уже запущена.

У Торна были ресурсы и деньги, но у легавых был доступ к серверам корпорации. Элара стояла в узком переулке Баржи, понимая, что петля стягивается со всех сторон.

Она не может вернуться домой. Не может остаться здесь. Она — ходячий архив с тысячами чужих и своих шрамов, на который теперь открыта настоящая охота.

Элара оттолкнулась от ледяной стены. Искаженная колыбельная из файла «Монтаж_0» все еще тихо, словно битое стекло, скреблась в ее висках:

«В не-е-ебе... пл-лаваает луна...»

Она должна найти Томаса первой. Прежде чем это сделают легавые в дорогих пальто, и прежде чем до него доберутся мясники Торна. Потому что только этот сломанный человек мог рассказать ей, кем Элара Вэнс была до того, как убила саму себя 2 847 раз.

Накинув капюшон так глубоко, что на лицо упала глухая тень, Элара растворилась в лабиринте Баржи, навстречу бесконечному дождю.

Глава 16. Скан

Калёб Калахан стоял перед ржавой металлической дверью. Неоновая вывеска «Аква» над ней не мигала. Она была выключена, а из узкой щели в стене, где раньше находились провода питания, торчал оплавленный чёрный пластик.

Запахи Третьего причала — гниющая рыба, мазут и сырость — пропитывали его армейский плащ, добираясь до дорогой костюмной ткани. Калёб чувствовал, как влажная испарина Ила оседает на коже.

Он потянулся к ручке двери. Она была горячей. Магнитный замок был не просто сломан — его выжгли чем-то с температурой плавки стали.

Полицейский дешифратор класса "А". Математически точно отметил мозг Калёба. Уличная шпана таким не пользуется.

Он с силой толкнул неподатливый металл и шагнул внутрь.

В клинике царил хаос. Аварийный красный свет выхватывал из темноты перевернутые медицинские лотки. На алюминиевом столе валялись окровавленные куски синтетической марли. В воздухе стояла густая смесь запахов озона, сожженного железа и... человеческого пота. Остро, кислого пота животного страха.

Из-за стойки приемной медленно, держась за пластико-

вую столешницу, поднялась девушка. Мария. Ее лицо было серым от пережитого ужаса, по щекам размазаны слезы. Увидев высокую фигуру Калеба, она попятилась, дрожа всем телом.

— Уходите... — едва слышно выдавила она. — Полиция всё разгромила. Здесь больше никого не принимают. Уходите.

Но Кaleb даже не посмотрел на нее. Он шагнул дальше, вглубь аппаратной. Где-то в темноте подвала в абсолютной тишине методично капала вода.

Внезапно из темноты угла, из-за потухшей стойки серверов, метнулась тень.

Кaleb не успел даже дернуться, как холодный ствол курстарно собранного импульсника уперся ему точно под челюсть.

— Она сказала тебе уходить. Руки. Медленно. Пальцы растопырь, чтобы я их видел, — голос звучал хрипло, сорванно. Он не угрожал. Он обещал выстрелить при малейшем колебании.

Кaleb медленно поднял руки, разводя ладони.

Из тени шагнул человек. Мигель. Его вид был далек от карикатурного подпольного врача. Потрепанная футболка прилипла к телу. На лице блестела испарина. Зрачки были расширены, а рука с оружием мелко дрожала — признак не трусости, а колоссального выброса адреналина, который всё еще бушевал в крови.

Легавые ушли недавно. Мигель был похож на крысу, загнанную в угол, которой уже нечего терять. И такие крысы стреляли первыми.

— Вывеска погасла, замок выжжен. Ты тупой или слепой? — прошипел Мигель, вдавливая ствол в горло Калеба. — Иди на хрен отсюда. Прямо сейчас.

— Мне сказали, что здесь работает хирург. Док, — голос Калеба в ответ на физическую угрозу стал ледяным, безупречно ровным. Он не пытался вырваться.

Мигель дернул щекой, словно от тика. Тон гостя — холодный, без малейшей примеси страха — сбивал с толку.

— Док сдох. Сервера сгорели, — зло выплюнул хирург. Он окинул взглядом высокую фигуру. Безошибочный инстинкт выживальщика Баржи кольнул Мигеля. Дорогой плащ, идеальная стрижка, руки, не знающие мозолей. — Ты воняешь Верхним городом, ублюдок. Что легавым, сука, еще от меня нужно?! Вы перевернули всё 20 минут назад! У меня нет логов на Томаса! Нету!

Легавые. Томас.

Мозг Калеба моментально зафиксировал информацию, сортируя переменные. Паника мясника была подлинной.

— Я не полиция, — коротко сказал Калахан. — И меня не волнует твой Томас. Мне нужен глубокий нейронный скан.

Мигель издал короткий, лающий смешок.

— Скан? Ты охренел? Сюда только что вламывался Интерпол! Они выпотрошили мои системы! У меня вон, — он

дернул головой в сторону угла, не убирая ствол, — ванна не работает, половина протоколов сброшена вручную. Вали к своим корпоративным педиатрам в белых халатах!

— Мой врач в "Сингулярити Мед" не помог, — произнес Калев.

Нота, скользнувшая в голосе могущественного СЕО, заставила Мигеля замереть. За ледяной стеной корпоративного контроля прорвалось отчаяние. Глухое, загнанное в угол. Такое же, как у самого Мигеля сейчас.

— Убери ствол, Док. У тебя дрожат руки. Ты дернешь спуск и зальешь кровью остатки своей клиники, — медленно, гипнотически продолжил Калев. — Я пришел не за твоими секретами. Я пришел за своими.

Калев очень медленно, чтобы не спровоцировать выстрел, опустил правую руку во внутренний карман. Мигель напрягся, его палец побелел на спусковом крючке, но он почему-то не выстрелил. Воля прищельца подавляла его истерику.

Калахан достал черный матовый чип и бросил его на окровавленный алюминиевый стол.

— Сто тысяч безналичной синтетики, — сказал Калев. — Этого хватит, чтобы собрать новую клинику. В другом ярусе. Где угодно. Если ты выслушаешь мой симптом.

Мигель перевел взгляд со стола на чип. Потом снова на лицо Калеба. Сто тысяч. За эти деньги на Барже можно было купить десяток человеческих жизней. Он медленно опустил ствол, не ставя его, впрочем, на предохранитель.

— Говори. Быстро.

Калев сделал медленный выдох. Стерильный, корпоративный Калев Калахан никогда бы не произнес этих слов перед уличным хирургом. Но "новый" Калев, зараженный сочувствием и страхом, отчаянно цеплялся за соломинку.

— Мой врач сканировал меня на разрыв синапсов. На грубую установку левых пакетов, — Калев не сводил глаз с Мигеля. — Он идиот. Он ищет травму. А тот, кто залез мне в голову... он не ломает. Он переписывает. Он внедряет привычки, которые моя система принимает за органическую эволюцию. Я меняюсь, Док. Я чувствую то, чего не должен. Эта мразь переписывает мой фундамент. Я хочу, чтобы ты нашел эту архитектуру и вырезал ее.

Мигель попятился.

Слова пришельца падали тяжело, как свинцовые пули. *«Он внедряет привычки»*. *«Переписывает фундамент»*.

Дыхание хирурга сбилось. Окружающая реальность вдруг начала плыть. Чуть меньше часа назад, на этом же самом столе, он сканировал девушку. Он видел **две тысячи восемьсот сорок семь** таких изменений. Спрятанных глубоко под коркой, замаскированных под привычки, невидимых для обычных сканеров. Идеальный, леденящий душу монтаж. Архитектор, за которым прямо сейчас гнался Интерпол, полиция и хрен знает кто еще.

И вот последствия. Эпицентр дерьма, в которое он вляпался, только что постучался к нему в дверь.

— Твою мать... — Мигель опустил импульсник. Бросил его на лоток с инструментами. Оружие здесь было бесполезно. Перед ним стояла не угроза. Перед ним стоял результат. Он посмотрел на ассистентку в приемной. — Мария, закрой дверь. Как сможешь. На засов, на цепь, мне плевать.

Мария, всхлипнув, бросилась к входу выполнять приказ хирурга. Мигель повернулся обратно к Калебу.

— Как тебя зовут?

Кaleb едва заметно поморщился.

— Смит.

— Хреновый псевдоним, Корпорат. Если я положу тебя под скан, моя система все равно выдернет твой ID. Ни один уличный код не обойдет корпоративный нейро-блок за две минуты, — Мигель уперся руками в стол, переводя дыхание. Его трясло. Ситуация выходила из-под контроля с каждой секундой. До этого в кресле была Элара, скрывающая себя. Теперь — жертва её (или чьей-то еще) работы. — Если я считаю твою цифровую кровь, и она окажется "белой костью"... ты понимаешь, что я буду нести ответственность за твой разобранный мозг? Если ты сдохнешь у меня на столе, меня найдут и пустят на фарш.

— Ты уже труп, Док, — жестко отрезал Кaleb. — У тебя выжжена дверь. За тобой приходил Интерпол. Искал какого-то Томаса. Ты сейчас в таком дерьме, что тебе нечего терять. Бери чип. И ищи баг в моей голове.

Мигель закрыл глаза. В висках стучала кровь. Этот лоще-

ный кусок льда был прав. "Аква" разрушена. Жизнь на Барже закончена. Скрыться стоит денег, а сто тысяч синтетики — это чертовски хороший билет в нормальную жизнь. Куда-нибудь на Острова Падальщиков, где можно просто затеряться.

Но ложить корпоративного шишку, у которого в мозгах ковырялся Архитектор уровня "Бог", под кустарный скан... это было похоже на обезвреживание ядерной бомбы кухонным ножом.

Мигель открыл глаза. Подошел к наполовину работающей стойке серверов.

— Окей, "Смит", — резко сказал хирург, ударив по панели включения. — За эти деньги — хоть в преисподнюю. Раздевайся. Ложись в ванну. Я запущу резервный синий шлейф. Предупреждаю один раз: если я найду там то, что думаю... я могу не смочь это вычистить. Я резчик, а не творец. И если начнется откат системы — тебе никто не поможет.

Калев молча начал расстегивать мокрый плащ. Ни тени сомнения. Холодное, математическое согласие на риск.

— Запускай алгоритм, Док, — сказал Калев ледяным тоном, в котором пробивалась ненависть. — Я хочу знать лицо ублюдка, который меня сломал.

Теплая вода в сканирующей ванне пахла озоном и застоявшейся ржавчиной.

Калев Калахан погрузился в нее, чувствуя, как дешевый пластик царапает кожу на лопатках. Он заставил себя рас-

слабиться. Корпоративный инстинкт кричал об опасности: лечь в нейро-ванну подпольного мясника было равносильно тому, чтобы отдать ключи от ядерного арсенала уличному сумасшедшему.

Но страх потерять свою личность был сильнее страха смерти.

Мигель стоял над ним. Рука хирурга уже не дрожала. Как только дело дошло до железа и портов, паника уступила место мрачному, почти трансовому профессионализму.

— Я заливаю черный эфир, — голос Мигеля звучал глухо над поверхностью воды. — Фабричный корпоративный гель не пробьет пятый слой, если там стоят блокировки, о которых ты говоришь. Черный эфир — грязный. Ощущения будут... скверными.

Калев кивнул, не открывая глаз.

— Делай свою работу, Док.

Мигель взял толстый, потертый кабель с синей изоляцией. На его конце тускло блеснул массивный штекер.

— Расслабь запястье.

Калев почувствовал жесткое прикосновение к своему порту. Затем — холодный, металлический щелчок.

В ту же секунду мир перестал существовать.

Черный эфир не был похож на легкий, почти незаметный фабричный раствор, которым пользовались в "Сингулярити Мед". Он ударил по синапсам так, словно Калебу в вену влили расплавленный свинец. Мышцы свело судорогой. Воздух

выбило из легких. Перед глазами вспыхнула ослепительно белая вспышка, мгновенно сменившаяся абсолютной, звенящей пустотой.

С внешней стороны, в подвале "Аквы", Мигель смотрел на дернувшееся тело миллиардера. Кулеры старых серверов взвыли, переходя на максимальные обороты. Экраны вспыхнули зеленым кодом.

— Твою мать, корпоративный лед... — прошипел сквозь зубы хирург, чьи пальцы замелькали над сенсорной панелью.

Система Калеба была защищена лучшими файрволами Оукхейвена. "Мемо-Синтез" ставил на VIP-клиентов пассивную защиту, блокирующую любые несертифицированные попытки чтения.

Мигель не стал ее ломать — это заняло бы часы и вызвало бы тревогу. Он пустил сигнал *под* ней. В слепую зону. Черный эфир позволял хирургу проскользнуть по самому краю базальных ганглиев, там, где лежали древние, примитивные инстинкты, не защищенные корпоративной паранойей.

Экран мигнул, ломаясь на пиксели, а затем выдал четкую трехмерную карту нейронной архитектуры Калеба.

Мигель впился взглядом в монитор.

Сначала он увидел то же, что и доктор Тернер. Высшие слои. Идеальные, гладкие магистрали логики, воли и памяти. Они светились холодным серебром. Никаких разрывов. Никаких шрамов. Мозг безупречного хищника.

Но Калеб сказал: *"Он внедряет привычки"*.

Мигель переключил спектр сканера на анализ повторяющихся нейронных паттернов — зону автоматических реакций.

Картинка изменилась. Серебро померкло, уступая место глубоким, пульсирующим узлам синего и красного цвета.

Мигель подался вперед, почти касаясь носом холодного стекла монитора.

— Боже правый... — выдохнул он.

Сто сорок три стандартных пакета «Мемо-Синтез». Огромное количество. Топ-менеджеры лепили их на себя, чтобы не спать, не волноваться, концентрироваться, забывать о стрессе. 143 пакета должны были превратить мозг Калеба в лоскутное одеяло из обрывков чужого кода.

Но они не превратили.

Потому что кто-то *сшил* их вместе.

Мигель видел работу уличных резчиков — грубую, со следами выжженных синапсов. Он видел работу корпоратов — стерильную, но шаблонную.

То, что он видел сейчас, ломало его понимание профессии.

Между сто сорока тремя стандартными пакетами были проложены тысячи микроскопических, невидимых связей. Они не заменяли память Калеба. Они обвиняли ее, как плещ оббивает дуб.

Тридцать семь скрытых подключений к порту. Лог-файл, спрятанный так глубоко, что легальный сканер принял его за

часть иммунной системы мозга.

Мигель запустил трейсер вдоль одной из этих искусственных связей. Она вела в центр удовольствия и активировалась на... запах яблочного мыла? Хирург переключил канал. Другая нить вела в аудиальную кору — реакция на звук скрипки. Третья — блокировка аналитического центра при выбросе адреналина определенной частоты.

"Я чувствую то, чего не должен", — сказал Калеб.

Теперь Мигель понимал почему. "Баг", который искал этот корпоративный босс, не был локальной опухолью.

Вся личность Калеба Калахана за последние годы была методично, по кирпичику, перестроена вокруг этих искусственных привычек. Тот, кто это сделал, не использовал скальпель. Он использовал нейронную гравитацию. Он менял вес привычек так, что Калеб сам, добровольно, перестраивал свою волю под новые вводимые.

Мигель сглотнул вязкую слюну.

Он приблизил самый глубокий узел, корневой каталог, откуда расходились нити.

Там, на границе пятого слоя, где архитектура сливалась с подсознанием, Мигель увидел *подпись*.

Никто не оставляет подписей в чужом мозге. Это невозможно технически. Но здесь, сплетенный из дюжины синаптических мостиков, висел код-паттерн. Идеальная, замкнутая сама на себя микро-схема.

Она образовывала форму.

Петля. Против часовой стрелки.

Мигель отшатнулся от монитора, снеся локтем металлический лоток. Скальпели со звоном разлетелись по бетонному полу.

Его прошиб холодный пот.

Он никогда лично не знал создателя этой подписи. На Барже это было имя из категории городских легенд подполья. Миф о Первом Архитекторе, военном инженере, который мог перестраивать не только память, но и суть человека. Маркус Доул.

Мигель перевел дикий взгляд с монитора на воду, в которой лежал Калев.

Сегодня был день, когда все демоны Оукхейвена решили собраться в его подвале. Сначала Элара — ходячий архив с 2847 изменениями. Потом Интерпол. А теперь — живой шедевр Маркуса Доула. Шедевр, который просит это вырезать.

Мигель дрожащими руками потянулся к панели и ударил по кнопке «Экстренный вывод».

Калев в ванной судорожно выгнулся. Из легких вырвался хриплый стон, переходящий в кашель. Вода выплеснулась через край. Черный эфир мгновенно покинул нейросеть, оставив после себя чудовищную мигрень и тошноту.

Минимум минуту Калахан просто лежал, пытаясь сфокусировать зрение на тусклом аварийном светильнике под потолком. Боль была пульсирующей, рвущей череп на части.

Наконец, он с трудом повернул голову.

Мигель стоял у серверов, бледный как мел, и курил. Сигарета в его руке прыгала.

— Нашел... баг? — каждое слово давалось Калебу с трудом, голос был слабым, но стальным.

Мигель затаился. Выпустил дым в потолок.

— Я нашел архитектуру, — хрипло ответил хирург, не глядя на него. — Сто сорок три корпоративных пакета. Тридцать семь глубоких погружений в течение длительного времени. Кто-то заходил в ваш мозг как к себе домой.

Калев медленно сел в ванной. Вода стекала по его обнаженному торсу. В глазах мелькнуло торжество правоты и одновременно дикий ужас.

— Тернер идиот, — прошептал он. — Вытащи это. Вырежи всё, Док. Сколько еще нужно заплатить?

Мигель горько, безнадежно усмехнулся. Он посмотрел прямо в лицо Калебу. За ледяной стеной корпоративного контроля Мигель теперь ясно видел нити марионетки.

— Деньги здесь не помогут, мистер Смит. Я не могу это вырезать.

Калев замер. Мышцы на его скулах напряглись.

— Потому что у тебя нет оборудования?

— Потому что тогда вы умрете, — отрезал хирург. — То, что сидит в вашей голове... это не паразит. Это фундамент. Тот, кто это спроектировал — гений. Он сплел эти тридцать семь закладок с вашими базовыми инстинктами. С вашим дыханием. С вашим умением радоваться и бояться. Это и

есть вы.

Калеб медленно покачал головой.

— Я — Калеб Калахан. Я контролировал синдикаты до того, как этот вирус...

— Вы контролируете их *благодаря* ему, — жестко перебил Мигель. — Вы думаете, что потеряли себя? Ирония в том, корпорат, что эта система подстроек и пакетов сделала вас тем механизмом, которым вы сейчас являетесь. Если я вырежу петлю из пятого слоя, ваша личность рухнет. Осыплется, как карточный домик. Останется пустая оболочка, которая даже ложку в рот поднести не сможет.

Калеб смотрел на уличного хирурга. Его мир, его абсолютная математическая уверенность в контроле над собственной жизнью рушилась на глазах.

— Петлю? — эхом повторил Калеб, цепляясь за единственное конкретное слово.

Мигель кивнул на потухший экран монитора.

— На базе вашей нейросети оставлена подпись. Идеальная петля, замкнутая против часовой стрелки. Это почерк мастера. Того, кто работает не за деньги, а ради идеи.

В подвале повисла тяжелая тишина. Только капли падали на бетон.

Калеб медленно выбрался из ванны. Его знобило — не от холода воды Ила, а от абсолютного, космического холода осознания.

Мигель швырнул окурок на пол и растер ботинком. Затем

подошел к столу и двумя пальцами пододвинул черный чип обратно в сторону Калеба.

— Забирай свои кредиты. Я не могу вылечить то, что не является болезнью.

Кaleb посмотрел на чип. Затем обернулся к Мигелю. Его глаза, пропитанные синевой и болью, снова стали ледяными. Хищник вернул себе контроль. Если болезнь нельзя вырезать, значит, нужно найти того, кто её создал.

— Оставь их себе, — тихо сказал Кaleb. — За информацию.

— Какую информацию? — напрягся Мигель.

— Ты знаешь, чья это подпись. Ты знаешь, кто этот мастер.

Мигель отступил на шаг. Тень паники снова скользнула по его лицу.

— Вы ищете призрака, мистер Калахан, — Мигель впервые назвал его настоящим именем. Маски были сброшены. — Человек, который оставляет такие петли, не сидит в клиниках. Он перекраивает мир. Найдите его, и, возможно, он объяснит, зачем он так долго и кропотливо собирал вас по частям.

Кaleb потянулся за своим пиджаком. Диагноз был поставлен. Врач был бессилён.

Теперь это была не медицинская проблема.

Теперь это была проблема корпоративной безопасности. И Кaleb Калахан собирался решить её так, как решал всегда

— найдя источник угрозы и приставив ствол к его голове.

В подвале «Аквы» тяжело гудело вентиляционное оборудование.

Калёб Калахан стоял посреди комнаты, сжимая в руке мокрый армейский плащ. Ледяная броня корпоративного хищника — та самая маска, которую он не снимал десятилетиями — дала глубокую трещину.

В его влажных синих глазах плескалась боль человека, осознавшего, что он живет в чужом, искусно спроектированном доме. И этот дом — его собственный разум.

Но страх не сделал Калеба слабым. Он сделал его опасным, как раненого зверя. Воздух вокруг него, казалось, звенел от напряжения.

— Кто это сделал? — Калёб оборвал тяжелую тишину. Его голос вибрировал, в нем больше не было гладкой, выверенной пустоты. Это был голос человека, готового рвать голыми руками. Каждое слово лязгало, как взводимый курок. — Кто эта тварь, которая возомнила себя Богом в моей голове? Имя.

Мигель стоял у стола, тяжело опираясь на металлическую крышку обеими руками. Он смотрел на черный чип со тысячами синтетики, лежащий между ними.

Деньги решали всё на Третьем причале. За эту сумму Мигель мог бы купить себе новую жизнь на Островах Падальщиков, стереть своё имя из всех баз Интерпола, забыть про Элара, про Баржу и про Томаса.

Достаточно было просто произнести одно женское имя.

Хирург поднял глаза. Он смотрел на могущественного СЕО, чья империя простиралась над всем Оукхейвеном. Этот человек только что узнал, что он — марионетка. Если направить его гнев на Элару... он сотрет её в пыль быстрее, чем Интерпол успеет завести ордер. Калахан найдет её, где бы она ни пряталась, и заставит вернуть себе контроль, даже если для этого придется вырезать ей порт вместе с позвоночником.

Элара была той, кто принес хаос в его клинику. Из-за ее архитектуры к Мигелю вломились легавые. Из-за нее он только что выжег свои серверы.

Логика Ила диктовала сдать её с потрохами.

Но Мигель вспомнил глаза Элары, когда она лежала под сканером. Глаза человека, чья память представляла собой огромное, выжженное поле на 2847 кратеров. Она не была Богом, наслаждающимся властью. Она была таким же сломанным инструментом системы, как и этот корпорат перед ним.

Мигель сглотнул. Он был уличным резчиком, грязным дельцом-выживальщиком. Но на Барже, где предательство было валютой, существовал один-единственный закон чести: *мы своих не продаем Верхнему городу.*

— Вы ищете призрака, мистер Калахан, — ответил Мигель. Голос хирурга парадоксальным образом стал спокойнее. Трясучка прошла. Он принял решение. — Имя, которое

оставило эту подпись, — это миф.

Калев шагнул вперед. В его движении была жуткая, хищная грация.

— Назови его, Док. Иначе я похороню тебя под этой гробаной Баржей вместе с твоей клиникой.

Угроза была физически осязаемой. Мигель знал, что Калахан не блефует. Раненое эго человека такого уровня требовало немедленного возмездия. Но хирург выдержал этот взгляд.

— Его зовут Маркус, — произнес Мигель, глядя прямо в воспаленные глаза Калеба. — Маркус Доул.

— И где он?

— Не знаю. На Барже говорят, что это старая школа. Первый Архитектор. Военный инженер, который перестал работать на государство и ушел в тень. Петля против часовой стрелки — это его визитная карточка. Никто никогда не видел его лица. Он не работает через посредников. Как он нашел вас, и зачем вы ему понадобились — знаете только вы. И он.

Калев замер. Имя прозвучало. "Маркус Доул". Оно не вызвало никаких ассоциаций. Но теперь оно было выжжено в его оперативной памяти.

Эмоция, прорвавшаяся на лицо Калахана секунду назад, начала медленно замерзать, уступая место привычному, математическому расчету. Корпоративный интеллект принял вводные данные.

Маркус Доул. Цель зафиксирована.

Калев посмотрел на Мигеля. В глазах хирурга не было страха. Было странное, почти стоическое спокойствие человека, который только что добровольно отказался от целого состояния ради принципов, которых у него не должно было быть.

Калахан потянулся к столу. Мигель инстинктивно напрягся, подавшись назад, ожидая удара или выстрела.

Но рука СЕО легла на поверхность стола, всего в сантиметре от черного чипа.

— Забирай, — бросил Калев, накидывая плащ на спину.

— Информации было недостаточно для такой суммы, — Мигель не притронулся к чипу.

— Это не за информацию, — Калев остановился у порога. В тусклом свете неона его профиль казался высеченным из камня. — Это за то, что ты выжил легальных шавок из своей системы и спас мою жизнь от скальпеля, о котором никто не просил. Собирай вещи, Док. Следующий, кто придет искать Томаса или Маркуса, на вопросы отвечать не станет.

Тяжелая дверь клиники лязгнула, закрываясь за корпоратом.

Мигель остался один. Он тяжело осел в скрипящее кресло. Сердце колотилось где-то в горле. Он только что солгал самому опасному человеку в Оукхейвене. Он скормил Калебу легенду о Маркусе, полностью выведя из-под удара Элару. Направил гнев хищника на призрака.

Воздух Баржи был всё таким же гнилым. Но впервые за долгие годы Мигель, глядя на сто тысяч кредитов перед собой, почувствовал странное удовлетворение от того, что поступил не так, как выгодно. А так, как было правильно.

Он протянул руку и забрал чип. Пора было уходить.

АКТ III — ЗЕРКАЛА

Глава 17. Человек с двумя тысячами изменений

«Мемо-Синтез» обожал белый цвет. Клиника «Элизим-Медикал» для высшего звена корпорации на десятом ярусе сияла матовой безупречностью. Здесь не пахло хлоркой или мазутом Третьего причала. Здесь пахло свежесрезанными лилиями и деньгами.

Рейн Дэвис смотрел сквозь одностороннее стекло палаты, засунув руки глубоко в карманы пальто. Ему отчаянно хотелось пробить эту стерильную панель кулаком — просто проверить, есть ли за ней настоящая бетонная стена.

Рядом, словно дорогой манекен в костюме индивидуального пошива, стоял доктор Эббот, главный психиатр клиники. Гладкий. Безупречный. Непроницаемый.

— Инспектор Дэвис, я буду с вами откровенен, — голос Эббота звучал с профессионально выверенной, мягкой снисходительностью. — Ваше присутствие здесь... диссонирует с нашей атмосферой. Мы удовлетворили этот нелепый запрос на визит исключительно из уважения к значку Интерпола.

— Ваше уважение трогает меня до слез, доктор, — Рейн даже не повернул головы, продолжая разглядывать человека в белой палате.

Пациент сидел на полу, раскачиваясь из стороны в сторо-

ну. Серый больничный балахон висел на нем, как на скелете.

— Виктор Хейз. Ваш ведущий инженер-проектировщик, — медленно произнес инспектор. — Три дня назад его нашли блуждающим по торговому уровню. Без обуви. Он пытался купить кофе, расплачиваясь пуговицами, и не мог вспомнить собственное имя. Но зато он в деталях помнил маршрут миграции южноамериканских китов. Интересный симптом для офисного работника.

Эббот поправил очки в тонкой золотой оправе.

— Профессиональное выгорание, инспектор. Смешанное с передозировкой легкими ноотропами. Хронический стресс способен на причудливые трюки. Корпоративная страховка покрывает его реабилитацию. Это внутреннее дело компании.

Рейн наконец медленно повернулся. Его глаза, холодные и цепкие, впилась в лицо врача.

— Выгорание? Вы называете выгоранием состояние, когда личность человека стерта в ноль, словно неудачный черновик?

— Я называю это острым психозом, — парировал Эббот, скрестив руки на груди. — И я не обязан обсуждать диагнозы с полицией. У вас нет ни ордера на изъятие медкарт, ни оснований для расследования. Человек сошел с ума. Это трагедия, а не преступление.

— Вы правы, — Рейн внезапно улыбнулся. Это была страшная, волчья улыбка, не сулящая ничего хорошего. Он сделал плавный шаг к Эбботу, вторгаясь в его личное про-

странство. — У меня нет ордера на ваши логи. Но у меня есть медицинский протокол номер сорок два подпункт «В». Знаете такой?

Эббот чуть заметно прищурился.

— Это протокол эпидемиологического контроля. К чему это здесь?

— К тому, доктор, что если симптомы неизвестного нейро-отклонения угрожают социальной стабильности, я имею право объявить вашего пациента нулевым биологическим пациентом, — голос Рейна упал до издевательского шепота. — Я прямо сейчас вызову бригаду муниципальной био-защиты. Ребята в желтых громоздких костюмах разнесут вашу стерильную дверь кувалдами, упакуют вашего гениального программиста в свинцовый гроб и увезут его в подвалы карантинной зоны на Первый ярус. А клинику, где лечатся директора "Мемо-Синтез", мы опечатаем на месяц. До выяснения.

Корпоративный фасад Эббота дал трещину. Желваки на его лице перекатились.

— Вы блефуете. Ни один судья не подпишет биологическую угрозу из-за нервного срыва.

— Вы хотите проверить скорость работы моей рации или свои подвязки в суде? — Рейн демонстративно потянулся к переговорному устройству на поясе. — Мои ребята с Третьего причала будут здесь через десять минут. Они очень не любят чистые полы. Представляете заголовки в утренних

сетях? «Биологическое заражение в сердце Мемо-Синтез». Акции вашей корпорации рухнут быстрее, чем вы успеете сказать слово "выгорание".

Рука Эббота машинально дернулась вперед, словно он хотел перехватить рацию, но врач вовремя взял себя в руки. Он тяжело выдохнул, озираясь на камеры наблюдения, и резко понизил голос.

— Что вы хотите знать?

— Всё, — жестко, без тени юмора отрезал Рейн. — И давайте без сказок про ноотропы. Виктор был инженером базовых кодов. Что он с собой сделал?

Эббот отвел взгляд первым. Он повернулся к сенсорной панели на стене, открывая жалюзи шире.

— Он был не просто инженером. Он был фанатиком. Виктор тестировал алгоритмы глубоких подстроек. Тяжелые хирургические пакеты, которые меняют фундамент личности, а не просто дарят бодрость. Мы запустили глубокий скан слоя, когда его доставили уличные патрули.

— И сколько пакетов он на себя загрузил? — Рейн подошел к стеклу, не сводя глаз с раскачивающегося на полу Виктора.

Эббот замялся. Цифра, которую он должен был произнести, была медицинским абсурдом. Грязной тайной корпорации.

— Две тысячи сто четырнадцать, — произнес врач так тихо, что Рейну пришлось напрячь слух. — За семь лет.

Инспектор замер. Внутри него всё похолодело. Две тысячи. Этого должно было хватить, чтобы сжечь мозг дотла еще в первый год.

— Посмотрите на него, инспектор, — Эббот нажал на сенсор. Аудиоканал с палатой включился.

На полпути Хейз вдруг замер. Крупные слезы беззвучно катились по его впалым щекам. Он плакал от абсолютно невыносимого, всепоглощающего горя.

— Транквилизаторы его не берут? — Рейн нахмурился, наблюдая эту вязкую, жуткую агонию.

— Физиологически он абсолютно спокоен. В его крови сейчас достаточно седативного, чтобы усыпить лошадь, — покачал головой психиатр, и в его голосе впервые прорезался неподдельный страх врача перед неизвестностью. — Его биохимия подавлена.

— Тогда почему он рыдает, как ребенок?

Психиатр приложил ладонь к стеклу.

— Потому что это не его слезы, Дэвис. Две тысячи внедренных создали внутри него архитектурный хаос. Чужая скорбь. Чужая уверенность. Под напором такого объема оборванных контекстов его собственный фундамент был смят. Там внутри... просто многоголосье.

Эббот нажал на интерком.

— Виктор. Ты меня слышишь?

Мужчина на полу вздрогнул. Он медленно поднял голову. В его пустых, покрасневших глазах внезапно мелькнула со-

вершенно чужая, острая осмысленность. Губы Виктора, секунду назад дрожавшие от рыданий, вдруг растянулись в широкой, пластиковой, пугающе безупречной улыбке.

Голос, вырвавшийся из его горла, не имел ничего общего с разбитым пациентом. Это был поставленный, жизнерадостный вокал нейро-донора из дорогой рекламы:

— *"Отличное утро начинается с ясности. Попробуй пакет номер три и забудь о..."* — голос дрогнул, сломался, улыбка сползла с его лица, и Виктор внезапно сорвался на хриплый, животный крик, вцепившись пальцами в короткие волосы. — Нет! Это не моё! Уберите её отсюда!

Он снова затрясся от рыданий, но сквозь всхлипы вдруг прорвалась совершенно другая фраза, произнесенная монотонным, старческим шепотом:

— *"Я так любил эту собаку... почему она не бежит ко мне..."*

Рейн отступил от зеркала на полшага. Липкий, ледяной пот выступил между лопаток.

Виктор корчился на полу, захлебываясь слезами, которые не принадлежали его памяти, повторяя обрывки из сотен жизней, которые он вшил в свой мозг. Живое, дышащее кладбище разорванных контекстов.

Инспектор молча смотрел на эту когнитивную руину, стараясь сохранить внешнее спокойствие. Но в его голове с бешеной, расчетливой скоростью складывались пазлы, от которых веяло настоящим ужасом.

Томас на Барже — исчезнувший в подполье, чтобы вырезать из головы «Стеклянный собор». Артур Пенн — корпоративный клерк, ставший пустой оболочкой. И вот этот гений из «Мемо-Синтез», ставший полигоном для архитектуры пакетов.

«Симптомы те же. Механизм тот же,» — понял Рейн, чувствуя, как пульс учащается. *«Это не совпадение. И уличный хирург уровня Мигеля не мог написать алгоритм такой сложности, чтобы он сожрал главного инженера корпорации.»*

Масштабы преступления разворачивались перед Дэвисом во всем их безумном величии. Тот Архитектор, которого он искал на Барже... казалось, он никогда и не был уличным самоучкой. Этот вирус — эта перекройка сознания насмерть — шел откуда-то сверху.

Рейн повернулся к Эбботу. На лице инспектора не дрогнул ни один мускул. Он не собирался отдавать корпорации ни одной карты, которую держал в рукаве.

— Вы правы, доктор. Это трагедия, — сухо процедил Рейн, берясь за ручку двери. — Лечите своего мальчика. Надеюсь, корпоративная страховка покроет ему хорошую смирительную рубашку.

Он вышел из стеклянных дверей клиники на оживленный тротуар десятого яруса. Холодный ветер ударил в лицо. Рейн поднял воротник пальто и посмотрел вверх.

Над ним, разрезая свинцово-серое небо, возвышались ги-

гантские белоснежные башни монополии «Мемо-Синтез». Безупречные. Недостигаемые.

Рейн Дэвис достал из кармана мятую сигарету и закурил, не сводя глаз с вершины шпиля. Теперь он знал главное: монстр не прятался в канализациях Баржи. Источник эпидемии жил там, наверху. И Виктору Хейзу заложили эту двухтысячную бомбу в голову не случайно. Это был неудавшийся эксперимент Архитектора корпоративного масштаба.

Штаб-квартира Интерпола в Оукхейвене располагалась на четырнадцатом ярусе, в зоне, где правительственный монолит перетекал в стеклянные шпили корпораций. Воздух здесь всегда был холодным и отфильтрованным до стерильности, а панорамные окна открывали вид на гигантскую, медленно пульсирующую артерию города — эстакады скоростного транспорта.

Рейн Дэвис сидел за своим рабочим столом, глядя на голографические мониторы. Перед ним висели три досье.

Слева — фотография выглаженного, аккуратного Артура Пенна. Мертв.

В центре — размытый снимок Томаса с камеры наблюдения на Барже. Пропал без вести.

Справа — Виктор Хейз, ведущий инженер «Мемо-Синтез». Жив, но заперт в собственной голове, как в переполненной тюрьме чужих жизней.

На столе перед Рейном стояла остывшая чашка кофе. Миллер, мрачно жующий синтетическую зубочистку, стоял

позади кресла инспектора, скрестив руки на груди.

— Я вытряс из корпоративного архива логи Хейза, — голос Миллера звучал глухо, как из-под воды. Он указал на центральный экран, где бежали бесконечные колонки зеленых цифр. — У них там, наверху, паника похуже нашей. Они пытаются замять дело, скидывают вину на "выгорание" и перегрузку стимуляторами. Но мы вырвали сырые данные по ордеру.

— И что ты видишь в этих сырых данных? — Рейн не отрывал взгляда от лиц своих жертв.

Миллер тяжело вздохнул и нажал несколько кнопок на клавиатуре. Цифры на экране перестроились в сложную, многоуровневую диаграмму, похожую на анатомический срез человеческого мозга, состоящую из ярких вспышек и темных узлов.

— Вижу две тысячи сто четырнадцать вшитых пакетов. Это не просто наркомания, Дэвис. Это... строительство, — детектив покачал головой. — Смотри на временные метки. В последний год он вкачивал в себя по две модификации в день. Он тестировал на себе прототипы высшего порядка.

Рейн подался вперед.

— И почему система не выкинула отторжение? При таком конфликте директив мозг Хейза должен был перегореть на двухсотом пакете. Мотор не может работать на десяти разных видах топлива одновременно.

— В том-то и дело, — Миллер ткнул пальцем в экран,

приближая один из узлов диаграммы. — Я показал это нашим кибер-криминалистам. Они сидят там бледные и пьют успокоительное. Смотри.

На экране вспыхнула область, где разноцветные нити чужих кодов переплетались в тугой, пульсирующий ком. Но прямо в центре этого кома, словно глаз урагана, зияла абсолютно пустая, черная дыра.

— Что это? — прищурился Рейн.

— Это фундамент, — тихо ответил напарник. — Знаешь, как строят небоскребы на нестабильном грунте? Они заливают сверхпрочный бетонный ствол до самого ядра земли, а уже на него вешают этажи и стекло. У Хейза есть такой ствол.

Миллер вывел на экран дополнительную панель.

— Три года назад кто-то зашел в нейронную сеть Виктора Хейза и вырезал его базовую архитектуру. Снес нахрен всё человеческое, что в нем оставалось. И залил туда... вот это. Пустоту.

Рейн смотрел на черную дыру в центре диаграммы. Она была идеальной формы. Гладкая, зеркальная поверхность на самом дне разума, отражающая тысячи пакетов. Инспектор почувствовал, как по спине пробежал первобытный холодок.

— Такого не бывает, — прошептал Рейн, почти касаясь экрана. — Человека нельзя стереть так чисто. Вырезать фундамент — это гарантированная смерть мозга на столе. Кто вообще способен на такое? Технологий такого уровня просто не должно существовать.

— Согласен, — кивнул Миллер. — И это не корпоративная метка «Мемо-Синтез». У них всегда есть цифровая подпись на каждом пакете. А здесь — мертвая тишина. И именно этот фундамент позволил Хейзу принять еще полторы тысячи пакетов сверху, пока он не лопнул под весом последней модификации.

Рейн откинулся в кресле. Пазлы складывались, но картина получалась невыносимой.

— Это корпоративный эксперимент, — жестко произнес Дэвис, глядя на белые башни за окном. — Они стерли своего гения, чтобы посмотреть, сколько груза выдержит эта пустота. Поэтому Эббот так нервничал. Архитектор корпоративного масштаба сидит прямо в «Мемо-Синтез».

— Возможно, — Миллер потер подбородок. — Но если это корпорация, зачем им резать код так кустарно, скрывая подписи? Зачем использовать технологии, которые не отслеживаются их же системами безопасности? И главное... — детектив перевел взгляд на левое фото, — при чем здесь Артур Пенн и портовый бродяга Томас? Зачем корпорации стирать нищего с Баржи?

Инспектор замер. Версия с корпоративным заговором дала трещину. Томас. Идеально пустой Артур Пенн. Изуродованный Виктор Хейз.

— Значит, Хейз нашел кого-то извне, — медленно, размышляя вслух, поправил себя Рейн. — Того, кто умеет зачищать фундамент лучше, чем корпоративные алгоритмы. Ар-

хитектора, который способен построить "бетонный ствол" для тысяч чужих жизней. И этот Архитектор работает не на компанию.

Инспектор резко открыл глаза и ударил кулаком по столу.

— Миллер. Подними логи клиники мясника с Третьего причала. Мигеля.

Десять секунд спустя на экране замелькали строчки муниципальных отчетов об электроэнергии и трафике нижних ярусов. Миллер профессионально отфильтровал информационный мусор.

— Я не могу вскрыть медицинские логи Мигеля — он их стер, как ты и предполагал, — хмыкнул детектив. — Но я могу посмотреть потребление энергии в его квартале. Вчера ночью, примерно в то же время, когда пропал Томас, в аппаратной Мигеля произошел колоссальный скачок напряжения. Охладительные системы серверов работали на пределе. Это не промывка системы наркоману. Это было глубокое, критическое погружение. Со сбросом дампов памяти.

Рейн встал.

— Миллер. Виктор Хейз, Артур Пенн и этот Томас. Все они — результаты работы одного Архитектора. И этот Архитектор — не уличный дилетант. Кто-то на Барже способен резать корпоративный код так тонко, что даже система «Мемо-Синтез» использует его как фундамент.

Он взял со стола мятую пачку сигарет и сунул ее в карман пальто.

— И я думаю, Мигель вчера ночью сканировал не Томаса. И не Артура Пенна.

— А кого? — нахмурился Миллер.

Рейн подошел к панорамному окну, глядя на мерцающие вдалеке огни Нижних ярусов Оукхейвена.

— Кого-то, кто попросил проверить собственный фундамент. Нам нужно найти человека, который приходил к хирургу перед тем, как мы выломали ему дверь. Человека, который напугал Мигеля больше, чем Интерпол. И напугал настолько, что Мигель даже под дулом пистолета не назвал ни одного имени.

Рейн застегнул пальто. Охота больше не была слепой прогулкой по портовым докам. Он учуял след. След существа, которое было страшнее любого маньяка. Существа, которое переписывало людей, пока они сами этого просили. И это существо прямо сейчас пряталось где-то в сырых подвалах Баржи.

Глава 18. Второе лицо

Калеб Калахан никогда не пил в одиночестве. Стробоскоп корпоративной жизни требовал идеальной концентрации. Алкоголь притуплял реакции, а в мире верхних эшелонов притупленная реакция обычно стоила карьеры. Или свободы.

Но сегодня вечером, стоя посреди своего ледяного, безупречно чистого пентхауса на сорок пятом этаже, он наливал себе уже третий стакан янтарного виски. Лед тихо звякнул о хрусталь. На этот раз звук показался Калебу чужим. Слишком громким.

На черном мраморе кухонного острова лежал дешевый, затертый планшет — единственная вещь в этой огромной квартире, выбивающаяся из идеального порядка. Планшет, за который Калеб несколько часов назад отдал подпольному хирургу на Барже кейс немаркированных кредитов.

Калеб поставил стакан и снова коснулся потрескавшегося экрана.

На дисплее висела трехмерная голограмма его собственной нейронной сети. Она совершенно не была похожа на те аккуратные, успокаивающие зеленые графики, которые ему каждый полгода показывал личный высокооплачиваемый невролог доктор Тернер. Скан мясника Мигеля был безжалостно глубоким. Он освещал не только красивый фасад,

но и самый темный, грязный фундамент.

— Сто сорок три пакета, — вслух произнес Калев.

Его голос прозвучал сухо и отстраненно, словно он зачитывал квартальный отчет о слиянии компаний. Внутри росла странная, звенящая пустота.

— Сто сорок три скрытых корпоративных стандарта, — продолжил он, листая лог-файлы. — «Абсолютный фокус», «Отсутствие эмпатии на переговорах», «Скорость принятия решений», «Подавление микро-стресса»...

Он сделал глоток виски, не сводя глаз с экрана.

Мигель оказался прав. Тернер лгал ему годами, или просто был слишком глуп, чтобы заметить очевидное. Калев не был гениальным стратегом от природы. Он был просто очень дорогой, пугающе эффективной и прекрасно собранной машиной. Жестокий, холодный, безупречный акула-капиталист Калев Калахан — это не человек. Это продукт искусного нейро-монтажа. Кто-то взял его и превратил в идеального корпоративного хищника. Но кто? Зачем? Конкуренты? Собственный совет директоров?

Калев снайперским движением двумя пальцами увеличил изображение на экране. В самом центре нейронной схемы, там, где базировались простейшие бессознательные инстинкты, светящиеся нити кода складывались в странный узор. Петля. Идеальная, затянутая против часовой стрелки нейронная петля. Подпись мастера.

«Этот парень, который в тебе копался... он не мясник, —

снова зазвучал в памяти хриплый, испуганный голос Мигеля. — Он гений. Он сшил тебя так тонко, что даже медицинские сканеры верхнего яруса думают, что это твоя родная плоть. Но эту петлю он оставил не случайно. Это гордость.»

Калев опустил стакан на мрамор. Его не злило то, что он узнал. Станным образом, эта пугающая правда приносила облегчение. Теперь он понимал свою внезапную тягу к тяжелой воде, необъяснимую любовь к скрипачу в переходе, запах яблочного мыла по утрам и сны об отсыревшем подвале. Это были швы. Эхо чужих привычек. Места, где чужая архитектура слегка натирала его собственную, стертую личность.

Логика Калеба работала как часы. Без истерик. Он должен найти этого Архитектора. Выяснить, кто заказал его "перепрошивку". И получить оригинал — узнать, кем он был до того, как в его голову вшили эти 143 пакета.

Он потянулся к стеклянной панели управления "умным домом", чтобы включить полное освещение и сесть за рабочую консоль для поиска информации о загадочной "петле".

И в этот момент система дала сбой.

Не система "Умного дома". Система Калеба.

Его рука замерла в дюйме от сенсорной панели. Сердце вдруг сделало резкий, болезненный кувырок и забилось с бешеной, птичьей скоростью. Дыхание перехватило. Калев отшатнулся от панели, словно стекло ударило его разрядом тока.

Паника.

Чистая, животная, неконтролируемая паника затопила его грудную клетку так внезапно, что он пошатнулся и оперся спиной о ледяную стену.

Калев широко открыл глаза. Он никогда в жизни не испытывал панических атак. У него не было для них физиологических причин — пакет «Подавление микро-стресса» работал безотказно. Но сейчас... сейчас он почему-то до спазма в горле боялся темноты.

Он смотрел в неосвещенный, погруженный в глубокие ночные тени длинный коридор своего пентхауса. Ему мерещилось, что тени там сгущаются, становятся плотными, осязаемыми. Со всех сторон смыкались стены.

Это был не взрослый страх перед неизвестностью или убийцами. Это был глубокий, иррациональный, плаксивый детский ужас. Страх перед монстром в тесном пространстве. Страх, от которого хотелось сжаться в комок, спрятаться под одеяло и закрыть уши руками.

— Что за... черт... — проочередил Калев сквозь стиснутые зубы, пытаясь заставить себя сделать вдох. Воздух застревал в горле шершавым комом.

...там тесно... темно-темно... мама, не выключай...

Чужая мысль пронеслась в его голове — тонкая, жалкая, испуганная. Она совершенно не была похожа на его собственный холодный, ровный внутренний голос.

Калев Калахан, человек, увольнявший тысячные штаты одним росчерком пера и ломавший ветеранов корпоратив-

ных войн, медленно сполз по стене на пол, обхватив руками колени. Он мелко дрожал. Ему потребовалось целых три минуты нечеловеческих усилий, чтобы силой воли заставить свою парализованную руку подняться и ударить ладонью по выключателю на панели.

Вспыхнул слепящий белый свет. Тени исчезли.

Паника отступила так же мгновенно, как и накатила. Система восстановилась. Калев сидел на мраморном полу, тяжело дыша, и по его виску стекала капля холодного пота.

Он медленно поднес ладони к лицу. Пальцы едва заметно подрагивали.

Мигель был прав. Архитектор, кем бы он ни был, был чертовым гением. Но даже гении допускают ошибки при копировании кода. И вместе с идеальным пакетом эффективности и безжалостности, этот мастер случайно занес в голову Калеба обрывок чьего-то сломанного детства. Ключок чужого страха, который гнил на дне его разума.

Калев тяжело поднялся на ноги. Его лицо снова превратилось в холодную, агрессивную маску. Теперь он знал наверняка: он не просто машина. Он чудовищный конструктор Франкенштейна, сшитый из чужих страхов и желаний. И тот, кто держал в руках иголку, должен был за это заплатить.

Холодный душ не помог. Вода стекала по широким плечам Калеба, но внутри все еще тлел этот мерзкий, липкий осадок чужого детского страха.

Выйдя из ванной в одном полотенце, он подошел к пано-

рамному окну и посмотрел на ночной Оукхейвен. Миллионы огней сливались в единую, пульсирующую сеть. Раньше этот вид приносил ему чувство абсолютного контроля. Город лежал у его ног, как сложный механизм, ключи от которого находились на его банковских счетах.

Теперь же Калев понимал: он сам был лишь винтиком в чем-то механизме.

Он вернулся к кухонному острову и сел перед голограммой своей нейронной сети. Аналитический ум, подстегиваемый пакетом «Абсолютный фокус», уже отсек эмоции и начал холодный, безжалостный расчет.

Первый вопрос: кто заказчик?

Мясник Мигель сказал, что работы такого уровня стоят миллионы. И они требуют времени. Сто сорок три скрытых пакета не вшиваются за одну ночь. Это длительный, системный процесс. Значит, кто-то имел регулярный доступ к его порту. Кто-то, кому он доверял.

Калев открыл на планшете свой личный календарь за последние три года. Пальцы быстро летали по сенсору, выстраивая фильтры: "встречи", "медицинские проверки", "сон", "отключения службы безопасности".

Он смотрел на график, и картина начинала обретать пугающе четкие контуры.

Два года назад Синдикат Калахан вел войну за слияние с корпорацией «Мемо-Синтез». Калев контролировал нелегальный рынок — черный эфир, нейро-оружие, поставки из

затопленных зон. «Мемо-Синтез» владел легальной инфраструктурой — портами, облаком, автоматами на каждом углу. Во главе корпорации стоял Джулиан Торн — умирающий старик, как выяснилось позже, но тогда еще казавшийся несокрушимым. Кaleb планировал раздавить Торна — обрушить логистику, задушить легальный рынок нелегальным. Таким он был всю жизнь — безжалостным.

А затем, после короткой поездки в Женеву, где он оставался в одном отеле с делегацией Торна, он вернулся... сломанным. Точнее, так это выглядело для его совета. Кaleb начал сомневаться. Он вдруг почувствовал то, чего отродясь не чувствовал в бизнесе — нелепую, душащую жалость к людям Торна. К тысячам техников, операторов автоматов, мелких фармацевтов, которых его план превратил бы в безработных. Он сорвал собственную атаку. Вместо того чтобы уничтожить «Мемо-Синтез», Кaleb пошел на компромисс, потеряв миллионы личной прибыли. Именно после Женевы он начал гулять по набережной, бросать монеты скрипачу и покупать дешевый соевый шоколад.

— Женева... — прошептал Кaleb, увеличивая записи того месяца.

Пальцы замерли на сенсоре. Он не хотел вспоминать. Но воспоминание пришло само — точное, детальное, как будто вшитое в него с заводской четкостью.

*

Отель «Рояль-Кортина». Четвертый этаж, номер 412. Ок-

на выходили на Женевское озеро, но шторы были задернуты — Кaleb не любил открытую воду. Тогда еще не любил.

Вечером, за ужином в ресторане отеля, он столкнулся с Торном. Случайно. Или нет — теперь Кaleb уже не мог сказать наверняка.

Торн сидел за угловым столиком, один. Без охраны. Перед ним стояла тарелка с нетронутой рыбой и бокал воды. Просто воды. У старика дрожали руки — едва заметно, но Кaleb заметил. Его профессия требовала замечать слабости.

— Калахан, — Торн чуть приподнял бокал, не вставая. Голос шелестел, как страницы старой книги. — Какое совпадение.

— Торн. — Кaleb остановился у его стола, засунув руки в карманы. Он не собирался садиться. Завтра утром его юристы должны были подать документы на блокировку поставок «Мемо-Синтез» в юго-восточный сектор. Через неделю четыре тысячи сотрудников Торна получают извещения об увольнении. Кaleb знал это точно, потому что сам подписал приказ три часа назад. — Как рыба?

— Холодная, — Торн посмотрел на свою тарелку. — Как и всё в этом городе.

Пауза затянулась. За стеклянной стеной ресторана Женевское озеро мерцало тысячами отраженных огней, и Кaleb невольно подумал, что это красиво. Мысль была настолько чужой и неуместной, что он моргнул, как от попавшей в глаз пылинки.

— Сядьте, — сказал Торн. Не попросил. Сказал.

— Мне не о чем с вами разговаривать, Торн. Завтра мы подаём иск.

— Я знаю, — старик кивнул. — Я читал проект. Мои юристы перехватили его два дня назад. Этот иск похоронит мою компанию за полгода.

Калевб усмехнулся.

— Тогда зачем мне садиться?

— Потому что вы ещё ни разу в жизни не спросили себя, Калевб, что происходит с теми четырьмя тысячами людей, которых вы завтра выбросите на улицу. — Торн поднял на него выцветшие глаза. — Я вас не упрекаю. Вы и не должны спрашивать. Это бизнес. Но может, вам будет любопытно.

Калевб стоял и смотрел на старика. Что-то в этих словах его зацепило. Не содержание — форма. Торн не просил. Не торговался. Не угрожал. Он просто сидел за столом с остывшей рыбой и говорил правду.

Калевб сел. Не знал потом — зачем. Просто сел.

Они проговорили сорок минут. Торн рассказывал — спокойно, без надрыва — о своих операторах автоматов. О женщине, которая работает на третьем ярусе уже двенадцать лет и кормит троих детей на одну её зарплату. О пожилом техническом инженере, который знает серверную архитектуру «Мемо-Синтез» лучше, чем кто-либо живой, но не стоит на бирже ни копейки, потому что его опыт невозможно монетизировать.

Калёб слушал. И ничего не чувствовал.

Он поднялся в номер около полуночи. Принял душ. Лег. Долго лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. Разговор с Торном не произвел на него никакого впечатления. Он слышал подобные речи тысячу раз. Слабые люди всегда прикрываются чужими страданиями, когда у них кончаются аргументы.

Среди ночи он проснулся от тихого щелчка. Металлического, знакомого — так щёлкает порт, принимая входящий пакет. Стандартное ночное обновление «Мемо-Синтез». Он получал их каждую ночь, как и восемь миллиардов других носителей. Ничего необычного.

Калёб перевернулся на бок и снова уснул.

А утром — он помнил это остро, до мурашек — он стоял у окна, раздвинув шторы. Озеро блестело в утреннем свете. И Калёб смотрел на воду и чувствовал что-то странное. Не мысль. Не решение. Ощущение. Тянувшее, тёплое, похожее на ностальгию по месту, где он никогда не был. Ему хотелось выйти на набережную. Просто постоять у воды.

Он тогда списал это на усталость.

На утренней встрече он сказал своему юристу:

— Притормози иск. Перечитай пункт семь.

— Какой пункт? — юрист уставился на него. — Пункт семь — стандартное...

— Перечитай, — повторил Калёб. И сам не понял, почему.

*

Калёб открыл глаза. Голограмма нейросети мерцала перед ним, равнодушно подсвечивая его скулы голубым светом.

Тот щелчок порта среди ночи. «Стандартное обновление». Его охрана в ту ночь была переведена в соседнее крыло из-за «сбоя кондиционирования». Он тогда не придавал этому значения. Сейчас — придавал.

Он сидел в своем пентхаусе, босой, в одном полотенце, и понимал: его переписали в номере 412 женевского отеля. Пока он спал. Пока его охрана грелась в другом крыле. Один тихий щелчок — и из Калеба Калахана, который подписал приказ об уничтожении четырех тысяч рабочих мест, за одну ночь вылепили человека, который утром не смог этот приказ исполнить.

Кто имел доступ к его порту той ночью, пока охрана была в другом крыле? Кто выгадал бы от того, что "железный" Калёб Калахан вдруг потеряет хватку, обзаведется эмпатией и пожалеет конкурента?

Первый кандидат — слишком очевидный: Джулиан Торн. Глава «Мемо-Синтез». Человек, которому принадлежала вся легальная инфраструктура нейро-портов. Каждый автомат на каждом углу, каждый сервер обновлений, каждый аварийный протокол — всё это была империя Торна. Если кто и мог незаметно подключиться к чужому порту ночью в женевском отеле, используя стандартный канал обновлений «Мемо-Синтез» как прикрытие, — это был человек, владеющий

самой системой.

Но Калев не позволил себе роскошь быстрого ответа. Слишком просто. Слишком удобно. В его мире, когда ответ лежит на поверхности, — это значит, что реальный ответ зарыт двумя уровнями глубже. Мог ли это быть кто-то из его собственного совета директоров? Кто-то, кому мягкий Калев был выгоднее, чем железный? Или, может быть, кто-то из людей Торна действовал без ведома старика, играя в свою игру? Калев пока не знал.

Но рабочая гипотеза выстраивалась вокруг Торна. Слишком много совпадений.

Калев стиснул челюсть до хруста.

Если это действительно был Торн, то старик не пытался убить Калеба или свести его с ума. Это было бы слишком грубо, слишком заметно. Нет — по логике, заказчик вшил Калебу *жалость*. Как вирус. Покажи хищнику эмпатию — и он перестанет охотиться. И Калев действительно перестал. Он пощадил империю Торна и потерял миллионы.

Калев раздраженно усмехнулся. Это была болезнь, а не подарок. Чужие чувства, превратившие его из акулы в калеку с больной совестью. Любовь к скрипке — он никогда в жизни не слушал классическую музыку. Шоколад — он ненавидел сладкое. Прогулки по набережной — он боялся открытой воды с детства. Всё это было чужим. Вшитым. Имплантированным.

И вот что пугало его больше всего: иногда ему это *нрави-*

лось. Иногда, стоя на набережной под дождем, слушая, как слепой скрипач на углу играет Вивальди, Кaleb чувствовал себя... живым. Не машиной для заработка денег, не главой синдиката, а просто человеком, который стоит под дождем и слушает скрипку. И это было хуже любого яда. Потому что это означало, что он уже не может отличить себя от импланта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.